

ГАЛЕРЕЯ

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ**

№20

**Калуга
2022**

**ББК 84 (2Рос=Рус)6
Г164**

В оформлении альманаха использованы работы
Людмилы Зубаревой (Эсса):

- на обложке: «Огонёк» пастель, соус, французская бумага 70х50;
- в тексте: «Лилии» х.м. 60х50;
- из триптиха «Венеция» левая часть «Дворец дожей» акварель, торшон 40х50

Г164 **Галерея:** Литературно-художественный альманах/Сост.: М. Бендрышева. – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2022. – 196 с. – 75 экз.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ОБЗОРНАЯ ЭКСКУРСИЯ

Так получилось, что в 2022 году независимому литературному клубу «Галерея» исполняется 15 лет. Так получилось, что в этом же году подошла очередь нашего 20-го альманаха. Мы не загадывали – это совпадение. Мы вообще не заглядывали наперёд, когда осенью 2007 года при муниципальной картинной галерее Л. Климентовской задумали создать молодёжную литературную студию – такая идея родилась в городском управлении культуры после проведения городского литературного конкурса молодых поэтов. Клубочек этой истории оказался не Ариадниной нитью, уводящей в прошлое, а вполне себе самостоятельным волшебным клубком, указывающим направление – и вот какой долгий сложился у нас путь.

Прожитое время было плотным, насыщенным. Мы издавали альманахи, выпускали в свет авторские книги, вели сайт, вместе посещали интересные калужские места, принимали гостей из других городов, устраивали многочисленные и разнообразные выступления и авторские вечера, сотрудничали с библиотеками, мы обретали новых товарищей и навсегда прощались со старыми. Действительно, произошло так много, что имеет смысл вкратце перечислить только магистральные темы – развёрнутое описание займёт слишком много страниц, а это совершенно ни к чему. В нашем альманахе главное – персоналии, а не исторические экскурсии.

В разделе «Основная экспозиция» представлено творчество «галерейцев», пожелавших поучаствовать в нынешнем выпуске. Это – современное ядро литклуба, но членство мы не регламентируем, барьеры для вступления не воздвигаем, вследствие чего состав клуба довольно зыбок. В своё время от «Галереи» ответвился литературный клуб «Фавор», позже – молодёжный литклуб «Арктида»; поэт Валерий Иванов возглавил литературную студию «Назарет» при православной гимназии... И всё это – точки роста. А вот потери... В разделе «Из фондов» мы ре-

шили поместить, предварив их небольшими очерками, неопубликованные стихи Виктора Лареева и повесть Александра Хмелевского – наших талантливых соавторов, увы, не переживших пандемию.

Но важно сказать ещё об одном. Двадцатый альманах задумывался и в основной массе собирался в относительно спокойное время – до 24 февраля. Уже понятно, что эта дата разделит наше бытие на «до» и «после». Сейчас мы видим, как затягивается событийный узел, но не можем строить прогнозов – мы в самом начале больших геополитических преобразований. Хватит ли наших простых человеческих жизней, чтобы стать свидетелями всего этого сдвига, подобного по мощи смещению литосферных плит?

Пускай же «Галерея» № 20 останется альманахом из периода «до», запечатлевшим то, какими мы были, что творили, чем дышали. Тексты – рассказы и стихи – как малые «человеческие документы» (по В. Ходасевичу) тоже имеют ценность...

Постараемся жить по-людски.

ОСНОВНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

*Алексеев Илья Александрович.
1987 г.р.*

Илья АЛЕКСЕЕВ

Илья Алексеев, поэт, прозаик. Своё творчество называет «экспериментальной лирикой», а себя «одиноким странником в поиске истины». Родился в городе Калуге в 1987 году, где живёт и по сей день. Интерес к творчеству Илье был привит с ранних лет, в большей степени благодаря семье – с бабушкой и мамой заучивал наизусть стихотворения, с дедушкой сочинял сказки, с сестрой учил слова песен. Благодарен за привитие интереса к поэзии всем своим родственникам, педагогам, друзьям, знакомым. Эталоном стихосложения считает поэзию Сергея Есенина. Также Илья неравнодушен к творчеству Николая Гумилева, Александра Блока, Иосифа Бродского, Михаила Лермонтова, Игоря Северянина, Анны Ахматовой, Виктора Гюго, Ганса Христиана Андерсена, Антуана д'Сент-Экзюпери. Помимо поэзии пробует себя в малой прозе, именно в альманахе литературного клуба «Галерея» был опубликован его первый рассказ-письмо.

* * *

Догорает последний Везувий,
И как будто картины Брюллова
Наши с тобой поцелуи
В вечность врезаются снова.

Вечность утихнет в июле,
Красок палитра исчезнет,
Знаешь, твои поцелуи
В сердце моём словно песня.

Песня, которой не сбыться,
Радость, которую можно
Выловить будто синицу,
Если ловить осторожно.

Только картины не песни,
Нет в них ни грамма от счастья.
Делает мир интересней,
Но разбивает на части

То, что зовётся любовью,
То, что как лава пылает...
Дальше стоит многоточье,
После картины сжигают...

* * *

Шёл снег, первый снег. Было немного зябко человеку, идущему ему навстречу. В наушниках и сердце играла музыка. Ещё чуть-чуть, и снег растает, разрядится плеер, но останется этот волнительный вечер, подаривший столько положительных эмоций. Дворовые собаки продолжат пугать прохожих. Город будет стоять ещё, как минимум, тысячу лет, если не будет войны. Не будет ни внуков, ни внуков внуков настоящих жителей, но всё также пойдёт первый снег, в городе, где каждые сто лет меняются названия улиц...

* * *

Вечер, волнительный вечер,
Очертанье старинных домов.
Тебя ждёт человек,
Из наивных, но красочных снов.

Город, открой свою тайну,
Расскажи, где и когда
Оживёшь ты, как будто случайно,
И твой снег покорит провода.

Провода, на которых с надеждой
Поселяется тихая ночь,
Город, ты не будешь как прежде,
Отгонять иллюзию прочь.

Я знаю, скоро пойдёт снег...

* * *

Мне снился сон, в котором в самый разгар лета пошёл снег, только он очень быстро растаял. Так и в жизни, когда кажется, что заветные мечты начинают сбываться, жизнь возвращает нас в жестокие реалии. Сейчас осень, а я хочу закрыть глаза и увидеть яркое солнце, цветущие деревья, услышать музыку, играющую на кассетном магнитофоне, голоса бабушки или мамы, зовущих на обед...

Жизнь – это миг, расстояние между вздохом и выдохом. Я открываю глаза и вижу перед собой сцену, на которой стоит та, что приходила ко мне в каждом из этих снов, я понимаю, что стихотворение, которое она читает, не для меня... Я вновь хочу закрыть глаза...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Утихнет ветер,
Загорятся звёзды,
Море станет холодней.
Солнце поменяет вектор,
Сократятся вёрсты.
Закрой глаза поскорей
И мечтай о рассвете,
Ракушках,
Всякой иной ерунде.
Если хочешь – о лете,
Наших пирушках
И игристом вине.

А не можешь –
Считай слонов,
Бабочек под кожей
Всё, что ты сложишь,
Как элементы из снов.
Только не думай про завтра,
Может, оно не придёт.
Также не думай о сложном –
Солнце под утро взойдёт

Спи очень крепко,
Ангел тебя бережёт
Сон, он как лепка,
Сон, как небесный полёт.

* * *

Он уходил молча, не взяв с собой ничего кроме ключей. Видимо, надеясь, что она когда-нибудь вновь позвонит, сказав, что ненадолго уезжает, попросив полить их цветок. Прошло время, звонков не было, пришло лишь сообщение, о том, что она переезжает в другой город и продаёт дом. Он вернул ей ключи, не взяв ничего кроме цветка. Цветок давно засох, ведь его уже больше никто не поливал... Через много лет она вновь позвонила, сказав, что возвращается обратно и попросила сходить в цветочный магазин...

* * *

Привет, мой друг! У нас всё как обычно –
То солнце светит, то идут дожди.
Но, знаешь, мне порою не привычно,
Что нами позабыто слово «Жди».

Для нас зима уже не за горами,
У вас же вечная спокойная весна.
Из листьев сделал оригами,
Чтоб было ночью не до сна.

А от тебя летит журавлик белый,
Бумажный ходит ночью пароход.
И против ничего не сделать.
Не перестроить жизнь наоборот.

Не переделать радугу и ноты,
Не перейти того, что больше нет.
У вас другие там заботы.
На все вопросы лишь ответ –
Жить...

* * *

Всё ненужное рано или поздно уйдёт, оставив за собой лёгкую грусть и боль. Боль никогда и никуда не уйдёт, вопрос только – как научиться с этой болью жить. Серые тона сменят оттенки на более яркие, но так же останутся в сердце. Швы можно зашить, только где взять нити, которые помогут зашить память. Память и есть боль. Будем надеяться, что и для нас рано или поздно взойдёт солнце...

А пока читаем на ночь «Маленького принца» и постараемся заснуть...

* * *

Разожми кулак,
Сделай выдох,
Пусть что-то не так,
И боли от пыток
Душевных
Запомни,
Открытых
Дверей
Ещё много.
Живи.

Асфатуллин Салават Газимович. 1952 г.р. Инженер-строитель. Член Союза журналистов России с 1998г. Член Союза писателей Башкортостана и Союза писателей России с 2007г. Автор 26 книг.

Салават АСФАТУЛЛИН

ЭССЕ К 70-ЛЕТИЮ

Благодаря кардиохирургам калужских больниц «Сосновая Роща» (дважды), БСМП (дважды) и всероссийской Бакулевки (трижды) дожил-таки, до года своего 70-летия. Хотя не рассчитывал на это, и каждый день пахал, как в последний. Юбилей уже скоро – 21.06.2022 г.

И вот, в преддверии 70-летия, бессменный редактор Маргарита Бендрьшева попросила меня написать для юбилейного номера альманаха «Галерея» эссе о себе и своей жизни. Сперва посчитал это очень простым делом. Но начав вспоминать свою жизнь, впал в тихий ужас: как втиснуть 70 лет сплошь событийной жизни в 3-4 странички текста? И понял, что это практически невозможно. Тут нужен увлекательный роман в двух частях: 1-я часть о 35 годах жизни в Республике Башкортостан, 2-я – о 35 годах жизни в Калуге.

Но, «глаза боятся, а руки делают». Попробую, хотя бы концептивно, что-то изложить.

Родился я на стыке Европы и Азии в р. ц. Толбазы Аургазинского района Республики Башкортостан 21 июня 1952 г. То есть, на стыке знаков Зодиака Близнецы и Рак, да ещё в год Дракона – единственный фантастический, а не звериный знак. Раньше не придавал никакого значения наличию географических и временных стыков при своём рождении. Но постарев и помудрев, понял, что именно место и время рождения задали широту моих интересов на всю жизнь.

В детстве замучил очень занятых родителей бесконечными вопросами: «Когда? Где? Почему?». И полюбил читать. Хорошо помню, что в первом классе школы, ещё не дойдя по букварю до буквы «Ц», побежал и записался в

школьную библиотеку в Толбазах. (И потом, где бы ни жил, – в Стерлитамаке, Уфе, Калуге, первым делом записывался в библиотеки – школьные, институтские, городские). Потому что как-то очень рано открыл для себя, что вся земная мудрость сосредоточена в библиотеках... Считаю так и сегодня, несмотря на появление Интернета. Но меня вечно отрывали от увлекательного чтения – надо было ухаживать за тремя младшими братьями и много помогать по хозяйству работавшей матери. Меня даже запирали в доме, уходя на работу, чтобы не сбежал от ухода за братьями на так манящую улицу к весело и громко играющим сверстникам. Тогда начал тайком читать по ночам, закрыв лампу и книгу под своим одеялом. Но родители меня ловили и свет безжалостно выключали. Поэтому, как старший сын в многодетной семье бюджетников, детства, практически, не имел – все дни ухаживал за тремя младшими братьями и помогал по дому, огороду и саду. Вместе с отцом в 4 годика сажал свой первый сад – на приусадебном участке в Толбазах (этот опыт потом очень пригодился в жизни). Единственным месяцем отдохновения был летний отпуск матери. Тогда мчался к любимому деду Арслану в деревню Козмурун, на речку Уршак, где целыми днями ловил рыбу и плавал. Одинокие деревенские бабки прознали о моём успешном рыболовстве (перемётами на ночь) и специально встречали с уловом по утрам, прося свежей рыбки. Делился, конечно. Даже заслужил кличку «Балыкчы» (Рыбак). Напитался речкой настолько, что и сегодня, когда рядом произносят слово «река», у меня первым ассоциативно всплывает именно речка Уршак. А потом – Ока.

Во времена хрущёвского укрупнения колхозов, совхозов и даже целых районов, в 1962 году отца с повышением перевели на работу в г. Стерлитамак. Значит, был высококвалифицированным специалистом, потому что выбор сокращаемых на местах спецов у начальства тогда был огромным. В средней школе № 35 (бывш. 83) занимался в самодеятельном театре, немного боксом и три старших класса в ансамбле народного танца в соседнем клубе железнодорожников. Подростком сажал с отцом на заливаемом Белой дачном участке свой второй сад (в южном пригороде Стерлитамака). Закончил школу в 1969 г. По настоянию родителей поступил на вечернее отделение химического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского нефтяного института на специальность химик-технолог (так было дешевле для бедного семейного бюджета). Год проучился, но твёрдо понял, что

это – не моё. Поэтому подработал на возведении фонтана в сквере и тайком от родителей уехал в Уфу. И поступил заново, – уже на очный строительный факультет УНИ, на специальность инженер-строитель. И только будучи уже принятым на престижную специальность, сообщил об этом родителям. Отец – с прозвищем Тимергазим (Железный Газим), суровый воин-башкир, участник Великой Отечественной войны и победы над милитаристской Японией, за самовольство лишил меня материальной поддержки. Пришлось устроиться на подработку пожарником. Через некоторое время мать, конечно, оттаяла и начала присылать небольшие переводики. Но я каждое лето участвовал в стройотрядах, а в единственный месяц отдыха – сентябре, ездил на «калым». Потому что не хотел висеть гирей на бюджете многолетней семьи. К тому же хотелось стильно одеваться и иметь свой магнитофон. «Голь на выдумки хитра» – именно тогда я и открыл, что индпошив в советском ателье значительно дешевле покупок у фарцовщиков. Жил в обшарпанном общежитии УНИ (№ 7). Параллельно с учёбой, на первом курсе занимался стрельбой и боксом (в наилегчайшем весе). Продолжал танцевать народные танцы первые три курса института – пока наш институтский ансамбль не завоевал почётного звания «Народный». Одновременно с занятиями там, на 3-м курсе начал писать и печататься в институтской многотиражке «За нефтяные кадры». На 4-м продолжил писать и печататься в многотиражке, откуда кое-что попадало и в «Вечернюю Уфу». Много читал, теперь зарубежных классиков (получил даже кличку «Сэвидж»). Именно тогда и зародилась заветная мечта: стать писателем в будущем. Одновременно увлечённо занялся социологией. На 5-м курсе продолжал писать и печататься в многотиражке, и заниматься социологией. Закончил институт хорошистом в 1975 г.

Трудится начал в 1975 г. мастером – молодым специалистом в СУ-7 союзного, ордена Трудового Красного Знамени, треста «Востокнефтепроводстрой» Миннефтегазстроя СССР. Будучи старшим ИТР в полевом городке, жёстко отвечал не только за выполнение производственного плана, но и за круглосуточное жизнеобеспечение жилого городка из вагончиков. Это была очень нервная и трудная работа. И никакой личной жизни! На третьем году хотел даже уйти добровольцем в армию, хоть на БАМ. В военкомате встретили с распростёртыми руками, чуть ли не объятиями: «Молодец, – патриот! Приезжай через месяц – уже с вещами». Приехал

через месяц, а майор отводит глаза: «Ты, оказывается, работаешь на объекте такого государственного значения, что оттуда запрещено забирать даже в армию». Пришлось вернуться на своё строительство подземного нефтехранилища в глухом лесу на стыке двух регионов Урала. Писать не мог вообще, – на шею круглосуточно висело жизнеобеспечение до 100 человек (трассовиков, строителей и их семей) вдали от очагов цивилизации. А в награду – только нагоняи от многочисленных начальников, наезжавших раз в месяц. Зато получил жёсткую трудовую закалку на всю оставшуюся жизнь...

Много читал по ночам, параллельно начал заочно учиться на факультете партийно-хозяйственного актива Университета марксизма-ленинизма в Уфе. Сейчас это совсем не ценится, а зря. В университете, ещё в 1978-1980 годах нам читали такие новаторские спецлекции, как, например, курс «Психология руководителя». Сейчас такой курс надо очень долго и нудно искать, а если найдёшь, то получить его можно только за очень большие деньги. Из генподрядного СУ-7 взяли сразу в Управление по делам строительства и архитектуры Совета Министров Башкирской АССР (затем Госстрой БАССР), где трудился старшим инженером и начальником инспекции Госархстройконтроля автономной республики. Высокоинтеллектуальная работа. В 1980 г. закончил факультет партийно-хозяйственного актива Уфимского университета. Уже самостоятельно посадил третий свой сад в пригороде Уфы (в Юматово).

После Госстроя БАССР шесть лет работал начальником сметно-договорного отдела крупного республиканского спецтреста «Башмелиоводстрой» Минводхоза РСФСР. К инженерным и производственным знаниям добавились сметные и юридические. Тоже интеллектуальная работа. Оттуда забрали в Совет Министров Башкирской АССР, сразу начальником отдела комплексного развития зоны Иштугановского водохранилища. А зона включала в себя 3 города и 6 районов Башкирии. Очень высокоинтеллектуальная работа. Писать мог только в отпусках, только короткие рассказы и, конечно, только «в стол».

По комсомольской путевке на ударные стройки Нечерноземья, как специалист, инженер-строитель, направлен в 1988 г. в Калужскую область. Приехал в Калугу в январе 1988 года и, вдруг, уже в феврале того же года, бухгалтерия Агрокомитета получает Исполнительный лист на удержание с меня 25% заработка на ребёнка, хотя никакого развода не

было. Коллеги-женщины сразу же начинают смотреть на меня косо. Тут-то и дошло до меня, что нужен был малообразованной жене – Козерогу только как паровоз, который вытянет её из общежития и обеспечит приличной зарплатой мужа. Решил подать на развод. И заочно, так как видел не раз, как талантливые мужики ломались на разводах, спивались, психовали и бросали дело своей жизни. Так заочно и развелись, потому что не выдвинул иска на раздел имущества и квартиры. Первые четыре года ударно трудился в областном Агропромышленном комитете начальником подотдела проектных работ, начальником отдела экспертизы проектов и смет. Новая интеллектуальнейшая работа позволила пережить развод. Жил в общежитии на ул. Баррикад. Потом перевёл свой отдел экспертизы на хозрасчёт, который и заработал на покупку подержанной однокомнатной квартиры на 1-м этаже в пригородном совхозе «Тепличный».

Затем работал четыре года ведущим инженером-строителем в Калужском УПХГ предприятия «Моострансгаз». Параллельно снова учился и закончил с отличием Всероссийский заочный финансово-экономический институт по специальности «Финансы и кредит». По-прежнему много читал, теперь экономические труды. На Всероссийском смотре лучших архитектурных произведений 1994-1996гг. «Зодчество-96» за строительство «Газэнергобанка» на улице Плеханова в Калуге наградили Почётной грамотой Союза архитекторов России. Писать мог только урывками во время редких отпусков, с 20-го дня отпуска, когда стройка ненадолго уходила из сознания. С нуля посадил четвёртый в своей жизни сад (на участке тётки – фронтовички рядом с кладбищем на Северном). А когда пришлось его отдать, то купил старую, сильно запущенную дачу в товариществе «Керамик» и много труда вложил в омолаживание этого, уже пятого сада. Увлёкся прививками новейших сортов яблонь, груш, слив, вишен, алычи, абрикоса на старые деревья и разведением винограда. Дошёл до посадки персиков и, даже, получил первый урожай. (Но зима следующего года оказалась суровее обычного, и саженцы замёрзли). Горжусь посадкой садов, потому что в Писаниях всех основных религий мира рай изображён в виде цветущего или плодоносящего сада. Так, давайте, уже на Земле устраивать сады!

В 1996 году деньги на новое строительство кончились даже у газовиков. Меня вызвали в отдел кадров и сказали: «Мы, конечно, знаем, что вы уже профессор в строитель-

стве, но ни у Калужского УПХГ, ни у головного «Мострансгаза» нет денег на новое строительство. Поэтому мы вынуждены вас сократить». И я стал безработным. Три месяца изрядно психовал. Затем неожиданно понял, что впервые в жизни я никому ничего не должен. И, вспомнив свою юношескую любовь к литературе и журналистике, сосредоточился только на творчестве. Начал много писать и печататься в разных газетах области: «Знамя», «Московские ворота», «Весть» и других. В 1997 году сдал во ВЗФЭИ кандидатские минимумы по специальности 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит». Параллельно в 1997/1998 г. приняли в члены Союза литераторов РФ, в 1998 г. – в Союз журналистов России.

Творческая пружина за 21 год в строительстве настолько сжалась, что за первый год писательства из глубин души вылетели сразу три книги: **научно-экономическая монография «Инфляционные процессы в Российской Федерации» (1996, 1997)**, художественная проза ранних лет **«Как молоды мы были...» (1997)** и художественно-литературоведческие **«Литературные портреты» (1997)**. Последние были с одобрительным шумом встречены в областной прессе.

Одновременно с занятием литературой, организовал как один из трёх учредителей и зарегистрировал Калужское областное творческое объединение «Литератор» Союза литераторов РФ. Затем основал и 10 лет работал без всяких зарплат редактором альманаха «Калуга литературная». Книги пошли серьёзнее: **научно-экономическая монография «Инфляция и государство» (1998)**, художественно-литературоведческие **«Литературные портреты – 2» (1999)**, на этот раз вызвавшие много почти непечатной критики в печати, и документально-исторические **«Серверные амуры в Отечественной войне 1812 года» (2000)**.

Когда доллар стоил всего 6 руб., все россияне кинулись покупать подержанные иномарки. Я же ринулся в самые дешёвые автобусные туры по столицам Западной Европы. Причём в свободное время ходил не по магазинам, а искал их центральные библиотеки, потому что мне это было интересно с детства. Попутно, конечно, дарил свои книги и наши альманахи «Калуга литературная». В итоге, на сегодняшний день мои книги и альманахи находятся в крупнейших библиотеках мира: Британской библиотеке и библиотеке Оксфордского университета в Англии, Русских библиотеках Па-

рижа и Ниццы во Франции, Королевской библиотеке Швеции, Национальной библиотеке Италии и библиотеке Ватикана в Риме, библиотеке Каталонии в Испании. И, конечно же, в Государственной библиотеке Российской Федерации (бывшей Ленинке). А по почте – и в библиотеке Конгресса США.

Труды стали совсем серьёзными: **философско-публицистические «Коран и Библии: единство гуманизма» (2004), «Единство трёх религий» (2006) и научно-популярная историческая монография «Братство по оружию. 1812 год» (2007).** «Коран и Библии» впервые в истории Калужской области выдвигались серьёзными деятелями науки и искусства на Государственную премию Российской Федерации 2004 года. В результате этих трудов, с 9-10-летним опозданием, несмотря на приложенные рекомендации «живых классиков» Мустая Карима и Виктора Бокова, принят в 2007 г. в Союз писателей Башкортостана и 25.05.2007 г. – в Союз писателей России (на момент приёма уже были выпущены аж две прижизненных моих биобиблиографий Центральными библиотечными системами гг. Стерлитамак и Калуга. Буквально в следующем 2008 году вышла и третья библиография, составленная ЦБС Аургазинского р-на Башкортостана. Вот как один-двое интриганов из руководства отделений СП могут осложнить жизнь писателю с 10-ю изданными книгами за плечами, – на целых 10 лет!).

Вращаясь в кругу журналистов, издателей, типографий, быстро понял, что самое ценное в Интернете – это электронная почта, по которой можно мгновенно передавать иллюстрированные рукописи. И начал это широко использовать.

Затем добавились монография **«Экономическая безопасность страны» (2008), историческая 4-х серийная художественная киноэпопея «1812-1814: Башкиры («Северные амурцы»)» отдельной книгой (2011).** Параллельно снова учился и экстерном сдал в КГУ весь университетский курс Отечественной истории, а следом, в 2013 г. и кандидатские минимумы по специальности 07.00.02 - Отечественная история. Надо обязательно отметить, что углублённым изучением и последующей сдачей кандидатских минимумов по разным специальностям перед написанием своих книг занимался, в основном, для того, чтобы знать предмет глубже общевузовского уровня. А уж защита диссертации, – если получится, то хорошо, если же, слишком хлопотно и дорого, то обойдётся

и без защит. **Калужская областная библиотека им. Островского выпустила мою историко-публицистическую книгу «Братство по оружию. 1554-1814: главы из книги» (2014) в двух вариантах: для слабовидящих и в переводе на шрифт Брайля для тотально незрячих.**

Услышал как-то фантастическую новость, что за границей научились выпускать книги, не выходя из дома. Мгновенно представил себе все удобства этого и начал искать: где? Как? В результате поисков, в 2016 г., в возрасте 64 года освоил новейшие инновационные Интернет-технологии удалённого и недорогого выпуска книг. Сперва на американской платформе «Амазон-Центральный» (Нью-Йорк). Потратив полгода крайне нервной жизни, смог сверстать и направить в их магазины по всему миру 4 свои книги. Даже получил письмо-уведомление о принятии книг в продажу. Однако, буквально через полдня от книжного подразделения Амазона – Центрального прислали издательское письмо: дескать, «мы обнаружили, что ваши книги написаны на русском языке, которого нет среди используемых языков Амазона, поэтому мы снимаем с продаж ваши книги». Пришлось долго и нервно искать в США другую платформу с электронным издательством и магазином. Побродив две недели по американскому Интернету, нашёл Draft2Digital (Оклахома-Сити), где русский язык присутствовал среди используемых языков. Опять потратил 5 месяцев нервной жизни на пике напряжения и разместил у них 6 своих книг. Но при первом же осложнении отношений между нашими странами они сняли мои книги с продаж. Причём, без всякого объяснения причин. Вот такая у них «дерьмократия» и «свобода слова». Знающие люди потом сказали, что они прочитали, хоть и с небольшим опозданием, эти книги и сочли меня «засланным казаком от России».

Тут, наконец, заработали подобные книжные интернет-магазины и издательские электронные платформы и в Российской Федерации. Перевёл 12 своих обычных бумажных книг, выходившие в издательствах Калуги и Уфы в электронный формат и разместил в книжных интернет-магазинах: часть на ЛитРесе, часть на Bookscriptor.ru. А потом, применяя новые знания на практике, смог за один 2017 г. выпустить сразу 4 новые книги в электронном издательстве «Издательские решения» и разместить на Ridero: **научно-критическую «Осторожно: массивированные фальсификации!» (2017 г.), «ПОРТРЕТЫ» (2017), документально-**

историческую дилогию «Башкиры в войнах России XVI-XVIII веков» (2017) и «Башкиры в войнах России первой четверти XIX века» (2017, 2018). Позже вышли «Галерея. Российские писатели в эпоху перемен» (2018), «Перелом в Отечественной войне 1812 года» (2019), «Освобождение Европы в 1813-1814 годах» (2019). Тут надо обязательно сказать, что русские Левши – программисты Ридеро в Екатеринбурге наголову превзошли американцев. То есть, добавили для пытливых русских авторов столько новых возможностей, что на их автоматической платформе можно выпустить книгу, не уступающую книгам обычных издательств с ручной вёрсткой. Было бы желание и умение.

Параллельно с писанием книг 48 раз публиковал разные материалы в коллективных альманахах и сборниках и 273 статьи в 54-х журналах и газетах Российской Федерации. Включая такие именитые, как журнал ГосДумы и Совета Федерации «Российская Федерация сегодня», «Наш современник», «Москва», «Вопросы истории» РАН, «Военно-историческом журнале» Минобороны России, «Пограничник» ФСБ России, «Ватандаш-Соотечественник» Правительства РБ и Всемирного курултая башкир и др. (Каждая публикация в таких журналах была своеобразным экзаменом на профпригодность). 12 лет был внештатным собкором журнала Государственной Думы и Совета Федерации «Российская Федерация сегодня» по Калужской области. В ноябре 2017 г. появилась и четвёртая прижизненная биобиблиография, разработанная Калужской областной библиотекой им. Белинского. (Но в связи с ежегодным выпуском по новейшим технологиям сразу двух книг она успела быстро устареть, к сожалению).

В 2020-2021 гг. вышли уже 2-е, дополненные издания шести моих трудов «Башкиры в войнах России XVI-XVIII веков» (2020) и «Башкиры в войнах России первой четверти XIX века» (2020), «Единство трёх религий» (2020), «Инфляция и государство» (2020), «Как молоды мы были...» (2021), «Инфляционные процессы в Российской Федерации» (2021). И новая историческая киноэпопея «1812-1814: Казаки» (2021) отдельной книгой. То есть как-то незаметно сложилось целое собрание сочинений из 26 книг.

Накопилось и 228 публикаций о моих трудах в десятках книг и альманахов, журналах и газетах Российской Федерации и Польши. В том числе, академик АН РБ Файзул-

лин, профессора Захарова, Кульшарипов, Бикмеев, Филимонов, доценты Ломаков, Янгалин отмечают научную новизну многих глав моих документально-исторических книг. Главнейшими своими открытиями в этой области считаю:

1. Россия фактически стала федеративным государством не с 1917 г., как пишут историки, а с 1557 года, раз сохранили за башкирами их личную свободу, земли в вотчинном пользовании и веру при присоединении. Ведь Посольский приказ Московского царства тут же взял на вооружение успешный опыт мирного присоединения башкир с их чернозёмами, богатейшими недрами. И в течение последующих 150 лет (второй половины XVI-всего XVII века) к Московскому царству на этих же принципах добровольно присоединились со своими землями ещё около ста восточных народов, – пример башкир оказался убедительным для них. Это позволило русским почти бескровно расширить свои владения аж до Тихого океана. Что уникально вообще для всемирной истории.

2. Весь свой научно-исторический труд «Освобождение Европы в 1813-1814 годах» казачьими полками. Потому что, в отличие от Отечественной войны 1812 года, в России почти нет исследований и монографий, посвящённых освобождению Европы российскими войсками от диктатуры Наполеона в 1813-1814 гг. Книга почти вся основана на неизвестных или малоизвестных документах и в таком конкретном и, одновременно, систематизированном виде представляется впервые в отечественной истории. (Заслужил за неё звание лауреата Всероссийского конкурса «Настоящее прошлое», организованного «Литгазетой» на грант Президента РФ в номинации «Монографии» в 2020 г.).

А до того удостоен званий лауреата премий Союза журналистов России, Союза литераторов Российской Федерации, «Отчий дом» им. братьев Киреевских (трижды) и Калужской областной премии им. И.И. Фомина. Заслуженный работник культуры Калужской области. Кавалер общероссийского общественного офицерского креста «За увековечивание памяти Отечественной войны 1812 года» и золотой медали Всемирного курултая башкир «Ал да нур, сэс халкына». Включён, как писатель, в юбилейную книгу славы Аургазинского района, где родился, в Большую Башкирскую энциклопедию и общероссийскую энциклопедию «Ислам в Российской Федерации». Награждён также десятью всероссийскими и калужскими дипломами.

Ныне мои книги в электронном виде находятся на сайтах Ridero (13 книг + биобиблиография), ЛитРес (6 книг), Booksptor.ru (8 книг + биобиблиография), Amazon, Ozon, Алиэкспресс. Печать по требованию на Ridero.ru и Ozon.ru. Также в электронной библиотеке Bookmate и десятках других сайтов – их партнёров в России и мире. Бесплатные 25% книг читают ежедневно, покупают редко – не привыкли ещё россияне платить за книги в Интернете.

Активно пропагандирую вклад башкир и Башкирии в построение и сохранение великой России в СМИ Республики Башкортостан, Калужской области и федеральных журналах. Ведь пока существуют разные государства, должны существовать и их идеологии с широкой пропагандой. А государства, не имеющие своей идеологии, поглощаются более сильными. Сознательно и бескорыстно стараюсь укреплять своими философско-публицистическими книгами уникальное достижение российской цивилизации: мирное сосуществование почти всех основных религий мира в одной стране в течение многих столетий. Подчёркиваю уникальность нашей русско-азиатской цивилизации вообще, в своих книгах и статьях. Потому что это помогает сохранить национальную идентичность в навязанных в 1990-е годы условиях всеобщего американского глобализма. И, в первую очередь, для четырёхсот тысяч башкир, рассеянных по России, и миллионов людей других национальностей, оказавшихся вообще за пределами Российской Федерации.

Каждый день благодарю Творца за разнообразнейшую красоту на Земле и за продление своей жизни, в результате чего начал видеть Его красоту даже зимой, ранее нелюбимой.

ДОЛГОЖДАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ НУЖЕН КАЛУГЕ

В Калужской губернии бывали почти все классики великой русской литературы. Некоторые из них жили здесь не по одному дню: протопоп Аввакум, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстые и Чехов. И что-то написали по результатам пребывания. Наберутся ещё десятки известных писателей – от Гавриила Державина до Ивана Аксакова и Демьяна Бедного, которые не день-два, а подольше варились в нашем калужском котле. Маяковский выступал в городском парке Калуги. Многие из классиков советской эпохи тоже бывали здесь. Даже выдуманный писатель Козьма Прутков и тот был создан на калужской земле. И половина из них была непосредственно в губернском и областном центре. Спускалась по Воробьёвке мимо дома Городского Головы к Оке, чтобы полюбоваться заокскими далями. А кто-то из них бывал даже в гостях у Городского Головы. Об этих великих писателях написаны целые тома, в том числе и калужанами. Поэтому давно пора устроить в областном центре Литературный музей и рассказывать сотням тысяч туристов: какие же великие писатели бывали в крае.

Правильно, что «Калужская неделя» подняла вопрос о сохранении дома Городского Головы Цыпулина на углу Подвойского с Воробьёвкой. И хорошо, что нынешний Городской Голова Денисов поддержал реставрацию и восстановление этого дома – памятника деревянного зодчества. Предлагаю именно в этом доме устроить Литературный музей. Естественно, после реставрации фасадов и реконструкции внутренних помещений с учётом требований музейного дела. Музейщики Калужского краеведческого музея умеют создать неповторимую атмосферу того или иного века. Да и в их фондах есть много чего, относящегося к литературе.

Живописные портреты многих этих писателей уже имеются у калужских художников. А недостающие можно им заказать – пусть и художники что-то заработают, в кои веки. Устроить 3-4 зала, посвящённые богатейшей русской литературе XVII-XVIII, XIX, XX веков. И в них каждому великому писателю организовать свой стенд с портретом, кратким жизнеописанием и указанием: в каких годах и где конкретно в калужском крае бывал сей творец. Что написал или задумал там. Если использование конкретно этого дома

уже запланировано властями, то нужно создать Литературный музей в любом старинном здании старой Калуги.

Как ни странно, но при таком богатстве приезжавших писателей, сама Калуга и губерния исторически никогда не считались в столицах пишущим регионом. Всё резко изменилось с 1997 года (± 1 год), когда в калужскую журналистику и литературу исторически одновременно пришли сразу около 40 пишущих, крайне недовольных проявлениями «дикого» капитализма в России 1990-х годов. Имея богатый жизненный опыт и журналистско-литературные способности, вступили в Союз журналистов России (спасибо Анатолию Кухтинову, умевшему мгновенно различать таланты). Затем часть из них создали Калужское областное творческое объединение «Литератор» Союза литераторов РФ, где появились свои нешаблонные поэты и самобытные прозаики. Начали активно выступать в крупных библиотеках и на всех других доступных площадках, а также массово печататься в дружественных газетах. Двое из них со временем выстрелили и в масштабе всей Российской Федерации: афоризмы Андрея Лаврухина из Людиново публикуются ныне практически в каждой энциклопедии или сборнике афоризмов, выходящих в России. А книги вашего покорного слуги, помимо калужских издательств, выходят и в Уфе, и в Екатеринбурге, и в Москве. Статьи тоже печатались в 54 журналах и газетах огромной Российской Федерации.

Параллельно возникла и Ассоциация независимых писателей Калуги, под руководством Скубилина, где также появились свои заметные прозаики.

Почувствовав конкуренцию, Калужское отделение Союза писателей России под руководством Терёхина, тоже активизировалось в части приёма новых талантливых прозаиков. Были приняты Андрей Убогий и Александр Ларин, которые затем начали печататься в журнале «Наш современник» и в столичном издательстве «ЭКСМО». Принятый в Союз писателей чуть ранее Сергей Михеенков начал в те годы пробивать публикацию своих книг в издательском доме «Подвиг», где, со временем, с большим успехом вышло около 20 его книг, посвящённых подвигам наших отцов и дедов в Великой Отечественной войне.

В Москве произошёл раскол Союза литераторов РФ на две части. От Калужского областного т/о «Литератор», по наущению столичных кураторов Соколова и Баташова, откололись 6 человек и создали своё Калужское региональное

отделение профессиональных литераторов под руководством Александра Трутнева. Ныне в нём, уже под руководством Светланы Соколовой, аж 65 членов со всей области.

Сразу же после расстрела Верховного Совета РСФСР танками, от Союза писателей России откололась группировка пишущих радикальных демократов, призывавших Ельцина к расправе с Верховным Советом. Через 10 лет после этого, и в Калуге возникло Калужское региональное отделение Российского союза писателей под руководством Александра Трунина.

После выхода в свет «Литературных портретов I и II» 1997 и 1999 годов, публикаций 5-ти прозаиков области в федеральных издательствах и СМИ, калужскую литературу начали высоко оценивать в Москве. Даже провели в Калуге XIV съезд Союза писателей России в 2013 году, открывая который, председатель СП России Валерий Ганичев заявил, что Калуга выбрана местом проведения съезда, в первую очередь, – из-за проживания здесь множества замечательных и разных писателей и поэтов. И во вторую, – из-за радушия губернатора.

За первой волной всплеска калужской литературы, прошла вторая, а затем и третья волна подъёма литературы в калужском крае. Об этом свидетельствуют многочисленные дипломы и премии, заработанные нашими писателями и поэтами на конкурсах за пределами области.

В 2017 г. в Екатеринбурге вышли объединённые и расширенные «ПОРТРЕТЫ», где представлены калужские писатели и поэты: Сергей Михеенков, Александр Ларин, Валентин Волков, Андрей Лаврухин, Юрий и Андрей Убогие, Анатолий Кухтинов, Владимир Потоцкий, Рудольф Панфёров, Алексей Золотин, Виктор Боев, Людмила Филатова, Игорь Кулебякин, Александр Качалкин, Николай Лукичёв, Андрей Шишков, Нина Смирнова, Сергей Васильчиков, Олег Бушко, Филиппов, Виктор Вдовенков, Юрий Холопов, Владислав Трефилов, Вадим Терёхин, Арсентий Струк, Валентина Невинная, Алесей Окский (Хромиенков). Художники: Александр Голубев, Евгений Смирнов, Татьяна Духанова, Борис Мухин, Михаил Мантулин, Татьяна Вавржина и Алексанов.

А также московские писатели, имеющие теснейшую связь с калужским краем: Станислав Куняев, Виктор Боков, Леонид Леонов, Юрий Кузнецов, Сергей Есин, Александр

Сегень, Юрий Хренов, Людмила Дробозина. И трое крупных башкирских писателей.

Затем вышли ещё раз дополненные литературные портреты под названием «ГАЛЕРЕЯ. Российские писатели в эпоху перемен» (Москва: эл. изд. «Bookscriptor.ru», 2018). Добавлены новые литпортреты десятка калужских писателей и поэтов: известных фантастов Яны и Дмитрия Зоричей, прописанных в Обнинске, и калужанина Михаила Тырина, д.фил.н. и писателя Анатолия Черникова, литератора Владимира Скрипкина, поэтов Маргариты Бендрышевой и Александра Тругнева, прозаика и сценариста Юрия Калиниченко, редактора Ваграма Бекчяна и других.

Также добавлены московские: писатель Владимир Мединский и поэт Дмитрий Цесельчук.

Ныне в 4-х областных отделениях разных писательских Союзов России находятся около 150 действующих поэтов и прозаиков. Поэтому на выходе из музея надо поставить информационный банкомат с биобиблиографическими данными современных писателей и поэтов XXI века. Чтобы при нажатии кнопки «Л», например, выплывали биобиблиографии с фотографиями всех писателей и поэтов калужского края на эту букву: Лаврухин, Ларин и т. д. А при нажатии кнопки «У» всплывали фото и биобиблиографии отца и сына Убогих. Калужская областная научная библиотека им. Белинского эти данные почти все уже собрала.

Устройством Литмузея городские власти выполняют одну из своих функций областного центра и осязательно подтянут интеллектуальный туризм, весьма развитый в Западной Европе.

*Бабина Жанна Петровна.
1942 г.р. Химик-технолог,
патентовед.*

Жанна БАБИНА

Жанна Петровна Бабина родилась 4 ноября 1942 года в г. Грязовец Вологодской обл. в семье военнослужащего и педагога. В 1944г. с семьёй переехала в г. Рассказово Тамбовской обл. Там же окончила среднюю школу.

Имеет два высших образования. С 1967 г. живёт в Калуге, работала (1967-1994г.г.) во ВНИИМЭТе. По

результатам НИОКР имеет печатные научные статьи, авторское свидетельство на изобретение, ряд разрабо-

жений.

Есть две дочери, два внука, внучка и правнучка. С 1994г. – на пенсии.

Ранее в литературных изданиях не печаталась. Участвовала в литературных вечерах клуба «Подружка» на Правобережье.

Основной творческий (неосознанный подъём) – в студенческие годы. Материалы обычной бытовой переписки 1963-1966г.г. по прошествии более полувека вылились в эпистолярный литературный жанр.

Ряд очерков, рассказов с 2012г. тематически вошли в циклы: «Время и мы/Мы и время», «Семейная сага», рассказы о защитниках Отечества, блокаде Ленинграда и др. темы.

Имеется публикация «Свидание с минувшим» в юбилейном издании Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета «Под знаком столетия» (2019г.)

С 1984г. – «проба пера» в поэзии.

С апреля 2012г. посещала занятия областной литературной студии «Вега», а с 2013г. – постоянный член литклуба «Галерея».

КОНЕЦ ЭПОХИ

К 60-летию смерти И.В. Сталина

Из далёкого детства отчётливо, во всех деталях выплывает один, прожитый вместе с огромной страной, день – 5 марта 1953 года.

Проснулась рано – не было и шести утра – от небывало сильной, чудовищной головной боли. Казалось, от малейшего движения и попытки встать разорвутся живые ткани. Температуры не было. Возможно, это был результат полуголодного десятилетнего существования. Но почему в такой резкой форме он проявился именно в это утро?

В необъятном пространстве происходило что-то необъяснимое, ужасно-непоправимое, на что детский несовершенный разум откликнулся таким же непостижимым состоянием. Чрезмерно впечатлительной и эмоциональной натуре было присуще уже с раннего возраста воспринимать иногда окружающий мир шестым чувством – интуитивно.

И вот, в шесть утра чёрная тарелка репродуктора заговорила скорбным голосом Левитана, сообщая о смерти И.В. Сталина.

От такого известия не только болящие встают. Подкрепившись, как обычно, кусочком чёрного хлеба, стаканом горячей воды с сахарином, пошла в школу. День был морозный, алмазно сверкали высокие сугробы в лучах восходящего солнца. Жизнь природы продолжалась не смотря ни на что, по её законам и правилам.

В начальной школе, где я училась в третьем классе, была объявлена отмена занятий, но домой непустили. Сказали, что учащиеся пойдут на траурный митинг.

В ожидании назначенного времени старшие – третий и четвёртый классы – вели себя тихо и сдержанно, а младшие – нет-нет да и нарушали благопристойность. Кто смеялся, кто резвился в догонялки по школьному коридору. А один шалун налетел с разбега – а за ним куча-мала – на небольшую печурку и вышибли из её угла несколько горячих кирпичей, чем навлекли гнев директора: «В такой

день! Ломать печки!» Возможность ожогов и возгорания его волновали меньше.

Кто такой И.В. Сталин – все дети знали. Было множество стихов, песен, рассказов о вожде. С первого класса были и уроки политинформации. На них приводили примеры о беспросветной жизни наших сверстников за рубежом. Мы, полуголодные, нелеченые, в верхней одежде в холодных классах при свете керосиновых ламп искренне жалели американскую девочку, у которой не было новых башмачков к очередному празднику. Зато у нас у всех взамен портфелей были холщовые мешки для учебников и тетрадей и чернильница-«непроливайка». Иногда, теряя частицу «не», она истекала на содержимое торбочки, а заодно через дырки последней исчезали драгоценные ручки и карандаши. Но мы себя чувствовали счастливыми, защищёнными, гордились своей страной. Ведь любящий нас «дедушка Сталин» никогда не допустит никакого безобразия.

А на перемене мечтали о лакомстве – кусочке жмыха. Его приносили с собой дети из ближайшей деревни. Выпрашивать не позволяло чувство собственного достоинства. Но за списывание они охотно расплачивались кусками «железобетонного» продукта, содержащего в своей массе большое количество шелухи подсолнечника. Надо заметить, что учащихся в классах в то время было мало: 14-16 человек, и редко у кого были отцы. Кормильцы этих детей погибли на фронте или пропали без вести.

Из дальнего далёка память вырывает площадь в центре районного городка на Тамбовщине. По всем шести лучам-улицам стекается народ. Остановлены все предприятия, на площади люди от мала до велика, все с траурными знаками. Разносятся плач, рыдания, возгласы: «Как жить дальше?» С трибуны выступающие призывают сплотиться вокруг партии, не дать погибнуть идеям Ленина-Сталина. Рядом две женщины, в слезах, переговариваются: «С утра, в церкви, поставила свечу за упокой души родного Сталина». Действующая церковь – на этой же площади, с разобранной ещё до войны колокольней, её не успели снести до основания. Но в годы тяжких испытаний её открыли вновь, чтобы народ молился за Победу, за воинство страны.

Ощущение пустоты, невосполнимой потери, тупика овладело, видимо, всей массой скорбящих.

Между тем весенний день разгорался. Пригрело яркое солнце, с крыш зазвенела робкая капель. Как прошёл остаток этого дня? Скорее всего добавляла голова уже от реальных событий и впечатлений.

Для того, наверное, и конец чему-то, чтобы явилось начало нового, невиданного и неслыханного ранее. В десятилетнем возрасте печальные события оставляют рубец в душе, но не мешают воспринимать окружающий мир во всём великолепии. Даже в быту произошли положительные подвижки. В марте 1953 года к власти пришли Маленков и Булганин. В это же время радостным событием была электрификация нашей окраинной улицы. На смену коптящим керосиновым лампам, примусам, керогазам пришло ослепительное счастье – лампочка «Ильича».

В 1954 году я перешла в пятый класс лучшей в городе школы №1 им. А.С. Пушкина – бывшей гимназии. Там когда-то учился мой отец. И старый преподаватель черчения и рисования, глядя на мои работы, ностальгически вздыхал: «Такая же рука, как у отца. Да вообще, такой же башковитый был, хотя и хулиган изрядный».

В продаже появились сахар и мука, но надо было «караулить» очередь. Взрослые высылали в «ночное» своих детей. Неявка грозила отлучением от очереди. Нам, детям, эти караулы нравились. Спать не хотелось. Коротая время, рассказывали содержание прочитанных книг и свои, порой выдуманные истории. Играли в догонялки, чтобы согреться. В общем, буквально помогали взрослым в заботах о хлебе насущном.

Но муки, как всегда, завозилось меньше, чем было необходимо. И в день продажи магазин брался штурмом, с криками, бранью. Не щадили никого. Видела однажды затоптанного пятилетнего ребёнка – из ушей, носа, рта текла кровь.

Со всей улицы только один человек был равнодушен к муке, очередям – это пьяница сапожник дядя Володя. Проходя мимо магазина в такие дни, будучи навеселе, он громко распевал: «Глубоко наплевать!» Это выражение давно уже было его вторым именем.

Постепенно жизнь улучшалась, на что благодарный народ быстро среагировал меткой частушкой:

Ай, спасибо, Маленков,
Дал нам хлеба и блинков.
А Лаврентий Берия
Вышел из доверия!

Во времена Сталина никогда нигде не было слышно ни одной подобного рода «политической» частушки или анекдота. Это жестоко каралось. Даже за неосторожные житейские высказывания человек пропадал навсегда. В одном из колхозов Архангельской области трактористу на занятиях было предложено расшифровать марку завода-изготовителя «ХТЗ», на что тот в сердцах ответил: «Хрен тут заработаешь!» За что незамедлительно был отправлен туда, где нет забот о зарплате.

Но после марта 1953г. произошла какая-то активизация, участие народа в оценке происходящего, пусть даже в примитивной форме. Были и очень смелые анекдоты, к примеру:

Одна нога в социализме,
Другая – в коммунизме.
Долго ли простоим враскоряку?

А позже происходили уже совсем несусветные истории. Вот вдруг у красавицы-соседки объявился муж, нами ранее не виденный. Прибыл из далёких мест, где делил приятное общение с самыми большими военачальниками страны, чем особо и гордился. Считал подарком судьбы, что попал к политическим. А сам был простой, работающий человек, слесарь или электрик. Будучи в опьянении по случаю «получки», брякнул какое-то словечко, подрывающее якобы устои государства. За что и получил вышеупомянутый «подарок».

Во время войны многие заключённые военачальники были отправлены из лагерей на фронт, где остро ощущалась необходимость их военного опыта и таланта. Из остальных формировались штрафные подразделения.

Для нужд военного времени был выпущен на свободу даже священнослужитель – архиепископ Лука, он же профессор медицины, блестящий хирург Войно-

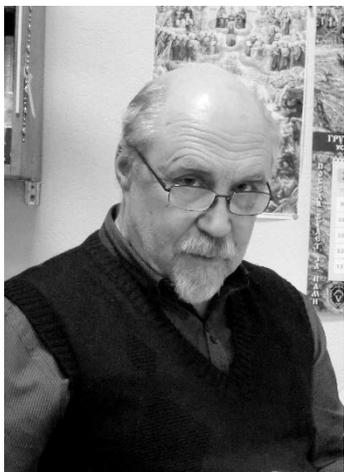
Ясенецкий, впоследствии единственный из всего священства лауреат Сталинской премии за выдающиеся заслуги в области гнойной хирургии. Только ему одному позволялось держать в госпиталях походную церковь и служить молебен перед операциями.

Бывший политзаключённый – сосед-рабочий отличался особой интеллигентностью в разговоре и поведении.

В дальше – другая, Хрущёвская эпоха. Опять же, простой народ предвосхищает грядущие события самым заурядным способом. Вот плачет навзрыд, пьяными слезами человек. Его спрашивают: «Мужик, что случилось?» Отвечает: «Хрущ съест Маленкова!» И точно, с сентября 1953г. Н.С. Хрущёв сменил кратковременное пребывание Маленкова во главе партии, а с 1958г. совместил две высшие должности в стране, заняв ещё и пост Председателя Совета министров СССР. Он в «пух и прах» разнёс «вождя всех времён и народов». Свою линию проводить всегда легче и проще, предварительно развенчав «великого и ужасного» Сталина. Куда разумнее, получив из рук в руки эстафету власти, приумножить ранее достигнутое с одной лишь заботой о процветании государства и его граждан. Царь Пётр I, к примеру, наработал за своё правление столько, что хватило на 200 лет вперёд транжирить всем последующим правителям.

Талантливый умишко растущего человека уже отмечает, что не всё так однозначно, как преподносится. Кроме белого и чёрного существует множество других цветов и оттенков. В каждом витке истории было и есть что-то хорошее и уродливое, присущее только этому витку. Лишь бы спираль развития поднималась всё выше и выше, не допуская крутых изгибов и переломов.

К моменту всевластия Н.С. Хрущёва закончилась моя пора детства и отрочества. Впереди – в компенсацию убогого детства – чудесная юность, студенческие годы в столице бывшей Российской империи. Время, наполненное яркими событиями, впечатлениями, встречами с замечательными людьми.

Сергей БАРУТ-ФИШЕР

Барут-Фишер Сергей Николаевич. 1950 г.р. Кадровый военный, режиссёр, педагог. Член РСФСР с 2015г. Автор книги поэзии и прозы. Руководитель литературного клуба «Фавор».

Родился в городе Калуга 09 июля 1950 года в семье служащих. В 1967 году окончил десять классов средней школы №8 города Калуги. В 1972 году закончил Самаркандское Военно-Автомобильное Командное Училище имени Верховного Совета Узбекистана (СВАКУ). В армии прослужил до 1980 года: был уволен в запас по состоянию здоровья. В 1986 году окончил Московский государственный институт культуры. Работал режиссёром народных театров в Юхнове и Боровске. Преподавал русский язык и литературу в Калуженской основной школе. Творчеством начал заниматься, ещё учась в школе. Первое стихотворение написал в 1964 году. В 2017 году выпустил первый сборник «Встречи», в который вошли произведения разных лет о родном крае, его природе (цикл «Встречи», «Камни», «Прогулка по ночному городу» и др.), стихи и рассказы, отображающие жизненную позицию автора («Моё кредо», «Молитва Сергию Радонежскому»), фантастические и шуточные произведения. В 2015 году написал исследование по возникновению, становлению и развитию русского языка. В этом же году стал членом Российского Союза Профессиональных Литераторов, а в 2016 году принят в Общероссийскую Общественную Организацию «Российские Учёные Социалистической Ориентации» (РУСО).

РЕДАКТОРУ

Я не нуждаюсь в сокращениях.
Я не нуждаюсь в украшениях...

Пишу я так, как дышится,
Как думается, пишется...
Редактор мой, пойми меня:
Во мне и лёд, и жар огня!

Ложь слов во мне и правда глаз,
Руда пустая и алмаз!..
Сомнений воз, находок грамм...
Но всё ж стихов кромсать не дам!

Я не нуждаюсь в упрощении...
Я не нуждаюсь в укрощении!

МУЗЫКА СЛОВ

Всё кружится, и льётся, и ластится
Непонятных мелодий строй.
И слова шершаво не ладятся,
В исступленье вводя порой.
Сердцу сладко, тревожно и муторно,
В нём – рожденья неведомый страх.
Мысли, словно цепями, спутаны,
Бьётся слово, как птица, в силках.
Взять его, словно горлинку, в руки бы,
То единственное, одно!..
Не даётся... И снова муками
Вечных поисков жить суждено.
И окно светом за полночь залито, –
Жмусь к стеклу воспалённым лбом.
Словно к слову прикован намертво
Обречённым галерным рабом!..
Но себе не кажусь я узником,
Не сумевшим сбросить оков,
И звучит во мне музыка, музыка
Ненаписанных песен и слов!..

ПОСВЯЩЕНИЕ-ПОДРАЖАНИЕ
ВЛАДИМИРУ ЛАНЦБЕРГУ

Костёр на поляне у стройной сосны.
Тропа меж болотцем и рошей...
Ужель тебе в радость ночные костры?
И дома остаться не проще ль?

Ну, ради чего ты покинул свой дом?
Усталости, пыли и пота?
Что нового встретишь за ближним холмом?
Всё те же леса и болота!

Быстрее и проще дойти до шоссе,
А там – на машине – и точка!
Нет, надо тащиться пешком по росе,
В грязи, по камням и по кочкам!..

Да, будут леса и луга за холмом,
Жара и дожди, и тревога...
Но важно не то, что отыщешь потом,
А то, что подарит дорога.

Тепло костерка, чистоту родника,
Гитары душевное пенье...
И то, что не выразил словом пока,
Но властно над каждым и всеми!

Костёр у высокой и стройной сосны.
Тропа меж болотцем и рошей...
Да, мне это в радость – ночные костры!
И дома остаться не проще!

ОСЕНЬ ПОЗДНЯЯ

Ветер крутит пожухлой листвою.
Гнётся небо к свинцовой воде...
И дожди засыпают, стоя,
Как усталый конь в борозде...
Осень поздняя. Ржавые дали.
Редкий писк воробьёв по кустам.
Косяки журавлей прорыдали,
Улетая, прощанье лесам.
Под шипенье капли унылой
Тускло-сумрачный вечер плывёт.
О последних днях осени стылой
Ветер в трубах печных поёт
И по неба серой безбрежности
Гонит стаи изодранных туч...
Я же вижу дали заснеженные
И встающего солнца луч!..

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Он свалился, тяжёлый и влажный,
Закрывая и дали, и день,
Оседая надменно и важно
По окраинам деревень.

Ветки гнул с побуревшей листвою,
С той, что ветры ещё не снесли,
Белокрыших домов понастроил,
Черноту оттеня земли.

И весь день, и ещё полночи,
Торжествуя, спускался он.
Обнажённым лесам пророчил
Скорый холод и долгий сон.

Ну, а утром, когда осторожно
Солнце выплавило лучи,
Он смешался с грязью дорожной
И под вечер исчез почти.

МЫСЛИ

Мысли... Множество разнообразных мыслей... Целый рой... Они толпятся, шумят, кричат, оттирая друг друга: «Меня выслушай, меня!.. Нет, меня! Я первой пришла!.. Нет, нет, меня! Я давно здесь толкаюсь!..» И все, вроде бы, интересные, и все заслуживают внимания, но... Но мелковатые, какие-то, суетные... И где-то среди них затерялась та самая, единственная, что позарез необходима вот прямо здесь и сейчас! Настолько необходимая, что сидящий за столом человек застонал и потряс головой: «Да угомонитесь же вы, наконец, крикуньи!»

Открыл глаза, ошарашенно огляделся... Маленькая, едва вмещающая топчан, стол, лавку и печь комнатёнка. Входная дверь, задрапированная старым ватным одеялом. Низкий – на два пальца над головой – потолок. Скрипучий пол, сбитый из едва остроганных досок. Напротив двери – малосенькое окошко, затянутое снаружи (поверх стекла) полиэтиленовой плёнкой, чтобы тепло не выдувало. Топчан служит одновременно и кроватью, и лавкой. Одним краем он упирается в стену, другим – в печку. Под окошком – узкий, но длинный стол. Когда-то, в прошлой жизни, он был стенкой платяного шкафа. За столом, вдоль стены, узкая деревянная лавка. На столе две глиняные салатницы вместо тарелок, две кружки. В отдельной коробке нож, ложки, вилки. Заварочный чайник и сахарница – как отдельное произведение искусства: витые, из тонкого звенящего фарфора, отражающие в позолоте пламя свечи. Сама свеча (вернее – огарок) вставлена в скромный бронзовый подсвечник, установленный так, чтобы освещать тетрадь и несколько листов чистой белой бумаги... Человек вздохнул, потёр пальцами глаза, сосредоточился, пытаясь выхватить из сумятицы мыслей и образов ту, что никак не хотела проявляться, что постоянно ускользала от пристального внимания... Ещё раз вздохнул, наморщил лоб... Но, увы, мысль в руки не давалась... Взял ручку, что стояла в пластиковом стаканчике из-под сметаны справа от подсвечника, потёр ею кончик носа и перевёл взгляд на печь.

Печь – это отдельный разговор. Она делит комнату на две неравные части: большую со столом, топчаном и лавкой, и меньшую с запасом дров (НЗ, на всякий случай), вешалкой и полкой для инструмента и кастрюль. Сама печь несколько необычна. Функционально она представляет собой «голландку», но только сложена не из кирпичей, а из гранитных валунов. Печь деловито потрескивает горящими поленьями и излучает волны блаженного тепла и уюта. В комнатёнке стойко держится лёгкий запах дыма, сухих берёзовых поленьев, парафина горящей свечи. В этом пристанище нет электричества, а, следовательно, нет и всех, столь привычных, благ цивилизации. Единственной приметой времени служит мобильный телефон, удобно расположившийся на столе возле подсвечника. Да ещё книги. Они прочно устроились на самодельных полках, и занимают всё пространство стен над топчаном, столом и лавкой: от печки и до окна, и от окна – до печки. Их цветные переплёты образуют своеобразный ковёр, что полностью скрывает от глаз серовато-бурую поверхность дощатых стен. И лишь в одном месте, как раз в углу над изголовьем, под самым потолком, прерывается ковёр книжных переплётов, уступая место группе икон и едва теплящейся лампадке под ними...

Человек перевёл взгляд на окошко, прислушался к завыванию пурги снаружи, задумчиво покусал кончик ручки. На секунду закрыл глаза, и вдруг решительно придвинул к себе тетрадь и начал писать: «Мысли... Множество разнообразных мыслей... Целый рой... Они толпятся, шумят, кричат, оттирают друг друга...»

Маргарита БЕНДРЫШЕВА

Жить в согласии с собой и делать, что хочешь – себе во благо, а другим на радость – не это ли счастье? Но у общества маловато вариантов – поэтому чаще мы делаем, что хотим, урывками, выгадывая время меж тем, что надо, и тем, что должно. Получается, будто вышиваешь собственную жизнь невидимыми ниткам, обернёшься – где же он, мой узор? Вот эти вот редкие цветные фрагменты, почти случайные? Пойди пойми по ним, какова была исходная задумка...

Бендрышева Маргарита Витальевна. 1972 г.р. Инженер, экономист. Член Союза писателей России с 2001г. Руководитель литклуба «Галерея». Автор 16 книг поэзии и прозы.

Так у меня получилось с делами творческими – по остаточному принципу. Сначала работа, семья, добровольно взятые или самой непонятно откуда возникшие обязательства... Впрочем, я никогда не знала, как распорядиться собой, кем стать, чему себя посвятить. Хотелось просто – жить и неторопливо вглядываться в то, что происходит вокруг. Любопытствовать. Созерцать. Может быть поэтому уже во взрослом возрасте моим любимым литературным героем стал Обломов? (И даже Манилов – и в нём чувствую некоторую родственность!) Я и не мечтала-то ни о чём, ибо само по себе быть – этого уже было достаточно для того, чтобы ощущать интерес. Но кто бы обеспечивал мне такое существование? Пришлось обретать конкретную форму, с которой я, увы, не угадала. Тем не менее уникальная особенность литературного творчества заключается в том, что никакие формы бытия не могут помешать им заниматься, если есть на то желание.

Я не связала жизнь со сферами культуры и искусства, но мой путь в литературе состоялся, пускай он и по-

добен тропке, идущей параллельно железнодорожному полотну – все наверняка видели из окон электричек такие промятые в траве стёжки, то исчезающие, то появляющиеся вновь. Но довольно об этом. С моей стороны самым лучшим будет обрисовать свою творческую судьбу, перечислив людей, поспособствовавших тому, чтобы я литературный путь себе всё же проторила: журналист и писатель Виктор Тен, который в 1992 году пригласил меня в литературную студию «Вега» при Калужском отделении Союза писателей России; Валентин Ермаков – руководитель «Веги» той поры, поэт из Обнинска, добросердечно меня опекавший; Людмила Филатова, прекрасный поэт и прозаик, неизменно принимающая во мне участие все годы нашего знакомства; поэт, журналист и издатель Нина Смирнова, научившая меня издавать книги; известные и влиятельные члены Калужской писательской организации Сергей Васильчиков и Вадим Терёхин, оказывавшие мне поддержку; журналист и писатель Владимир Скрипкин, наладивший выпуск альманахов «Галерея»; мои друзья-соавторы в поэзии и музыке Наталья Эйкина, Вячеслав Ботук и Николай Назаров, сподвигнувшие меня на разные проекты; никогда не жалевшие для меня добрых слов мои литературные товарищи Андрей Николаев, Александр Хмелевский и Виктор Лареев, а также все наши «галерейцы» – авторы как нынешнего альманаха, так и предыдущих выпусков, которым я благодарна за роскошь общения. Да разве это все имена, что я могла бы назвать?!

Только на пересечении человеческих судеб происходят события. Жизнь моя событиями не изобиловала, но я не пряталась от неё, и кое-что из разряда отрадного на мою долю выпало. Надеюсь, что от событий, которым я помогла состояться, в чьих-то судьбах тоже делалось по-светлее.

* * *

Ну отчего б не обернуться,
когда тебе под пятьдесят?
Возможно, все мы в божьей руке,
но не улавливает взгляд

примет отеческой заботы.
Однообразны, как лыжня
вдоль поля
прожитые годы –
вот что сложилось у меня.

О да, и то одно отрадно,
что ровен ход. Но много ль чувств
от жизни, сделанной «как надо»
сквозь «не могу» и «не хочу»?

Я разучилась мал-помалу
себе желать чего-нибудь.
Так это мудрость? Нет, пожалуй.
Переметает снегом путь...

ВЫБОР

Когда мы в очереди были за судьбой,
ты оглядеться мог бы, думаю, получше,
а что касается меня, то выбор мой –
ошибка полная.

Я помню смутно: души
перебирали им предложенное. Жаль,
нас запугали, как детей домашних в школе...
Пусть ничего не подошло – что за печаль?
Ведь отказаться делать выбор – в нашей воле.

ПЧЁЛЫ НАД СНЕГОМ

Пчёлы могут летать над снегом,
если их подманило солнце.
Ни ростка ещё, ни побега,
бережёное – да сбережётся!

Поберечься бы пчёлам тоже:
в старый улей, к надёжным сотам.
Разве сахар и снег похожи?
Но всё ниже витки полёта.

Золотые на белом – сели,
и в смертельную – мигом – дрёму.
Ну а люди – с какой же целью
высоте изменили – дому?

Как летали во время оно!
Приземлились, вдохнули пыли...
То-то жизнь – будто промельк сонный
то ли небыли... то ли были.

* * *

Да, любовь – штука злая,
так и мы – не добрей.
Проиграть не желая,
никого не жалей!

Каждый здесь, как на марше –
за себя, за себя!
А ненужных, вчерашних –
на расклёв голубям!

Чьё-то имя провиснет
пустотой в языке.
К новым звёздам и высям
только так – налегке.

В ХОЛОДНОМ МАРТОВСКОМ ПАРКЕ

«Ар-ра!» – весну озвучивает парк,
вороньи все свои разинув горла.
Анаксагор, Анахарсис, Питтак...
Подумаешь: устроили агору!

Любой в лице единственном – мудрец,
но хор из мудрецов – не лучше сброда.
Так сколько децибел и сколько герц
обрушиваются на пешехода?

Массивы лип колючи, как ежи
морские; гость небесный, осторожней,
не наступи случайно, поспешив,
на острое изнеженной подошвой.

Твоя судьба – скользить по облакам,
а мне – идти по льду и стылой пыли.
Ты смотришь на Калугу свысока,
я свысока – на гряды снеговые.

Они к весне слепились на манер
макета в краеведческом музее:
игрушечные пики Кордильер
и цепи Гималаев. Перезреет

когда-нибудь мороз и упадёт
плодом размякшим – вдрызг! – потёки, сырость...
На самую ничтожную из йот
никто и не взгрустнёт, что так случилось.

СТРОЙКА

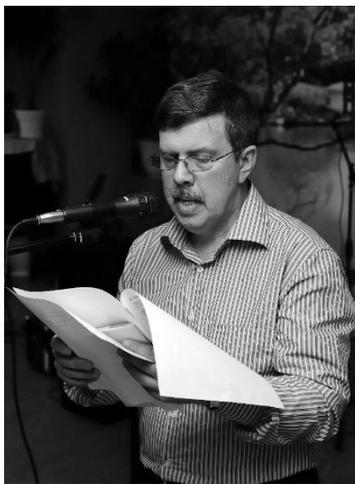
...всякий раз отстраиваться снова
после зимней затяжной беды...
В золота сусального покровы
облекают храм Святой Воды.

Любоваться б, вглядываясь зорче,
но уж слишком солнечнен апрель.
Каждый сад себе сегодня – зодчий,
каждый перелесок – древодель.

Станет мир пространнее и выше,
к небу устремятся этажи...
А зима – на то лишь, чтоб в затишье
осознать, как сладко строить жизнь.

СТРОЙКА 2

Пока весна не возвела
зелёный новострой,
свои домашние дела,
свой цепкий быт простой
ведёт открыто вороньё
в многоэтажках лип.
На однотипное жильё
всё те же ГОСТ и СНиП
нужны природе. Ни к чему
менять давным-давно
налаженное по уму.
Как всё-таки чудно,
что в мире бурь магнитных и
взрывающихся звёзд
есть неизменность птичьих игр
и постоянство гнёзд.

*Ботук Вячеслав Юрьевич.
1957 г.р. Повар, рабочий. Автор
девяти книг поэзии и прозы.*

Вячеслав БОТУК

МЫСЛИ О ПОЭЗИИ

Неоднократно встречаясь с детской аудиторией разного возраста, я в самом начале этих встреч проводил эксперимент. Сначала я «прозаическим» языком и формой рассказывал ребятам содержание какого-нибудь стихотворения, а затем читал само стихотворение. После чего просил поднять руки тех, кому понравилось в «прозе», а затем – кому в поэтическом изложении. Дети, в отличие от взрослых, ещё не очень

умеют лицемерить, поэтому я искренне склонен считать, что результаты моего эксперимента достаточно объективны. Так вот, каждый раз подавляющее большинство моих юных слушателей голосовали за поэзию. И это, я полагаю, закономерно. Ведь поэзию человек воспринимает, в первую очередь душой, подсознанием... Небольшое по объёму стихотворение может многократно превзойти какой-нибудь многостраничный научный трактат, разбирающий те или иные аспекты духовной жизни человека.

В связи с вышесказанным, своей первостепенной задачей, как автор, я считаю возможность показать, донести до читателя то, что мы далеко не всегда можем или успеваем увидеть, о чём задуматься. Очень часто в повседневной суете, в борьбе за хлеб насущный мы проходим мимо нежного цветка, красивой снежинки, ждущего взгляда ребёнка... Смена времён года у многих порой ассоциируется просто со сменой ежедневного гардероба. И если мне удастся тем, что я пишу, остановить «бегущего» читателя, помочь ему увидеть, понять, прочувствовать разнообразие и красоту окружающего нас мира, пробудить в нём что-то доброе, светлое и тёплое, то значит, я не совсем зря мараю бумагу или монитор компьютера.

НЕ ВАЖНО...

Не важно, поздно или рано...
Нет времени у колдовства.
Врастает в магию тумана
Деревьев сонная листва.
И тишина в прозрачных пальцах
Лелеет чудо-кисею,
Расправив на небесных пятаках,
Молочной нежности струю...

* * *

Спорхнула птица. Засветилась
Снегов хрустальная фата.
И кажется, что всё приснилось,
И вновь застыла красота...

БРОДИТ ЗИМА...

Бродит зима за окном
Мягонько, неторопливо.
Стелет лебяжьим пером
На ледяные разливы.

Время пришло волшебства,
Время алмазов бесценных.
Дивных чудес Рождества
И новогодней вселенной.

И по еловым ветвям
Добрый и ласковым светом
Теплятся по вечерам
Радостной встречи приметы...

ХРУСТАЛЬНЫЕ АНГЕЛЫ

Зима рождает ангелов хрустальных.
И звон их крыльев нежен и лучист.
А снег искрится золотом астральным,
И небосвод так холоден и чист.

А снегири гоняются за счастьем,
Которое с рябиновых ветвей
Склоняется рубиновым запястьем,
Всех в мире драгоценностей важней.

И замер мир в преддверии чудесном.
Он словно в сказку детскую зовёт.
О, этот дар божественный небесный!..
Смотри, ты видишь?!.. Ангелов полёт...

СКВОЗЬ РЕШЁТКУ...

Сквозь решётку сосновых стволов
Проявляется светлою тайной
Диск луны оберегом сусальным,
Над макушками снежных холмов.

Неподвижна лесная река —
То ли лёд, то ли зеркало стынет.
Ночь не скоро холодная минет,
Сна морозная тишь глубока.

Не вспорхнёт, словно ведьма сова,
Сбросив снег с гибкой ветки еловой.
Будто вечности зимней основа,
Заявила на землю права...

ПРЕДНОВОГОДНИЙ РОМАНС

Падает белая память,
Тихо кружась за окном.
Дум налетевшая заметь,
Снегом окутала дом.

В глиняной кружке дымится
Снов ароматный глинтвейн.
Снова мне видится-снится
Солнечность летних аллей.

Там ты смеялась и пела,
Звонкое счастье даря...
Нынче душа опустела
В нежной тоске декабря.

Свечи на ёлке зажгу я
И попытаюсь согреть
Память твоих поцелуев...
Сердце! Ну, хватит болеть!..

Снова двенадцать ударов
Полночь пробьёт, не спеша.
По голубым тротуарам
Бродит в позёмке душа...

НЕ БЕГИТЕ, ДРУЗЬЯ...

Не бегите, друзья, не бегите!..
Не спеша посмотрите вокруг.
И увидите, к вашей орбите
Незнакомец приблизится вдруг.

Вы уж было опять пробежали
В суете повседневных забот.
И подумать успели едва ли,
Что быть может он именно тот.

Не спешите, друзья, не бегите...

ТЫ ЗАВЕРНУЛАСЬ В ЭТУ ОСЕНЬ...

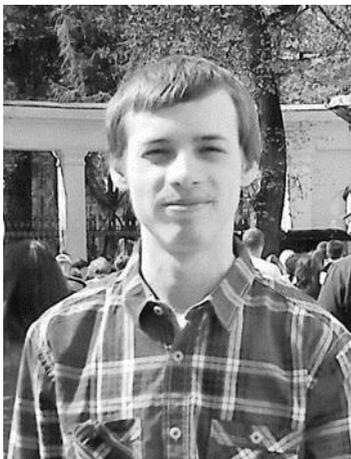
Ты завернулась в эту осень,
Как будто в ласковую шаль.
И, взгляд немного грустный бросив
В незримо стынущую даль,
Ты промолчишь о тех желаньях,
Которым сбыться не судьба,
И о не выданных признаньях,
Пленённых в сомкнутых губах...
Сквозь паутину звёздных линий
Пробьётся вечности маршрут,
И память в паре с ностальгией
Не выпустит из тесных пут.

ТОТ ЁЖИК...

Жизнь огорченья бесконечно множит.
И сколько в ней бездушья и обмана.
Но вот порой выходит милый ёжик,
Как солнышко из жуткого тумана!
И сердце, будто тёплой рукою,
Волшебник это маленький согреет.
И поведёт заветною тропою
Туда, где звёзды счастья в небе реют!..

УСПЕЙТЕ!..

...А вот когда, забывшись, наберёшь,
Знакомый каждой цифрой номер,
Вдруг с болью обречённости поймёшь,
Что там, за ним нет никого уж боле.
И как мосток, обрушатся слова,
Те, по которым ты хотел вернуться.
И в серебре застынет голова,
И у спины нет мочи разогнуться...

Павел ВЕРБИЦКИЙ

Вербицкий Павел Алексеевич, родился 4 марта 1994 года в Калуге. Закончил Калужский областной колледж культуры и искусств.

Начал писать прозу с 11 лет. Участник литературных клубов «Фавор», «Галерея», «Арктида», «Q.R.L.», «Вега». Печатался в сборниках «Просветление», «Галерея», «Арктида». Публиковался в интернет-журналах «Портал» и «Массолит» и на многих литературных сайтах. Участвовал в литературных конкурсах им. Чижевского,

«Золотой Гомер» и «Большой Финал». С 2018 года член Российского союза профессиональных литераторов.

Пишет в разных жанрах, но больше всего предпочитает мистику, фантастику и символизм. Действие большей части написанных им произведений происходит в выдуманном интернациональном мегаполисе Эдембурге. А главная, вечно актуальная тема – поиски себя и своего места в жизни.

Кроме литературы самая большая страсть в жизни – музыка. Именно она чаще всего вдохновляет на новые литературные идеи. Уважает любые жанры, но предпочтение отдаёт року и металлу.

Третья, помимо литературы и музыки, страсть – такой вид современного искусства, как компьютерные игры. Считает их преимуществом возможность не просто наблюдать за историей со стороны, а принимать в ней непосредственное участие.

Как читатель и кинозритель предпочитает необычные, фантастические, закрученные, но жизненные сюжеты, над которыми можно поразмышлять. Любимые авторы и произведения: Джек Лондон «Мартин Иден»,

Джордж Оруэлл «1984» и Косюн Таками «Королевская битва». А любимые фильмы «Бойцовский клуб» и «Американская история Х».

ЛЕГЕНДА О КАПИБАРЕ

1208 год

«Почему так?..» – казалось, голова отрока разорвётся всего от одного, но такого важного вопроса. Холод проникал под кожу, окутывая каждую клеточку. Накидка из волчьих шкур почти не спасала. Ветер дул беспрерывно, словно пытаясь скинуть юношу вниз с горы. Еле заметные каменные ступеньки тропы вели наверх, скрываясь в пелене снежной бури. Тут и там с трудом замечались покрытые беленой сосны, словно стражники этого безлюдного места.

Ноги и руки не чувствовались, но назад пути не было. Впрочем, оставалось недалеко, юноша ощущал это. И вот перед ним возникла огромная скала и вход в пещеру. Ещё несколько шагов, и он оказался в тёмном проходе. Яростный буран остался позади. Отрок увидел перед собой маленькие деревянные ворота. Через щели пробивались капельки света. Юноша тяжело вздохнул, положил руку на дверь. Самое тяжелое было ещё впереди.

Осторожно он потянул дверь на себя, оставляя весь мир позади. Тут всё было по-другому, будто в другой реальности. Своды небольшой пещеры освещались многочисленными свечками. Потолок скрывался во тьме. Стены украшали шкуры разных животных и нанизанные на верёвочки высушенные растения и цветы. Внизу лежала деревянная посуда, в углу стояла бочка. В воздухе ощущался приятный цветочный успокаивающий аромат.

В центре святилища на коленях сидел старец. Белая борода касалась серой рубахи и чёрных штанов. Руки лежали на коленях. Старец глубоко дышал. Едва услышал присутствие чужака, он открыл глаза.

– Я ждал тебя, – проговорил старик. Его голос слабым эхом пронёсся по пещере.

– Приветствую, старец. Меня зовут Всеслав. И раз знаешь ты, зачем я путь к тебе держал тяжёлый, то и знаешь, что я ищу, – юноша с трудом скрывал радость.

Старец не спеша встал, повернулся. Худошавый, невысокий. Юноша вглядывался в его лицо и не мог найти слов. В глазах старца, в пристальном взгляде, словно отражалась сама жизнь, а в морщинистом лице со шрамами ощущались все жизненные прошедшие опасности и преграды. Всеслав поклонился старцу, стянув с головы капюшон. Белые растрёпанные волосы до шеи, тоже лицо в шрамах. Под глазом красовался свежий синяк. Отрок был худой, но ростом выше старца. Центр святилища находился на небольшой возвышенности, поэтому старец смотрел на пришедшего сверху вниз.

– Все твои вопросы и просьбы должны звучать от тебя самого строго. И знай, я помогаю каждому только один раз – один вопрос, одна просьба.

Всеслав кивнул старцу. Волнение охватило его сердце, но сладостный запах, витающий воздухе, словно успокаивал душу. Он не раз слышал в княжестве о великом мудреце с Эдембургских далёких гор. О нём рассказывали, как о некой легенде. Старец снимал порчи, лечил любые болезни, менял жизни. И сейчас, когда он стоял перед ним – всё оказалось таким простым.

– Какой вопрос у тебя, юноша?

– Прошу помощи, мудрец. Вопрос, что терзает сердце моё: почему люди такие жестокие? Почему даже самые близкие и родные могут предать, заставить страдать и не чувствовать этого сами?..

Старик слушал его, не капли чувств не отразилось на его лице. Юноша продолжал, даже не осознавая, что на его глазах показались слёзы. Они капали на шкуры, а мех впитывали их, как ни в чём не бывало, как впитывал всегда. Он рассказывал о своей жизни, о радостях и печалях, о том, как много путешествовал по княжеству. Голос его дрожал, а волнение сменилось тоской. Всё началось в семье. Он казался всем и даже самому странным. Всеслав был слишком добрый, хоть и жила его семья в опасных краях, где всё сводилось к суровости и серьёзности. Отрок всегда хотел всем помочь с поводом и без повода. Довеялся людям. Тело его носила следы от этих отношений.

Не раз его даже грабили, но духу у разбойников не хватало добить юношу. Но с самого детства Всеслав считал – что может быть лучше, чем нести свет и добро людям?.. Но сказал в гневе его отец однажды, как топором зарубив на стволе дерева: «Нет месту доброте в этом мире, побеждают лишь сильные и хитрые!» Будто как проклятие эти слова преследовали Всеслава всю жизнь... Он покинул семью и родные края, но куда бы ни шёл, где не оказывался, кому не давал часть себя и доброты искренней в доверок, так оборачивалось это обманом и предательством печальным.

Вскоре юноша закончил. Некоторое время пещеру охватила тишина.

– Ты хочешь знать, почему люди такие жестокие? А скажи, почему ты сюда пришёл? – говорил старец спокойно.

– Как это относится к моему вопросу?

– Просто ответь.

Всеслав почувствовал подвох, но тишина затягивалась. Он решил ответить, как есть.

– Потому что это была моё желание, это было нужно, я этого хотел.

– Вот почему, – кивнул старец.

Юноша напрягся. Начал корить себя, что зря потратил свой вопрос. Но ещё не все было потеряно!

– Какая просьба у тебя, юноша?

– Я хочу помогать людям, хочу повлиять на них. Но мне не хватает сил. Дай мне часть твоих сил, старец. Чтобы я тоже мог менять мир, менять жизни. Нести добро. Моё дело важное!

– И на что ты готов ради этого?

– На всё. Не зря я ведь проделал такой путь к тебе!

– А если не захочу помочь тебе?..

Всеслав не ожидал такого ответа. Как тот, кто помогал всем всегда – откажется? Нет, он не может вот так всё потерять! Всеслав знал, что добро должно быть тоже с зубами. Отрок сжал кулаки. Старец заметил это.

– Ты должен!

Старик быстро наклонился, поднял с пола одну из своих свечек и дал парню.

– Потому что ты так хочешь? – эмоции на лице старца не менялись вообще.

– Да! – с некой издёвкой ответил Всеслав. – Эта свечка даст мне силу? Верно?.. – старец ничего не ответил, лишь махнул рукой, указал в сторону выхода. Всеслав повернулся, хотел быстрее уйти. Как он был молод и пылок. Неожиданно юноша остановился. Посмотрел на свечку в своих руках. Пламя словно пыталось что-то сказать, играло с ним.

Всеслав повернулся. Старик всё так же смотрел на него. Рука со свечей юноши задрожала.

– Не роняй, – проговорил старец утешающе. – Не дай тому, что ты не хочешь ощущать в своей душе – победить.

Всеслав кивнул. Он всё понял. В чём была его разница между теми, кто хотел зла и его того, кто хотел показать всем добро? Что или кому он хотел доказать? Или просто требовал внимания, которое не додали ему отец и мать в безрадостном детстве.

– Прости меня, старец. Не достоин я твоей помощи, и люди, временами кажется, не заслуживают доброты моей. Вопрос я задал свой и просьбу ты мою исполнил.

– Неверно ты рассуждаешь, – старец подошёл ближе и положил руку на плече юноши. Всеслав чувствовал, как его тело наполняет тепло, а на душе становится легче. На момент он подумал, что может остаться и податься в ученики. Но старик словно читал его мысли: – У каждого свой путь! И знай, вопрос и просьба твои были не ко мне, а самому себе.

Отрок опустил голову. Но не было стыда. Старец казался небесным зеркалом.

– Загляни в свою душу. Это единственное, что у тебя никто никогда не отберёт. Что ты всё-таки хочешь? – слова мудреца звучали, как шелест листьев под ногами, как ветер, который резвится на необъятных зеленых полях.

– Не хочу сомневаться в себе, – посмотрел Всеслав в глаза старцу. Отроку больше ничего хотелось говорить.

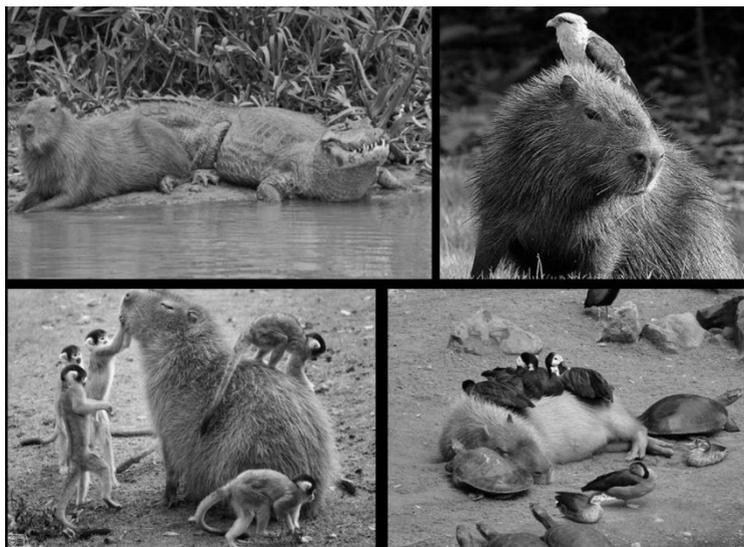
Старец повернулся к алтарю, поднял руки к полотку. Юноша посмотрел вслед его движениям. Его тело наполняло что-то непонятное, лёгкое и быстрое. Словно

само время и пространство проходило через его плоть, рождая что-то новое. Юноша был рад этому.

Больше Всеслава никто не видел.

2021 год.

На просторах социальных сетей не раз публиковался необычный и забавный пост: «Самое доброе животное, с которым дружат все! Капибара!» Единственный представитель своего вида из рода грызунов. Многие натуралисты подмечали, что она взялась словно из неоткуда. Первые упоминания о животном были где-то в начале 13 века. Впрочем, это мало имело значения. Капибара дружелюбно относилась ко всем живым существам, даже к крокодилам и людям. С удовольствием она была милым домашним питомцем. Капибара и доброта казались единым целым, словно только ради него она и возникла.

*Груздева Татьяна Сергеевна.
1946 г.р. Педагог, журналист.
Автор двух книг прозы.*

Татьяна ГРУЗДЕВА

«Мир раскололся надвое, и трещина прошла через сердце поэта». Впервые я услышала это давным-давно, ещё в студенческие времена. Но помню, что меня тогда словно током ударило. Я не была поэтом. И даже прозу ещё не писала. Но возникло ощущение, что строчка Генриха Гейне – и обо мне тоже.

Родители и друзья часто повторяли. «Нельзя всё принимать близко к сердцу! Ты слишком впечатлительна, так тебя надолго не хватит!». Может, и не хватит. Но что

делать, если иначе жить не получается? Если я всегда чувствую «трещины», хотя в моей реальности, они, по счастью, маленькие. Но ведь было и другое! Прочитав стихотворение Евтушенко «В Бухенвальде», я не спала несколько ночей...

Какая удача, что мой путь журналиста начался в областной газете «Молодой ленинец»! Она была достаточно независимой по советским временам, очень смелой и честной. Достаточно сказать, что всего за год до меня её покинул Булат Окуджава, и коллектив продолжал ещё жить тем творческим настроением, который при нём сложился. А Булат Шалвович приезжал к нам в гости!

Окунувшись в работу «с головой», я поняла, что обрела возможность жить и с «трещиной» в сердце. Я ведь могу об этом писать! Идти со своей раной к людям. «Боль выводит на тему». И чем точнее ты тему определишь, тем больше людей сможет подключиться к решению обозначенной тобой проблемы. А ранимость и впечатлительность... что ж, это можно потерпеть, это не всегда недостаток, ведь любой журналист знает: «с холодным носом материал не напишешь».

А вскоре мне крупно повезло и ещё раз! Так же близко, как Окуджаву, я смогла увидеть и другого большого писателя – Владислава Крапивина.

Началось всё с неожиданной командировки: нужно было поехать в качестве сопровождающей с группой детей. Отвезти их в пионерский лагерь. Я бы от такого сомнительного удовольствия отказалась, но этим лагерем был Артек! А при эвакуации в Симферополе собирали на семинар руководителей юнкорских объединений. У нас никаких юнкоров не было. Но редактор посоветовал: «Да съезди! Отмечайся в списках и гуляй по весеннему Симферополю! Кому надо проехать? Заодно и Артек увидишь, туда будет экскурсия».

Логично. Но для начала я решила всё же узнать, о чём на семинаре говорят... И впервые услышала это имя: Владислав Крапивин! Свердловчане с гордостью рассказали о самом главном в их городе юнкорском отряде – о детской флотилии «Каравелла». И её Командоре. Так называли Владислава Петровича. Я увидела слайд-фильм о «Каравелле», и мне расхотелось сбегать с семинара. Вникала во всё, что там происходило, конспектировала...

А вернувшись в Калугу, начала потихоньку собирать по школам старшеклассников в городской пресс-центр. С его первой небольшой группой мы вскоре побывали в гостях у «Каравеллы», познакомилась с Владиславом Крапивиним. Потом и ещё пару раз ездили. Нам было, где останавливаться в Свердловске – на родине моего мужа. Ребята, включая моих собственных детей, запоем читали книги Крапивина, выросли на них.

Главный пункт устава «Каравеллы» мы взяли себе: «Я вступаю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Не стану ждать, когда на защиту правды кто-то другой встанет раньше, чем я».

Но о нашем калужском пресс-центре «Звёздный» и о моей внезапно приобретенной второй профессии – педагог дополнительного образования, рассказывать нужно отдельно! Скажу сейчас ещё лишь одно: мои «журналията», как правило, писали ещё и стихи, иногда рассказы. И я, помогая им, всё чаще сама садилась за прозу. После ухода на пенсию эта работа стала основной.

А строчка стихов Генриха Гейне, так памятная со студенческих времен, никогда не теряла для меня актуальность. Только «бальзам для трещины» журналист или прозаик готовят иначе, чем поэт. Каждый по-своему.

Сейчас мне важнее всего донести до всех, к кому смогу обратиться, слова и мысли моего отца. Мир в очередной раз «раскололся надвое», правда у каждого своя, но есть люди, которые имеют право голоса навечно. Они получили его на фронтах ВОВ. И писали для нас не только о недопустимости любой войны, но и о тех ценностях жизни, истинность которых открылась перед лицом смерти.

Я собиралась опубликовать в юбилейном выпуске «Галереи» цикл лирических зарисовок, но оставила только самую маленькую, основное место – фрагментам книги воспоминаний об отце.

КАК ОТЧАЯННО ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ!

(фрагменты книги воспоминаний о моем отце, офицере советской армии)

Из главы «Пролог: Сокровище, найденное на антресолях»

...Вот они, воспоминания отца. Но что значит для меня такая находка, я поняла не сразу. Сначала нужно было разобрать мелкий, бисерный, почти не читаемый почерк. Я расшифровывала буквально каждое слово и набирала на компьютере. И только закончив работу, смогла воспринять текст целиком. Весь его смысл. Тогда и начались открытия...

К примеру, меня поразил такой момент: отец подал рапорт об отправке на передовую сразу после того, как в Петергофе погиб десант из нескольких сотен его товарищей, морских пехотинцев. Никто не вернулся... Отец и так уже служил в Кронштадте, в Управлении учебного отряда КБФ, и так много делал для Победы, но попросился ещё и под самый огонь...

Из главы «Лахта»

Однажды, играя в уголке нашей единственной комнаты, я стала свидетелем вроде бы и понятного, но странного диалога родителей. Почему-то запомнила его почти дословно.

– Серёжа, а почему ты никогда Тане шоколадки не приносишь? Мне Зинка сказала, что на продовольственном складе постоянно списывают шоколад «на мышей»,

её Коля то и дело его домой для детей таскает. Такого ведь нигде не купить! Настоящий американский, очень полезный. Недаром лётчики обязаны брать его в полёт. Не съедают, конечно, тоже детям несут. Дети кладовщика, дети летчиков – все на улице с шоколадками! Только наша Танюша с пустыми руками...

– Дора, прекрати. Привезу я Тане шоколад из Архангельска, а с Николаем разберусь: когда это он на складе мышей развел? Завтра же подарю ему кота! И документацию проверю. Хорошо, что предупредила...

Папа сказал это с досадой, он явно огорчился. Я собралась его утешить, заявив, что не хочу американский шоколад! Иногда ребята угощают долькой, но мне он не нравится. Горький. Гораздо вкуснее те сладкие плитки – соевые с арахисом, которые продаются в магазине посёлка, их я и привыкла называть «шоколадками». Но не успела слова вставить, как мама продолжила атаку на отца. Она говорила быстро и с обидой.

– Вот всегда ты так! Не хочешь видеть, что другие люди умеют жить. Нужно с Николаем не разбираться, а учиться у него! С чем мы с Севера уедем? А служба твоя подходит к концу, 25 лет скоро отбарабанишь. Шоколадки – это, конечно, мелочь.

А вот жёны тех, кто на вещевых складах работает, шьют занавески на окна из парашютного шёлка! И шубы себе из цигейки, которой лётные куртки утепляют. И отрезки шерстяной ткани у них копят, не вся же она на брюки для лётчиков идёт! Потом, на «гражданке», как найдёшь всё это, денег кучу сэкономишь! А ведь кладовщики у тебя в подчинении! В твоих руках всё снабжение летной части, ты ещё больше сможешь...

– Дора... Мне тяжело это слышать. И стыдно. Если у меня такие вороватые кладовщики, значит, я плохо провожу политзанятия с личным составом. Нужно обновить тезисы лекций. И проверки складов чаще устраивать!

Не знаю, как они спят по ночам, мои подчинённые. А я сплю спокойно. Знаю, что нет причины ждать «чёрный воронок». Если только кто-то позавидует, ложный донос напишет. Но чему завидовать? Мы, как ты и сказа-

ла, уедем с одними чемоданами. Да и тех будет немного... Я не могу запретить тебе болтать на лавочках с жёнами сверхсрочников, которые служат на складах. Но ты должна помнить, кто твой муж. Я коммунист, Дора, и это не просто слово. Моя совесть коммуниста всегда чиста.

И потом: чем выше у человека должность, тем жизнь его интереснее, в ней больше смысла, возможности служить людям. Возрастает удовлетворённость работой, её масштабом. То, что имею сейчас я, гораздо выше удовольствия, которое получают обладатели шоколадок, мехов и отрезов. Мне совсем не нужны шмотки! Не думал, что ты этого не понимаешь...

Конечно, я не дословно запомнила тот разговор, но достаточно близко к реальности. Меня, как я сейчас понимаю, насторожило, что отец, всегда мягкий со своими домашними, проявил неожиданную твёрдость. Таких интонаций в его голосе я ещё не слышала, потому и отпечатались в памяти эти слова. А смысл сказанного я поняла гораздо позже – лет через пятьдесят с лишним, когда стяжательство стало делом обычным и чуть ли не доблестью.

Из главы «Калуга»

Интересная жизнь на «гражданке», с новой работой и весёлыми выходными в дружной компании отставных офицеров-северян, которые вслед за отцом потянулись в Калугу, продолжалась около трёх лет. Потом у отца стали повторяться тяжёлые приступы головной боли, с работы пришлось уйти.

Врачи опухоль мозга не заподозрили, порекомендовали отдых на природе и умеренные физические нагрузки. Входили в моду дачные кооперативы, и сначала пришла мысль о работе на участке. Но нет! Он не смог представить, что придется сидеть на 4 сотках и монотонно полоть грядки. И нашёл то, к чему лежит душа: рыбалка! Это не замкнутый пятачок, а речные просторы, запахи заливных лугов, утренние зорьки...

Отец отнёсся к новому увлечению с той дотошностью, с которой подходил к любому делу. Достал где-то дефицитную книгу Сабанеева «Жизнь и ловля пресноводных рыб», изучил её досконально. У него появились вы-

сокие резиновые сапоги, брезентовые плащ, штаны и куртка. Он часами сидел на реке, совмещая ночную и утреннюю рыбалку. Домой возвращался с неизменным уловом, а дома изобретал всё новые рыбные блюда.

До чего же был мирным этот человек – в прошлом фронтовик, а потом кадровый военный! Случались, конечно, у него недоразумения и с мамой, и со мной, но он всё решал без ссор. Казалось, что бранных слов он не знает вообще. Знал, конечно. И ещё как! Но дома использовал всего два: прохвост и мордоед – неологизм, созданный им самим.

Я спросила однажды:

– Пап, а что это такое – мордоед?

– Да как сказать... Я сам это понимаю, а объяснить сложно. У мордоеда на первом месте – собственная морда!!! Он её наел. Необязательно при этом стал толстым. Бывают и худощавые мордоеды. Но морды имеют самодовольные... Потому что едят не только пищу, н других людей. По-всякому. Тот, что поедом ест жену, замечая за ней малейшую оплошность – истинный мордоед! Большинство начальников в наше время стали махровыми мордоедами. Почему так – я ещё не понял. Пытаюсь разобратся...

* * *

К моменту смерти отца я, ученица советской школы, была, конечно же, атеисткой и представляла себе, что произошло мгновенное и полное исчезновение его личности. Но вдруг на похоронах почувствовала – и очень мощно! – нечто такое, что шло вразрез с атеистическим мировоззрением. Тело отца показалось пустой скорлупкой и, возложив на него цветы, я старалась больше ко гробу не подходить.

Приехавшие родственники требовали соблюдать приличия, но я от них пряталась, чтобы не мешали прощаться с отцом. Я его, конечно, не видела, но явственно ощущала, что он – рядом, но не там, где тело, а в небесной вышине. Не понимая сама себя, я всё смотрела и смотрела в глубину летнего неба, потому что душа моя, независимо

от сознания, провожала душу отца в непостижимый полёт, оплакивала его, одновременно преклоняясь перед величием этого момента...

* * *

А потом произошло нечто странное. Несмотря на то, что я простилась с отцом, стало мерещиться, что он где-то рядом. Я занималась делами, устроившись на диване, и одновременно слышала, как в кухне будто бы снова жарят рыбу. Масло на сковороде потрескивает, а папа, по своей привычке, напевает: «Встречу вечерочком милую в садочке...»

А дальше шли его любимые слова: «Сразу жизнь становится иной!» Именно так он и сказал в одном из наших самых последних разговоров.

– Если бы не эти годы на «гражданке», я бы и не знал, что такое настоящая жизнь. Всегда думал, что умею думать! Но то, что рождается в спешке и суете – разве это мысли? Вот когда стоишь с удочкой на берегу и часами смотришь на поплавок, каждая мысль созревает, становится отточенной. Природа, которая вокруг, помогает. Это как в храме: уходит всё второстепенное.

Я наблюдал, как засыпает река, как она просыпается. Видел десятки рассветов и закатов – и не было ни одного одинакового. Много думал о жизни, о том, что такое счастье... Вот станешь ты взрослой, обязательно расскажу тебе обо всём, что приходило в голову!

...Как жаль, что это не сбылось. Что взрослой я стала уже без отца. Он умер в возрасте 47 лет от последствий ранения, полученного в 1941-ом. Последние его слова: «Как отчаянно хочется жить!»

РОЗЫ ДЛЯ АННЫ КЕРН

Рядом с деревней Митино Тверской области есть старинный погост. Я нашла его случайно. Приехала в гости к друзьям в те края и просто бродила по окрестностям деревни.

Сначала меня заинтересовала церквушка. Небольшая, уютная, ухожена как-то по-домашнему...

Я зашла в потемневшую от времени деревянную калитку, огляделась... Сразу бросилась в глаза могила, на которой лежат свежие розы... У могилы – могучий клён, в его тени приютилась лавочка, усыпанная золотисто-багряными листьями. Можно отдохнуть, я устала от долгой ходьбы, день хоть и осенний уже, но тёплый, как летом.

Что это? Табличка на могиле старинная, с дореволюционной орфографией, мхом поросла, мох счищают, но он всё равно проступает, мешая разбирать надпись... Я платочком протёрла старые буквы и от удивления отступила к лавочке: ах, вот кто здесь похоронен! Анна Петровна Керн! Женщина, которой Пушкин посвятил знаменитые строчки:

«Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явились ты!

Как божество, как вдохновенье,

Как гений чистой красоты...»

Лавочка, шорох падающих с клёна листьев, старая могила, тишина деревенской окраины... Я долго сидела там и всё пыталась ухватить «за хвост» какую-то ускользящую мысль. Из церквушки вышла старушка – такая же тихая, благообразная, по-домашнему уютная, как и всё, что меня тут окружало.

– Скажите, кто принёс такие роскошные розы? Была экскурсия? – спросила я у неё.

– Не знаю, деточка, – отозвалась старушка. – Экскурсий-то у нас не бывает, чай не Пушкин тут похоронен... Но розы лежат всегда! Кто и когда их приносит – уследить невозможно. Да и зачем? Пусть лежат! Аннушка наша это заслужила...

– Чем? Красотой своей?

– При чём тут красота? Молода ты ещё, как я погляжу, главного в жизни не знаешь...

– Что вы считаете главным?

– А ты Пушкина почитай. И сама думай... Всё вам скажи, да Расскажи! Толку-то от чужих слов не бывает! Если что сама удумаешь – тут тебе и правда!

Собеседница ушла обратно в церквушку, а я осталась на лавочке. Золотой осенний день – «хрустальный», по выражению Пушкина, неожиданная встреча с тенью светской красавицы Аннет и с мудрой старушкой – всё это заморозило меня настолько, что реальность как бы растворилась в

этом хрустале, мысли и картинки стали рождаться не в голове, а где-то в вышине бледно голубого неба...

И были они поначалу очень странными. Я как бы увидела не Пушкина, а Льва Толстого, вернее, Пьера Безухова. В тот период, когда у него «трещал череп» от философских размышлений. Если человек – это всего лишь крошечный пузырёк в бесконечности времени и пространства, который появится и тут же лопнет, то его существование лишено смысла...

От возможного суицида Пьера спасла Наташа. И не какие-то её особые слова, а она сама — целиком. Сам факт её существования, всё то, как она воспринимала этот мир. Для Пьера открытием стало её спонтанное, интуитивное жизнелюбие, способность наслаждаться каждой вот сейчас данной минутой, впитывая её в себя, как пчела нектар цветка. Без рефлексии, без философских поисков. Но этим Наташа как раз и являла смысл жизни!

И тут мои мысли вернулись к Пушкину и Анне Керн. Наверняка Аннушка, как назвала светскую красавицу старушка, внутренне была сродни героине Льва Толстого. Чем вернула реальному Александру, как через много лет Наташа Пьеру, вдохновенье «и жизнь, и слёзы, и любовь».

Многим женщинам (и не воспетым в литературе) дано по-особому видеть мир. Женщина не боится быть сентиментальной, не стесняется сочувствия и нежности ко всякой «ерунде и пустякам»: к котяткам и бабочкам, цветам, былинкам-травинкам... За это природа одаривает любовью ответной, сполна раскрывая всё самое тонкое, поэтичное, неуловимое, что составляет главную прелесть бытия...

Наполненность поэзией жизни сквозит во всём, что она делает, в её улыбке, жестах, в особой атмосфере, которая её окружает... Если мужчина – художник, то, общаясь со своей музой, он словно потаённое окошко открывает и интуицией воспринимает всё то, что она видела в яви... Она смотрит, он – видит. Она наполняется впечатлениями, он – вдохновением, которое помогает рождаться строчкам стихотворений, музыке, полотнам картин... и даже научным открытиям.

...«Я помню чудное мгновенье» написал Пушкин, но не будь Аннушка именно такой, какой она была, не узнали бы мы этих строк. Лежат на её могиле розы. Лежат всегда. Как это хорошо! Значит, многим людям введома тайна незримого сотворчества поэта и его музы...

Донских Анастасия Александровна. 1988 г.р. Педагог, филолог. Член РСПЛ с 2016г.

Анастасия ДОНСКИХ

Родилась я в Калуге, 22 августа 1988 года. Уже в детстве я знала, что моя жизнь будет связана с литературным творчеством и словесностью, поэтому мечтала учиться в КГУ (бывшем КГПУ) им. К. Э. Циолковского. Разумеется, на филологическом факультете. И в 2006 году, за несколько недель до моего совершеннолетия, эта мечта сбылась: как призёр областной олимпиады по литературе и конкурса им. А. Л. Чижевского, я была принята в Университет вне конкурса.

Тогда же, на первом курсе, я пришла сначала в студенческую молодёжную студию «Дар», а затем в литературный клуб «Галерея» с переводами стихотворений Толкина и сонетов Шекспира. В этом, юбилейном выпуске альманаха «Галерея» тоже представлена подборка переводов детских стихотворений из знаменитой повести Толкина «Хоббит, или Путешествие туда и обратно». Позже я увлеклась пейзажной и ролевой лирикой и дебютировала в первом выпуске альманаха «Галерея» с балладой «Хома Брут».

С «Галереей» и КГУ оказалась связана и моя дальнейшая жизнь. После выпуска я сразу же поступила на аспирантские курсы и, успешно сдав кандидатский минимум, вернулась в Университет, чтобы преподавать русский язык как иностранный. Именно опыт литературных переводов помог мне в этом. Надеюсь, что этот мой творческий опыт будет интересен и читателям нашего альманаха.

ПЕСНЯ ГНОМОВ В ГОСТЯХ У БИЛЬБО ТОРБИНСА

Об пол дорогой хрусталь!
В клочья – тюль и бархат алый!
Гните серебро и сталь!
Бейте чашки и бокалы!

Мы натрём горчицей пол,
Скатерть вымажем вареньем:
То-то Торбинс будет зол –
Славным вышло угощенье!

Любо нам посуду бить,
Стыд и срам сидеть без дела!
Посмотрите, может быть,
Что-то чудом уцелело?..

То-то Торбинс будет зол...
Эй, перевернёте стол!..

ЛУННЫЙ СТАРИЧОК

Под горою – кабачок,
За горою – речка.
Диво ли: на огонёк
С неба лунный старичок
Соскочил под вечер.

Диво ли: хозяйский кот,
Выпив кружку пива,
Лютню старую берёт
И поёт, не зная нот,
Весело и живо.

Диво ли: дворовый пёс
(малый он неглупый!)
Любит хохотать до слёз.
Смеха ради иль всерьёз,
Вечно скалит зубы!

А бурёнка на дворе –
Важная, что пава!
Диво ли, что на заре,
На потеху детворе,
Польку пляшет славно?..

А фарфоровый сервиз,
Чайник и тарелки,
Что по праздникам брались,
Дружно спрыгнув с полок вниз,
Скачут, словно белки.

Гости в сборе. В добрый час!
Началось веселье!
Не припомнить, сколько раз
Всей гурьбой пускались в пляс,
Сколько песен спели!..

Грешным делом старичок,
После третьей кружки,
Снял сюртук и колпачок –
Да под лавку, на бочок,
Не спросив подушки.

В окна заглянул рассвет:
– Засиделись, братцы!
Просыпайся, лунный дед!
Всем – поклон наш и привет!
Время возвращаться!..

Говорит хозяйке кот:
– Солнце на пороге!
Лунный конь копытом бьёт;
Дед и ухом не ведёт,
А пора в дорогу!..

И на лютне – Боже мой! –
Заиграл он джигу!
Подскочил бы и глухой,
Но безмолвен наш герой:
Разбуди, поди-ка!..

Всей деревней старичка
Понесли на гору,
Подхвативши под бока.
За бурёнкой конь скакал,
Чайник – за фарфором.

После криков: «Ну и ну!»
И переполоха
На родимую Луну
Воротился в старину
Горе-выпивоха!..

Кот порвал немало струн.
Диво ль, право слово,
Что от смеха поутру, –
Ей же, братцы, не совру, –
Стала ржать корова,

Взмыла в небо за конём –
Вместе и пропали.
Пляшут на Луне вдвоём.
Их не сыщешь днём с огнём –
Поминай, как звали!..

Дремлет пёс, и кот молчит,
И фарфор – ни слова;
Только слышно, как в ночи
До сих пор с Луны мычит
Глупая корова...

Снова Солнце в небесах:
– Полно, в самом деле!
Стыдно молвить, «чудеса»:
До рассвета проплясать,
А потом – в постели!

Д'АРТАНЬЯН – КОРОЛЕВЕ
(из «Мушкетёрской трилогии»)

В плащ зашито письмо,
Конь осёдлан, и ждёт
Лишь дорога домой,
Лишь – без крыльев полёт.

Устремляете Вы
Взор в парижскую ночь,
И стрелой с тетивы
Я сорвусь. Не пророчь

Мне беды, злая мгла
И короткий рассвет!
Королева звала!
Страха нет, рока нет,

Только вечный галоп,
Только слово «Вперёд!»,
Только тысячью троп
Путь один – на восход!..

Пусть поют трензеля
Песнь осенних зарниц,
Пусть в нормандских полях
Травы падают ниц!

От утра до утра –
Стук стремян, сбруи звон...
Вдаль летят Вожирар,
Нофль, Руан и Клермон...

Отцветает луна.
Ал и чист небосвод.
Бьёт крылом тишина.
Ввысь вздымает восход

Знамя нового дня,
И с набатом зари,
Загоня коня,
Я влетаю в Париж!

Журавлёва Наталья Вячеславовна. 1981 г.р. Катехизатор.

Наталья ЖУРАВЛЁВА

Меня зовут Журавлёва Наталья Вячеславовна. Родилась в городе Калуга. С детства была очень общительным ребёнком, могла легко заговорить с взрослым незнакомым человеком. Всегда очень любила петь. Всю свою жизнь я занималась поиском себя и своего предназначения. Когда-то мечтала быть парикмахером, потом хотела быть медсестрой, чтобы помогать людям, а в итоге связала свою жизнь с пением.

Я не думала, что когда-нибудь буду писать стихи серьёзно, хотя в школьные годы кто только не писал о несчастной любви и не декламировал стихи. Но мне кажется, что Музыка и Муза часто идут рука об руку, и таланты не ходят поодиночке, поэтому к моей любви к пению присоединилась и любовь к стихотворному слову. Пение и стихотворение – это, безусловно, МУЗЫКА, на которую отвечает душа любого человека. От дуэта Стиха и Музыки рождается Песня. А Песня летит на волю и живёт и дышит, где хочет. Если получилась хорошая Песня, она будет всем нужной, будет плакать с плачущими и радоваться со счастливыми. Песня – это культура и быт человека, его родной язык!

БРАТУ

– Давай чего-нибудь попроще,
Не усложняй, мой милый брат!
Смотри: над солнечною рошей
Грачи на Родину летят!

А ты поставил в храме свечку
В любви Воскресшему Христу?
Гляди, над храмом свет колечком!
Встречай меня, свою сестру!

А из церковного подъезда –
Смотри – выходит Крестный ход.
На сердце радостно, чудесно,
И благодать волной идёт.

Пойдём, пройдемся с Крестным ходом,
Сольёмся с радостной рекой.
Соединимся мы с народом;
И не маши своей рукой!

А ты прими всё то, что видишь,
И то, что слышишь совмести.
Вишнёвый цвет упал на крышу;
И ты прощён, и сам прости!

– Ах, как я рад, сестра родная,
Что в храме были мы с тобой!
Я раньше жил, совсем не зная,
Что без Христа – я за чертой!

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Несмотря на назойливый ветер,
Несмотря на изорванный парус,
За себя ты ещё всё ж в ответе,
Только силы собрать осталось!

Несмотря на дырявую лодку,
И на то, что поломаны вёсла,
Ты поплыть ещё можешь ходко,
Надо Бога призвать к себе просто.

Не дери от отчаянья глотку,
Места нету для страха и фальши,
А с надеждой поправь свою лодку.
Что нам буря?! Мы будем плыть дальше!

ОСЕНЬ, ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ

Осень, осень золотая –
Улетает листьев стая.
Я поймать её пытаюсь;
Осень, осень золотая!

Листья, листья золотые,
Светом солнца залитые.
Наши радости простые:
Листья, листья золотые!

Небо, небо голубое
Улыбнётся нам с тобою,
И для всех без перебора –
Небо, небо голубое!

ЧЕРЕПАХА

Я ощущаю себя старой черепахой,
Которая живёт давно.
Живёт неспешно и без страха,
Ведь ей другого не дано.

Что ждать каких-то изменений –
Всё тот же воздух, тот же корм.
Душа желает потрясений,
Когда её накроет шторм!

НЕТ, ПОЭТ ДУШОЙ НЕ УМИРАЕТ

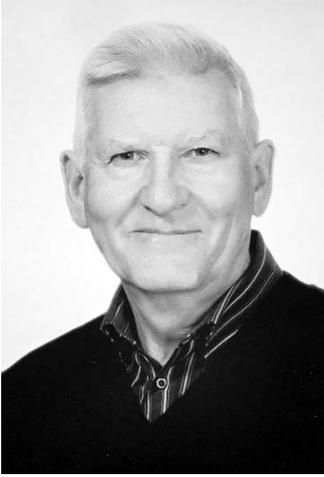
Посвящается ушедшему поэту Виктору Лареву

Нет, поэт душой не умирает –
Он живёт в сердцах друзей и близких,
Он костром горит и не сгорает,
Оставляя в наших душах блики.

Нет, поэт душой не умирает,
Ведь в его твореньях Божья правда.
Бог себе пророка выбирает,
Чтобы свет являлся в бездне мрака.

Нет, поэт душой не умирает –
Он живёт в своих стихах и песнях.
Встретимся мы с ним в весеннем крае,
Ведь на Пасху Божью все воскреснем!

Вадим ЗАМАЛАЕВ

*Замалаев Вадим Сергеевич.
1955 г.р. Врач.*

Писать о себе не люблю, хотя читать описания жизни других людей – обожаю, особенно оставивших яркий след в истории и литературе особенно. Ищу у них что-то иррациональное, личное. Это притягивает, заставляет себя ставить на их место или на места их героев и делать выводы. В последнее время всё глубже убеждаюсь, что родился не в своё время, что надо было появиться на свет белый гораздо раньше. Современный социум не то, чтобы нетерпим и раз-

дражает меня, просто подсознательно уверен, что как личность в другой эпохе реализовался бы выразительнее и воспринимал бы жизнь чувственней и тоньше. Отсюда не стоит делать заключения о моей меланхолии (субъективно микст сангвиника и флегматика). Отношение к современной совокупности художественных произведений (проза, поэзия, драма) давно не в пользу их содержания. Учиться у мэтров (создаётся впечатление) мало кто хочет. И причин этому предостаточно. Выпустить на волю своё «детство» в настоящее время не очень-то хлопотно. Были бы финансы и желание. Другое дело – будут ли его, купив в книжном магазине, перечитывать (и не раз), давать другим лестные отзывы о содержании мыслей автора и рекламировать. Вопрос? Отсюда – быстрые разочарования, нетерпимость к критике и колебания (писать ли далее? И что исправлять?) А если ещё и гордыня! То...

Я для прозы ещё не созрел. Суждение, что нестихотворная литература рождается в более лёгких муках, чем поэзия, разумеется ошибочно: сложно и то, и другое (в моём понимании). То, что настоящие проза и поэзия – искусство – несомненно и безоговорочно. Творчество как симбиоз природного дара и воспитания художественного

вкуса. Второе как раз и вытекает из литературного багажа автора; но не того, что лежит мёртвым грузом на домашних полках и в книжных шкафах, а того, что засыпает на твоей груди, к чему тянутся твои руки, чтобы вспомнить и открыть нужную страницу, давая пищу глазам и уму.

Ничего не скрываю. Мои симпатии больше на стороне поэзии Серебряного века. Но уточню, не всех авторов. Оставляю в стороне непререкаемость авторитетов (Брюсов, Белый, Блок, Гумилёв, Ахматова, Мандельштам, Маяковский, Пастернак, Есенин, Цветаева, Волошин). Пытаюсь проникнуть и понять стихи других «серебряников» (Анненский, Мережковский, Гиппиус, Адамович, Г.Иванов, Одоевцева, Хлебников, Северянин, Кирсанов, Шершеневич, Заболоцкий, Введенский). Если их стихи затрагивают глубже – учу их наизусть. Вообще заучивание стихов нахожу делом для здоровья ума полезным. Свои стихосложения этим вниманием удостаиваю не все. Люблю И. Бродского. Этого поэта считаю вообще «инопланетянином», «не от мира сего», одним из самых умных и самобытных поэтов XX века. К коллегам по перу отношение скорее толерантное (в хорошем смысле). Хочется иногда услышать что-то нестандартное, авангардное; и кажется, что сделать это с их опытом и мастерством им будет не так сложно, но, читая их книги, начинаешь иногда скучать (вроде бы и слышал уже об этом). Пишу стихи по-разному: по наитию (подсознательная внезапная мысль), визуально-предметно. Иногда понравится фраза, слово, фрагмент, деталь.

Планов на будущее не строю. Живу настоящим днём, заполняя его любой информацией по максимуму. Всегда ношу с собой записной блокнот, где записываю, что понравилось или показалось нестандартным, ибо это понравившееся забывается и улетучивается очень быстро из головы (что вызывает чувство неудовольствия и самобичевания). Ведь возможно, что это мои неродившиеся «дети». Стихи, которые помещены в этом альманахе, выбраны мною произвольно и мне кажется, что другие на этот выбор не обиделись.

* * *

День дрожал, как желе на подносе,
Жаром плыл с духоты в ночи,
Перекрасив у переносицы краски кожи
В цвета парчи,
Где зелёное с красным в золоте,
Вылезая из стёкол очков,
О спасительном грезилось холоде,
Виноград округлялся зрачков.
От горячего вдоха и выдоха лёгкости
Не осталось на поцелуи,
Сухость губ отвечала солёностью
Воспалённого нёба...
Струи твоих рук – огневое сплетение.
Как ударом по голове солнцепёком;
Двойное затмение
Раскалённого шара во мне.

* * *

Месяц родившийся – кухонный нож.
Можно пораниться, если схватиться.
Но, пальцем по спинке его проведёшь,
И он уже не колет, не режет, лишь злится,
Что с ним, как с маленьким.
(Хоть и растёт быстро на солнечном хлебе)
И вот, за неделю, отъевши живот,
Раздобрается, лёжа на небе.
Дальше – тем больше его аппетит,
И можно не опасаться,
В руки попросится сам – сибарит,
Плавню начав округляться.
Глядишь вот, и через пару недель,
Окружность раздув до предела,
Он прекращает тянуть канитель
И точит бруском своё тело.

* * *

Запахи кондитерских и ароматы пекарен
Чаще ищут жертв с тощими кошельками,
Топя их рты секретными железам.
Носясь над головами
Демонами начинок и теста
(да чтобы не сойти им самим с этого места).
Застеколье витрин проедаая глазами,
Где ценники отрезвляют лучше холодного душа,
Отдельные жертвы от шоколадно-ванильного ужаса
Плачут беззвучно слезами,
Внутрь себя ими капая,
Дома даваясь от магазинного хлеба
И растворимого в тёплой воде сахара.

* * *

Я провожал тебя.
Шёл дождь, закрывшись темью.
Не в ногу с ним вышагивали мы,
Держась за хрупкий зонт –
Клочок спасенья
Телесной суши от живой воды.
За нами сзади, нервно изгибая
Неровности заборов и домов,
Бежали тени две, совсем не промокая,
Держа дистанцию от мокрых каблуков.
Они, вытягиваясь под углы паденья,
Пружинились и в сторону несли
Так ревностно свои телодвиженья,
Как будто жили вместо нас они.

* * *

Так же фонари дежурят у подъездов,
Так же цоколь дома штукатурит снег.
Ничего не изменилось,
Только в бездну провалилось до полсотни лет.
Вроде прожили вживую, пусть не свято,
Вроде сделали и больше, чем смогли.
Так цветы весны в чём, те-то, виноваты?
Что зимы снега по-разному ушли.
Может, глаз слепило их жасмином,
Может, смежил веки млечный дым...
Кожуру замёрзших мандаринов
Подметает дворник Арлекин.

* * *

Февраль расплакался, просясь на покой.
Его форпост терял зимы опору.
Пернатый мир щедротою такой
Был удивлён и напивался без разбору
Бесцветной жидкостью из мутной массы льда,
Теплом посильно выгнанным наружу.
Сбиралась в стаи талая вода,
Грозясь образовать большую лужу
На тротуаре возле дома моего,
Куда ещё вчера под ноги плотно снег слетался,
Не понимая ныне только одного –
Куда его запас на март девался.

* * *

Земли застыли перепонки, ещё вчера пуская дрожь
И, пузырясь на водной плёнке,
Сегодня ты по ним идёшь,
Ломая с хрустом барабаны,
Обрекши шаг на глухоту в дальнейшем,
Где ходьбы изъяны хоронят детскую мечту
О тайне перевоплощения
Бесцветной жидкости в покой,
Хранящей в твёрдости движение
Частиц, скользящих за тобой.

* * *

В воздухе носится что-то.
Жить в неизвестности кряду локти кусать
От природы, если не знаешь, как надо
Соотноситься взаимно.
Выстроив связь на удачу, дёрнуть за ниточку био
Можно, конечно...
Отдача только ли будет знакомой и органичной по силе?
Ведь в большинстве мы ведомы
Чем-то иль кем в этом мире.
Странное чувство опеки не излучает заботы,
Замкнутой на человеке. Но...
В воздухе носится что-то.

* * *

Сумерки редели. Утро просыпалось.
Краскою речною небо рисовалось.
Мантры птицы пели спящим почкам флоры,
Голубые ели вторили им хором.
Унимался ветер, за ночь выжав силы,
Выдыхались двери теплотой квартирной.
Шёл, глядел на окна. Как они менялись,
Как простые стёкла в зеркалах вращались.
Принимал за это сред их отраженье,
Любопытство света. Плюс мои движенья.

Зорькин Александр Владимирович. 1942 г.р. Военный врач в отставке. Член РСФСР с 2012г. Автор семи книг поэзии.

Александр ЗОРЬКИН

ФАНТАЗИЯ ВАСИЛЬКОВОГО ПОЛУДНЯ

Ну надо же, в феврале
апрельская теплынь!

Полуденное солнце
на полнеба, а само небо –
ярко расцветший василёк,
голубой василёк, тот самый
василёк, чей фестончатый
колокольчик утренний ветерок
раскачал, опрокинул и
накрыл им Театральную ули-
цу. И вот основательный за-
бор женского монастыря, и
разновеликие торговые до-
мики, и старенький портал-
чик над входом в Климен-

товку, правильной, в Галерею художницы Климентовской,
в весёлой, солнечной желтизне, настоящей на голубой,
васильковой необъятности.

В Климентовке воскресное собрание литераторов.
В повестке важные вопросы. Но кое-кому сигаретный дым
важнее! И эти «кое-кто» объявили перекур. Я не курю,
однако вышел подышать свежим воздухом, а в воздухе
свежий дым. Ага!

– Парни, бросайте курить! Воздух-то сегодня –
теплынь! нектар!

– Сергей Сергеевич, вы наш старейшина, – немед-
ленно отозвался огромный, чрезмерно упитанный парень с
совершенно белым растрёпанным зубом. – Вы правы.
День тёплый. Воздух – панацея. А знаете, почему так?

– Ну, циклон близится, вот и потеплело...

– Циклон – отговорка! Мы и только мы, куриль-
щики, вызываем потепление. Чем больше курим, тем
больше дыма. Чем больше дыма, тем сильнее парниковый
эффект. Отсюда и потепление. А так как число курцов
растёт, то грядёт и глобальное потепление. Собственно,

оно уже у нас на улице. Чувствуете? Солнце – жёлтый одуванчик, небо – синий василёк! Что скажете? Вижу, согласны!

Я досадливо поморщился. Эх, молодёжь! От сигарет, видите ли, потепление! А «белый чуб» замолчал и, в подтверждение сказанной чепухи, повёл из стороны в сторону указательным пальцем. Парни поощрительно смеются. И случилось уж совсем невообразимое: и я включился в молодецкий трёп.

– Нет-нет, ребятаки, курение для потепления – не то! Есть серьёзная теория, моя теория. Вслушайтесь:

Потеплела земля?

Да, подтаял озон!

Про озон рассуждения, наверно, резонны.

Только я убеждён, на все сто убеждён!

Виноват не озон и не дыры в озоне.

Потеплела земля. Да ведь так и должно.

Ведь смешались цвета на житейском мольберте.

Кто смешал и зачем?

А не всё ли равно?!

Мы всю жизнь приближаемся к собственной смерти.

Умирает герой, умирает злодей.

Умирают мещане, монархи, дервиши.

Но земные бока от останков людей

С каждым годом становятся к солнышку ближе.

И однажды земля погрузится в жару.

Будут плавиться души и даже их тени.

Ну и что? И пускай! Я спокойно живу,

Ибо мне не дожидать до

того

потепленья...

Когда чтение закончилось, чубатый автор «курительной теории» доверительно похлопал меня по плечу:

– Молодец, Сергей Сергеевич. Шутка шуткой, но... В общем, спасибо вам. А мы сгорим, точно когда-нибудь сгорим. А чтоб земля не распухла от людского праха до самого светила, надо меньше умирать!

Парни вернулись на собрание, я не спешил. «Надо меньше умирать!». «Надо меньше умирать!» Фразочка аляповатая, но...мал человеческий век! А что делать?

Смерть, конечно, не отменишь, но и ждать её не нужно. А нужно жить и снова жить, жить, рождая на бумаге, на палитре, на рабочей наковальне ежедневно хотя бы буковку чего-то нового, полезного. А тепло родной земли всегда поможет, как и всегда помогут голубое, васильковое небо и жёлтое, одуванчиковое солнышко. Они пока февральские, но весна-то не за горами! Я уверен:

*Когда,
забытые бесследно,
Внезапно вспомнились друзья;
Когда с вопросов и ответов
Ночная изморозь сползла;*

*Когда луна и солнце смачны;
Когда от счастья, наяву,
Земля подснежниками плачет –
Жить можно.*

Вот я и живу.

АПРЕЛЬ В ОКТЯБРЕ (Повесть одного дня)

1
Да!

В Городе не апрель. И вчера хмурый ветер. И сегодня хмурый ветер. Но сегодня хмурые порывы основательно продырявлены тяжёлыми, прямо-таки свинцовыми каплями дождя. А что поделаешь – день-то октябрьский!

А случился он давно, солидно давно. И было таких дней немало. И можно бы о них не вспоминать, но не могу не вспоминать, ибо та октябрьская давность, для кого как, а для меня и моих друзей и дружелюбная, и тёплая.

И сейчас нас согревает!

Судите сами.

Кто я? Я – Пенсион Пенсионерович, но не собираюсь сдаваться на милость угасания. Вот так-то! Я пишу стихи, хожу по разным литературным мероприятиям, а проще и современнее, по тусовкам. На одной такой тусовке я старейшина, но только по возрасту, самому обычному, кондовому возрасту.

Коллектив у нас дружный и называется Собранием свободных литераторов. Собрание небольшое, а порядок в пору хорошему парламенту. А по сему, раз в две недели, по субботам, пленарное, так сказать, заседание. Обычно собирается человек пятнадцать, ну двадцать, иногда и больше. Начало пленума неизменно: руководительница, она же и основатель Собрания, Людмила Валерьевна «доводит план работы», а также свежую городскую литературную и околотитурную хронику.

О, Людмила Валерьевна!

Не хочу, да и не могу, не могу! обойти вниманием эту женщину. Красивая, изящная, тактичная. Поэт – и никакого дилетантства! На этом надо бы остановиться, а то ни дифирамбов, ни медалей не хватит, но... Не получается!

О, Людмила Валерьевна!

Никто явно не признаётся, а многие, ох, многие! были, да и сейчас влюблены в неё. Влюблены бессловесно, не отваживаясь обозначить себя даже маленьким флажком над воздушным замком влюблённости. А ведь Людмила Валерьевна давно не юная девушка. Но величие женского обаяния никому неподвластно. И времени неподвластно.

Так-то господа! Чувствую, хотите спросить, а ты сам-то не того?.. Господа, что моё, то моё. И только! Да и не с пенсионной торбой лезть в калашный ряд! Скинуть с плеч годков тридцать, а лучше сорок, было бы совсем другое дело. Но это уже сермяжная досужесть. Копаться не стоит, потому что начинается главная часть пленума, творческая – круг, который проводится, как и заведено со времён оных, в салоне. Нашим салоном стала «комната отдыха», что на первом этаже библиотеки имени Белинского, а проще, роднее и понятнее – в Белинке.

Круг и в самом деле круг, ибо каждому даётся слово для чтения собственных бессмертных стихов, рассказов и прочих творений «по кругу», то есть в порядке расселения за обширным столом, составленном из нескольких шатких столиков.

– Ну, с кого начнём? – Людмила Валерьевна призывно постукивает карандашиком по стопке газет. – Ириша, давай, засвети огонёк высшей формы существования языка, коим, по концепции товарища Бродского, является стих. А мы поддержим.

Ириша невысокая блондинка. Пухлые щёчки, пухлые ручки, пухлые ножки. Девушка-пупсик! А ещё она мягкая. Мягкая во всём и всегда. А ещё она робкая. Робкая всегда и везде. А ещё... А ещё, только при первом общении кажется, что перед тобой размазня. Но скоро становится понятным: робкая пышечка может и «укусить». И что она не просто Ириша, а Ирина Николаевна. И что она новоиспечённый педагог литературы ни для кого-нибудь, а для шестиклассников! Тем, кто привносит в школу разумное, доброе, вечное известно, кто такие «шестиклассные» люди. Это люди, которых интересует всё, что угодно, кроме разумного, доброго, вечного. Ого! Вот тебе и размазня. Но о педагогике в другой раз. А сейчас ...

– Я читаю стихи Джона Толкина в моём собственном переводе. Толкин самый близкий мне поэт. Поэма «Прощание с Боромиром».

*С незнающих сохи полей,
Где плат Раздолья светел,
По морю пенных ковылей
Пришёл Закатный Ветер...*

Я слушаю, как сказка наряжается в бархатный голос, в слегка грассирующий голос. Я слушаю и вижу! как непонятность английских слов преобразилась в милый, ажурный мостик русских слов, мостик, по которому можно проникнуть, и я проник, в страну неведомых земель, в общину незнакомых людских отношений, в мудрость побед и неудач.

Джон Рональд Толкин – известный поэт. Но мало ли хороших поэтов? Слышал имя, и ладно. А Ириша, мягонькая пышечка Ириша, ввела меня в поэзию Толкина.

Да я и прежде слышал переводы Ириши, но, оказывается, я их не слышал. И вот почему-то только сейчас открылась доверчивая красота таланта, как поэта, как и его переводчицы. Почему? Не знаю!

За Иришей выступил Владимир Рогаченко. Владимир недавно из Донетчины. Там разгорается гражданская война, пришлось с семьёй перебраться к нам, в Город. В Городе не-

мало таких беженцев. Они меня особо не интересуют. Приехали – и приехали. Разместили, накормили, дали работу. А что ещё? Так и с Рогаченко – а что ещё? А «ещё», оказывается, стихи.

Мать честная! а стихи – свежий, не затасканный образ нашей очевидности. Я с ходу, на слух, не запоминаю слова, а тут запомнил, как это там... Свет солнца. «Он ребёнка целует первым, позже целует мать»...

*Дальше будут сомнения,
Надежда, обмана яд.
Жизнь – тема для сочинения
«Как я вырастил сад»...*

В стихе мне увиделись некоторые неточности, но у нас нечасто появляются такие великолепные образы. Надо повнимательнее присмотреться и к самому Рогаченко, он в Собрании всего второй раз. Присмотрелся! Лицо не то бледное, не то серое, потное. Кудри сбились в косую копёшку. Я подсел поближе:

– Я – Сергей Сергеевич, тоже сочиняю стихи.

– А я Володя, – сказал Рогаченко, сказал торопливо и нелюбезно. Или так показалось...

4

– А кто следующий? – спросила Людмила и смотрит на меня. – Сергей Сергеевич, ваше слово.

Хорошо. Дали слово – грудь вперёд! С чётким выражением, форсируя голос, я прочитал стих резкий, стих на злобу дня. Ну да ведь и реальность резкая и, как вскоре стало понятно, печальная. Заканчивается 2014 год, а очередной Киевский майдан продолжается. Шабаш фашистских факелов и барабанов на площадях, и на улицах, а главное, в людских умах. Точно так, в своё время, Гитлер вытащил свастику из небытия, и началась мировая война, в которой миллионы убиенных, как на фронте, в окопах, так и в тылу, в «освенцимах», «майданеках». Стихотворение завершили строчки:

*И страшно мне –
сейчас за дверью хаты
Пусть не Майданек, но уже майдан.*

На наших пленумах хвалят не часто, но меня похвалили. Людмила сказала:

– Удачное сочетание «майдан – Майданек»! Такие стихи нужно печатать и срочно. Сергей Сергеевич, попробую провентилировать в местной газете. Провентилирую в самом завтра.

Я доволен успехом. Я давно спокойно принимаю и похвальную критику, и непохвальную критику. Но авторское самолюбие штука тонкая и капризная, а похвала всегда приятна. А мнение Людмилы Валерьевны для меня многого значит. Хорошо. Поглощённый созерцанием собственного, «похвального», благополучия я воспринял, как «афишу коза» стихи нескольких коллег по перу. Каюсь. Каюсь. Каюсь.

5

В перерыве я подошёл к Володе Рогаченко:

– Рад, ты меня просто очень, ну очень удивил. Честно, давно не слушал такую лирику. Оригинально, свежо. Техника, правда, поскрипывает, но...

– Сергей Сергеевич, – перебил меня, и перебил довольно бесцеремонно, Володя. – А откуда у вас такой пессимизм о майдане и вообще, об Украине. Вы были в Украине?

– Парень! А почему так не любезно? – удивлённо вопросом на вопрос ответил я. – На Украине не был. Но люди были...

– А я родился там. Родные мне пишут и звонят. Ничего такого страшного нет. И свастики нет. Свастику придумала Российская пропаганда, а вот это, да, страшно. И чего вы, русские, ополчились на мою Родину?

– Слушай, Володя, ты не в гости к нам в Город, и уж никак не от хорошей жизни. Гражданская война – страшно! Почему так категорично обвиняешь во лжи?

– Я знаю, уверен, в Украине будет хорошо, продажную клику смели.

– Ага! Смели и назначили новую. И люди бегут.

– В Украине всегда было хорошо и будет хорошо, будет хорошо назло ... Назло таким, как вы!

– Отставить чепуху! Почему мне, русскому, должно быть хорошо, если тебе, украинцу, плохо?

– А потому, что мы всегда кормили Россию, а теперь не кормим. В Украине хорошо!

– Ну, знаете, заладил... Нет, парень, там нехорошо! А будет, при таком раскладе, отвратительно. То-то такие, как ты, ловкачи, (я отбросил дипломатию) как тараканы разбегаются...

– Люди от войны бегут.

– Женщины и дети – да! А почему бегут здоровые мужики вроде тебя, пан Рогаченко? Родина в опасности, твоя родина, а ты бежишь. И не куда-нибудь, а в проклятую Россию. Жрёшь русский хлеб, греешься у русской печки, стишки пописываешь про лютики-цветочки под русским кровом...

Хотелось много чего сказать... русофобу. А русофобу ли? Пожалуй, нет. Но парень чем-то обижен. Да мало ли чем можно обидеть беженца. Я сдержался и замолчал, ведь мне ничего, толком ничего! о нём не известно. И Володя сдержался и замолчал.

– Слушай дружище, давай для общего благородства, оставим перепалку. Несолидно. Обоим несолидно! А стихи неплохие. Спасибо. А «техника» дело наживное, – и я дружелюбно подал руку.

Володя жеста мира «не заметил», и вышел в коридор.

6

Круг продолжается.

Слово у студента В. Лопатова. Да-да! У нас в салоне имя Лопатова Валентина частенько укорачивается до литеры «В». Протестных возгласов нет, хотя это «В» звучит грубовато. А вот черты лица студента тонкие, выразительные, настолько тонкие и выразительные, что сразу вспоминаются старинные миниатюры на кости. «Миниатюра» В. Лопатова в обрамлении чёрных, длинных до плеч волос. Причёску можно бы и обсудить, но началось чтение. Стихи звучные. Стихи интригуют новизной.

Но!

Студент В. Лопатов больше всего опасается «попадания» в стихи банальностей, или, как у нас говорят, штампов. Штампов нет, однако стихи туго напичканы метафорами всякими и разными.

А где мысль? А мысли не видать. Она бесследно угадает в пёстрой мешанине, которую образуют метафоры, ассоциируя между собой. И попробуйте с чем-либо не согласиться. Немедленно со стороны автора – залп сарказма и презрения. И тогда в салоне не дебаты, а прямо-таки бой в Кры-му, всё в дыму, не видно... ничего!

И сейчас, когда чей-то бас с галёрки попытался вникнуть в абсурд стиха, салон заволокло пресловутым, бое-

вым дымом. Но Людмила, Людмила Валерьевна мановением ладошки прекратила военные действия.

– Вы, Валентин, теорию знаете, но умения мало. Например, известно, чтоб загнать гвоздь в стену, надо его приставить к стене и – молотком по шляпке. А на практике: раз – и по пальцам, два – и по... другим местам. В итоге и гвоздь, и стена испорчены. У вас так со стихами! Пишите и мыслите. Мыслите и пишете.

Ответ студента В. Лопатова последовал немедленно – снова «Крым», снова «дым», снова «не видно... ничего!», но снова, уже хлопком газеты по столу, объявлено перемирие.

И круг продолжился.

В полной, и, как кажется, в невозмутимой тишине мы вслушиваемся в «прозу» чернявого незнакомого дядечки. На его широкие плечи натянута не то пиджак, не то мешок, не то варежка. Да, одёжка впечатляет. А «проза» не впечатляет, потому что её фактически нет, а есть нелепые, как и одёжка, фразы.

Эх, высказаться, да покруче, но Людмила взглядом остановила мой душевный порыв. В отличие от меня, терпения у Валерьевны много. А посему, она неторопливо, толково доказывает дядечке, что «рассказ необходимо доработать», и что, «скажем, наш великий Булгаков много и трудно пестовал свою прозу»...

Неожиданно дядька взорвался:

– Да что вы мне «Булгаков, Булгаков». Кто такой ваш Булгаков? Пусть встанет! Пусть сам скажет!

Людмила вздохнула:

– Друзья, призываю к порядку, смех неуместен. Ну, не в курсе человек. Бывает. Хотя великого Николая Афанасьевича Булгакова желательно знать...

7

А в салон, на цыпочках, вошёл, ну надо же, Николай Сергеевич. Николай Сергеевич немного седенький, немного лысенький, с хорошо обозначенным пузцом дедушка, но дедушкой он себя не считает. Настоящая фамилия владельца пузца какая-то двойная... Простите, не помню! А в литературном бомонде Николай Сергеевич известен под псевдонимом Братіша.

Эрудиция этого человека необозрима. Мне кажется, нет таких областей в искусстве, где бы он не чувствовал се-

бя, как дома. А что касается литературы, Братиша основательный прозаик. Есть и стихи, но стихи, в техническом плане, нуждаются в капитальном ремонте... А вот рассказы о животных – нечто чёткое, яркое и доброе.

Братиша руководитель клуба «Триумф». «Триумф» во многом подобен нашему Собранию. Но – мы квартируем под крышей Белинки, а «Триумф» неведомо где. Но – мы крепко сплочённые литературой друзья, а «Триумф», как бы помягче... «Триумф» – посиделки для осколков нашего и других собраний.

– Николай Сергеевич, здравствуйте, под парусом каких событий? – приветствует пришедшего Людмила.

– Я с предложением... Но дайте посмотреть на вас. В Городе бесчинствует октябрь, а здесь никакого октября. А здесь покой! А здесь тёплый, ликующий апрель! А здесь благодарная весна! А здесь нежная Людмила! О, Людмила Валерьевна!..

– Николаевич Сергеевич, вы к нам с чем-то важным? А могли бы пять минут обождать? Нам осталось разобраться с животрепещущей проблемой. Товарищу не ясно, кто папа «Мастера и Маргариты».

– Ничего, ничего! И Мастер, и Маргарита в миллион раз важнее и прекраснее моей проблемки.

Людмила погрузилась в нюансы булгаковской словесности, а я вспомнил о собственном пребывании в «Триумфе». Творческих успехов, естественно своих, что-то не припоминаю. Припомнилась суэта организационного характера.

Года два тому назад Людмила Валерьевна временно, в силу каких-то личных причин, отошла от руководства Собранием. Мы осиротели. Предводителем «сирот» стал, по собственной инициативе, Братиша. Внешне мало что изменилось. Но изменилось. Братиша сегодня назвал наше Собрание апрелем. А когда Людмила ушла, и перестало чувствоваться её обаяние, в нашем апреле померкло солнце, дневной сумрак смотал ручьи и спрятал в скучных сугробах. Похолодало. Стали рушиться воздушные замки влюблённости. Сиротство есть сиротство...

А местечко для нас, «сирот», отыскалось в одной из каменных палат местного монастыря. Отец Епифаний, молодой иерей, один из монастырских чинов, радушно принял нас под святое крыло и часто сам присутствовал на стихотворном круге. Так родился «Триумф».

Сироты, то есть доморощенные писатели, заметно ожили. А что? Просторно, светло, а главное чай-сахар, а в придачу и печенье, в неограниченном количестве. Нарядный электросамовар трудился без перерывов. А потом нашему благоденствию пришёл конец. Братиша заявил: кто-то «накапал» в епархию, будто мы «ведём непотребные речи». Ерунда. Непотребных речей не было! А вот расход сахара и чая был, и, я уверен, немалый. Что сказал на это Николай Сергеевич? Ничего! Ничего не сказал и отец Епифаний. Ничего не говорил и бородатый привратник или служба, да простится незнание табели монастырских должностей. Просто служба молча, но решительно, закрыл перед нами калитку.

И «Триумф» переместился из монастырской обители в большевистскую обитель, а точнее в Городской комитет коммунистов, что на Первомайской улице.

У большевиков тоже очень даже неплохо. Небольшой, но удобный конференц-зал в распоряжении стихов и рассказов. Чая нет, но, при случае, можно принести бутылочку шампанского и кое-чего и покрепче. Пожалуйста! А Братиша сам себя приставил к большевистским компьютеру и мини типографии. Да-да, и к типографии, которая выдаёт, по желанию, листовки с приглашением в коммунизм, и листовки с приглашением на ярмарку распродажи нижнего белья. А Николай Сергеевич начал печатать по главам свой «фантастический» роман. Фантастика дело полезное. Но тратить партийные деньги местные большевики на роман не согласились. Может, и согласились бы, но взамен нужно сопровождать агиткараваны по губернии и читать народу стихотворные шедевры о коммунизме. Шедевры отыскались, а желающих мотаться по городам и весям не нашлось.

Потом был Досуговый центр на Пухова; был, но уже без меня, какой-то клуб «Болеро и балерина»; было «Пристанище юных дровосеков»... А где сейчас обретается «Триумф» неизвестно.

– А мы благоденствуем в «Пушкинке», на Билибина, – сказал Николай Сергеевич...

8

Внезапно дверь резко распахнулась, в салон ворвался вихрь, образцованный необъятным клёшем красного сарафана, махами жёлтой базарной сумки и бликами от чёрных латковых змеек с кокетливой папки, нотной, что ли... А вихрь успокоился и обернулся женщиной. Лицо – приветливая

улыбка на брезгливой гримасе. Как так можно? Можно! Для Анастасии Салаховой нет ничего невозможного. Анастасия в том возрасте, чья тропа давно миновала опушку девичества и углубилась в такую чашу бабьего бытия, где возраст совершенно не определяется. А если возраст случайно определится, то, совсем не случайно, человек, вникший в запретное, будет громогласно предан остракизму и забвению.

Анастасия – спонтанный порыв к чему-то, для неё новому, неизведанному, непознанному. Так она стала актрисой Городского самодеятельного театра, говорят, успешной актрисой. Так, будучи актрисой, она стала поэтом в нашем Собрании, и поэтом душевным. Техника стихов, порой и поскрипывает, и потрескивает. Пусть! А душевность и отзывчивость на чужое горе нерушима. Потому-то Анастасия постоянно принимает участие в судьбах одиноких литераторов, забытых и родичами, и официозом.

– Друзья! – воскликнула Анастасия, – у меня сегодня день рождения и это главное, а сколько мне лет, это не главное. Сколько дадите, столько и будет.

– А если несколько не дадим? – выдохнула уже знакомым басом салонная галёрка.

– Тогда я буду давать!

Бас на галёрке поощрительно кашлянул:

– Давай!

– Лови! – и в сторону кашля улетела, сверкнув серебром фантика, конфетка.

И безо всякого перерыва, юбилярша обошла салон и одарила каждого присутствующего конфетой или пряником.

– Настенька, – обратилась к женщине Людмила Валерьевна, – что ты нам прочитаешь?

– Ой, нет. Ничего не прочитаю. Ничего не написала! У меня звонарная школа.

– Звонарная?

– А что такое? Благовесты кому-то надо творить? Надо!

– Да ведь...

– Да, перезвон не женская стезя! Но и запретов нет. Хочу попробовать себя на колокольне. На мужиков совершенно нельзя положиться. Представьте, в нашем, в Благовещенском храме пьяный звонарь с колокольни окропил паству собачьей, вальсовой непотребностью.

– И что?

– А то! Таких охальников с колоколен сбрасывать! И немедленно!! А я вот на колокольню. Вот взялась за святые верёвки. Уже две недели. А там и до экзамена рукой подать! Вот.

Я сочувственно посмотрел на Анастасию:

– Физически тяжело творить Божий звон. Говорят, звонари напрямую общаются с Богом. А в целом, не женское дело. Если бы у тебя было семеро по лавкам, то и не лезла бы в голову всякая... всячина.

– Сергей Сергеевич, солидный вы человек, а отсталый. Прогресс мимо вас.

– Нашла прогресс. Звонарили ещё при царе Горохе. Лучше бы выучилась на гармошке хотя бы тому же собачьему вальсу. Нам своя музыка не помешает. Впрочем, кроме благовеста на колоколах ничего не сыграешь.

– А вот и нет. Могу сыграть что угодно!

– Сыграй Бетховена!

– И сыграю. Но не в храме. Лунную сонату не осилю, а вот чего попроще...

– Собачий вальс.

Сказал «собачий вальс» и стало самому противно. Чего связался! Анастасия дама экзальтированная. А тебе, старому дураку, больше делать нечего?

А в салон прошествовал опоздавший Валерий Петров. Петров сухой, как щепка, и чёрный как уголёк. А всё из-за курения. Вот кто чадит сигаретами, как паровоз. Где бы Валерий ни был и чтобы не делал, ровно через тридцать минут – сеанс курения. Вначале на него обижались – не уважает! А курцу наплевать на чьё-то мнение. И сама, сама! Людмила Валерьевна не авторитет! А ведь она... Хорошо, не буду заниматься домыслами, просто у Валерия видел, лично видел, хотя и не читал, «секретный» цикл стихов. Успел рассмотреть, «Посвящается Л.». А кто такая или кто такой Л.? То-то! Но... замнём для ясности. А ведь стихи Валерий обычно не таит. А стихи – воистину стихи. Недавно поэт написал об одной своей поклоннице:

Сама собой разложится по полкам

Игра теней от звёздного огня.

Пока ты спишь – заштопает иголка

Твои прорехи прожитого дня.

И как? Мне нравится! Но главное в творчестве Валерия – православие, а поэтому и прослыл православным по-

этом. А точнее, он сам себя так называет. А мне кажется, писать стихи о Боге, о поклонении Богу и его апостольскому окружению, слишком мало для православного поэта. Православный поэт провидец будущего... и прошлого. Ибо прошлое настолько велико, что своим притяжением не даёт нам, людям, оторваться от реальности. А есть ли такое в строках Петрова? Не вижу.

И к слову: если уж есть православные поэты, то значит, должны быть и буддистские, исламские поэты и какие ещё? Конфуцианские! Поэты иудейские... Но Бог с ним, с Петровым. Он в любом случае хороший поэт.

Петров персонально поклонился Людмиле и обратился к собранию:

– Православные, мира вам и процветания.

– И тебе процветания. А если не будешь опаздывать, то и впрямь будешь процветать, – выкатился известный басовый шёпот из салонной галёрки.

– Ничего! В кино можно опоздать. И в баню можно опоздать, а к Людмиле не опаздывают.

– А ты чего делаешь? Ты к ней и опоздал.

Валерий демонстративно нацелил палец, как пистолет, в сторону галёрки:

– Пиф-паф! Все убиты – я живой. Я – вовремя! А ты, раб Божий, кажись, Артёмка? Артём, побереги басовые регистры. Так будет лучше. А совсем будет хорошо, если Людмила, о свет в моём окне, и вы, друзья, поведаете, что сделалось с Володимиром, который Рогаченко. Сидит сей хохлацкий бандурист в коридорном углу, как в тёмном узилище, и бандуру потерял.

«Бандурист бандуру потерял!» А и впрямь Володи с нами нет! Синяя курточка-френчик на спинке кресла, блокнотик со стихами на столе. Рядом с блокнотиком, жёлтой меткой чего-то бывшего и совершенно не важного, троллейбусный билет. А где человек? А человек отлучился и не возвращается.

9

Людмила Валерьевна поднялась:

– Пойду, выясню. Не нравится такой поворот. Сергей Сергеевич, прошу, продолжайте...

Я начальственно обозрел притихших литераторов:

– Кто желает озвучить опус? Можно выступить и повторно. Валерий, осчастливь эпохальной рифмой.

– Нет! Не готов. Кажется, Настя рвётся затеплить лампадку православного блага. Что? И ты не будешь? Ну, хоть поведай об успехах на звонарном поприще.

К моему удивлению Анастасия заговорила:

– Сергей Сергеевич, вы интересуетесь, что можно сыграть на колоколах? Представьте, друзья, многое удастся сыграть, но умеючи. В основном, конечно, играют специальные партитуры для храмовых служб. Мелодичность зависит от набора колоколов. Есть большие колокола – благовестники, есть средние – подзвонники, есть малые – зазвонники. Много чего есть на колокольне, ведь колокол символ храма. Хороший звонарь благодать. И у нас в Благовещенском храме, считайте, что его теперь нет! звонарь дядя Павликов. Да вы его знаете: низенький тошенький и вёрткий, как червяк-выползок. Виртуоз. Благовест ли, трезвон ли, – всегда душевная, благородная песнь плывёт по округе, призывая мирян на молитвенное свидание со Всевышним. А вчера...

И вчера службы в храме складывались по приятному порядку. Да видно, нечистый попутал дядю Павликова. Павликов всегда в полдник, для бодрости, пропускал сотку сорокоградусной. А тут, приехавший на побывку внук, моряк из далёкой Находки, зашаршил в стакан чистого спирта. Дядя, не моргнув, маханул дозу. Внук учил, «сразу запей водой». И дядя запил, но перепутав стаканы, схватил стакан внука и запил чистый спирт чистым спиртом. Никто не пробовал спирт запивать спиртом? И я не пробовала и не приведи Господь! Бедняга звонарь обомлел, дышать нечем, изо рта вожжей слюны, из носа сопли до колена. Вода, которую внук спешно сунул Павликову, не помогает. Однако отдышался.

– Что же ты, супостат, со мной сделал?

– Да ты же сам схватил не тот стакан!

– А как я службу буду колоколить? Я же пьяный в дугу!

– Нормально отколоколишься. Поспи с часок и вперёд с Богом, к Богу!

Когда, спотыкаясь о каждую ступеньку и хватко цепляясь на железные перила лестницы, дядя Павликов забрался на звонарную верхотуру, то в резких объятиях осеннего ветра почувствовал себя гораздо лучше. Да чего уж там, стало легко и весело. А иначе и быть не может! Там, на высоте, дыхание Бога ближе. Но, как тут же выяснилось, звонарь приблизился к дыханию не Бога, а к дыханию чёрта. Верёвки колокольные – в руки, специальные дощечки – под ноги, и

грянул перезвон удивительно похожий на собачий вальс! Как наяву, целая свора бешеных псов завертелась под звенящую медь призывного «раз-два-три» над почтенной округой. Паства, спешащая к вечерней литургии, удивлённо остановилась. Остановился и спешащий в монастырские палаты отец Епифаний. Отец Епифаний, в миру он, до принятия сана, бравый стройбатовский прапорщик, замер, выругался «по матушке», опасливо оглянулся, перекрестился и кинулся на колокольню. Но не тут-то было. На втором ярусе дверь, дубовую дверь, заклинило. Пришлось спуститься к подножью храма и ждать пожарных. Внезапно «собачья вакханалия» прекратилась. Епифаний опять, уже облегчённо, выругался и опять перекрестился. Ну, вот и конец. Но прежде чем наступил настоящий конец безобразию, безобразие продолжилось. Епифаний почувствовал, как с поднебесья, довольно обильно, полилась влага. Уж не божья ли благодать снизошла на бедного иерея? Нет! не божья, а всё та же чёртова! Оказывается, дядя Павликов начал облегчать мочевой пузырь. Потряхивая, понятно каким, шлангом, он прямо с колокольни через стенной проём целился в пожарную бочку, что в скверике у входа в храм. Но струя почему-то упрямо стегала отца Епифания...

10

Анастасия церемонно обозначила реверанс и умолкла. А мы? А мы, прекрасно сознавая, что смеяться не над чем, смеёмся.

– Это всё? – Братиша возмущённо протянул руку в сторону Анастасии. – Кошунство! Стыдоба! И не верю. На церковных колоколах мелодику, тем более светскую, изобразить невозможно. Есть колокольчики, отлитые специально. Звучание каждого – нота. А серийный храмовый комплект колоколов не рассчитан...

– Ах, оставь! Ах, как скучно! Николай... Петрович! Не веришь мне? Да что с тобой? Охолонь! – рассердилась Анастасия. – А собственно, зачем ты притащился в нашу обитель?

Братиша поморщился, покопался в массивном клатче, пробормотал, что он «не Петрович, а Сергеевич», и погрозил мизинчиком Анастасии:

– Осторожнее, девушка, накажу! – и объявил:

– Друзья, у меня есть надёжный спонсор. Можно издать прелестную книжицу-альманах. Нужны авторы. Приглашаю! Тематика свободная.

В салоне молчание. Альманах на спонсорские деньги – привлекательно. Очень привлекательно. Опубликовать бесмертное творение на халяву... Да, такое не каждый день и не каждый год, но...

Братиша не первый раз брался за издание альманахов, а однажды взялся редактировать популярный журнал «Городское слово». И каждый раз фиаско! Кто-то, уж не Валерий ли Петров, пафосно прокомментировал начинания Братиши:

– Всякий раз свеча ярко загорается, но сразу же начинается и тихое угасание. А потом, когда и огня нет, от фитильного уголька долго тянется струйка дыма, мол, не виноват, мол, бывает...

Даже если так говорил и не Валерий, то образ получился верный.

Да! Вспомнил! Точно так говорил Валерий Петров, и он первый решительно отозвался на приглашение в альманах:

– Я участвовать в альманашестве не буду.

– Что так?

– Не буду и всё!

Анастасия, пародируя Братишу, манерно погрозила мизинчиком:

– И я Николай Петрович, пардон, Сергеевич, в ваше альманашество не пойду. У меня есть чем заняться...

– Например, играть на колокольне вальс «Собачий» или другой перл мировой композиции польку «Бабочка». Что ж! *Suum cuique*, каждому своё, – перебил Анастасию Братиша.

– Слушай, Николай Петрович, пардон Сергеевич, а знаешь, почему нигде не прижился ни ты, ни твой «Триумф»? Ты скучный человек! И правильный! Такой правильный, что и люди от тебя разбежались. Вот. Помолчи. Эти слова, не мои слова, а слова отца Епифания! Вот.

11

Вошла Людмила Валерьевна, с Володи. Володя какой-то вялый, утухший. Или показалось?

– Нет, Сергей Сергеевич, вам не кажется, – угадала мои мысли Людмила. – Болен Володя, простужен насквозь. Я

не доктор, но не надо быть доктором. У Володи и дома непонятно что. Вернее, понятно, что и дома у него плохо. Сейчас приедет «скорая».

В комнате, или, если хотите, в салоне стало тоскливо, люстра заморгала, погасла, нехотя ожила. Наверно, не один я в который раз подумал, что и мы бы угасли, если бы не Людмила. Она ничего особенного не делает, но... А, собственно, чего особенного делает весна? А люди оживают от зимнего гнёта, тянутся к яркому апрельскому солнцу, и жизнь продолжается. И у нас, в октябре, жизнь продолжается.

Приехала «скорая» и увезла Рогаченко. Круг завершился. Я и Валерий Петров пошли проводить Людмилу Валерьевну на Театральную, до пятиэтажной «сталинки», в смысле до кирпичной громадины, построенной «при Сталине».

А октябрьский день кутается в сумеречную, без единой звёздочки, накидку. Накидка продувается навывлет холодным ветром. Но дождь прекратился, воздух стал лёгким, и сумеречная накидка стала лёгкой. А скорее всего, нам легко от присутствия Людмилы.

А Людмила, не переставая, говорит. Говорит и том, что «оказывается, есть люди, не знающие Булгакова», и о том, что и «нам пора подумать об очередном альманахе», о том, что не верит в «перспективу издания Николаем Сергеевичем сборника».

На подходе к дому Людмила внезапно вспомнила казус во время круга:

– А мне жалко Володю Рогаченко. Он беженец. И не приведи Господь стать беженцем. Горек хлеб на чужбине. Володя живёт на Пухова в какой-то безнадёжной хрущобетрущобе. Денег с него не берут, но требуются дрова для печки. А дровишки нынче дорогое удовольствие. Отсюда и дети постоянно болеют. И жена болеет. А сегодня Володя и сам свалился. С чем? Вроде бы воспаление лёгких. Вы что, не видели, он же от жара красный. Он потому и сидел в коридоре – там прохладнее.

Мне стало неловко, Людмила будто обвиняла меня в чёрствости, невнимательности, а могла бы обвинить и в непрофессионализме. Я-то ведь врач. Давно не практикующий, а врач.

А Людмила продолжает:

– Мы с Настей, ну с новоиспечённым звонарём, как-то навестили Володю дома. Трудно живут люди. В Город их пригласили, а оказывается, с множеством заморочек разбираться особо некому.

...с гражданством волокита. Заставили Володю сдавать экзамен по русскому языку. А ведь он поэт, поэт русскоязычный. А чиновникам дела нет, что человек прекрасно говорит по-русски. Инструкция! Ну и как?

...а пацанчики у Рогачей миленькие и шепутные. Представьте, заходим в квартирку. В квартирке крепчайший запах чего-то одуряющего, сладкого. Оказалось, несёт одеколоном «Шипр». Оказываются, мальчишки, вместо того, чтобы вынести мусор куда следуют, полили его «Шипром». «А то мама не любит дурные запахи из кухни».

...а мы принесли торт. Торты редкие гости у Рогачей. Попили кофе. Неожиданно выяснилось, Володя работает на автобазе мужа, моего мужа, на подхвате, то есть бери побольше, кидай подальше.

– Эге! – говорю Володе, – а ты с начальником говорил?

– А о чём?

– Ну, о более подходящей работе.

– Не говорил. Да он и слушать не будет!

– Меня послушает. В любом случае, хотя бы выслушает.

А потом соседская девчушка принесла котёнка.

– Дядя Володя, возьмите, а то мама не разрешает...

И Володя принял котёночка. А сегодня Володя заболел. Представляете, каково семье...

Я, молча, слушаю Людмилу. А ведь сегодня я с Рогаченко довольно основательно поругался, но рассказывать о ссоре не стал. И Валерий несколько раз порывался что-то сказать, но и он ничего не сказал.

А сумерки настолько сгустились, что превратились в глухую, ветреную ночь. Ночные глухота и ветер тоскливо довели нас до подъезда «сталинки». Людмила скрылась за сколоченной из дубовых реек дверью, которая оглушительно хлопнула по подъездному мраку и сырости и продолжает хрипато повизгивать.

Или это не дверь, а ночь насмехается над нами?

И я вернулся к себе, открыл ноутбук и рассказываю дневнику о том, как проходил день, и том, как день завершился, и о том, как, вполне возможно, завершили его, у себя дома, мои друзья.

Ириша.

Ириша перед сном долго разглядывала себя в старинном, бабушкином, трельяже. Ничего нового: пупсик, пухленький пупсик! С такой фигурой далеко до Софи Лорен. Да что Софка? Даже до Насти далеко. Тоже мне звонарь. Артистка! Затычка в каждой... в этой... в самой...

Но, не найдя подходящего, уничижительного синонима, Ириша вздохнула и, повернув по-новому створки зеркал, и ещё раз всмотрелась в своё отражение: «Да, слабовато. Но зато стихи – сила! Людмила Валерьевна хвалит, «крепко катрены сшиты». А сама Валерьевна светлая, прямо-таки веселая. И куда мы без неё? И фигура у Люды – шик!.. А у меня... Но ничего страшного! Коля Братиша говорит – преемодеем и прорвёмся. А Братиша занятный индивид. И обходительный. Провести бы коллоквиум. С ним. По его альманаху, которого нет»...

Настя, Анастасия, «звонарша», разыскивает по мобильнику знакомых бизнесменов. А среди таковых, приветливый, по-доброму приветливый, всего один – мукомол на «Кубяках». Мукомол посочувствовал «несчастьям бедного поэта Володи».

– Слушай, мать Тереза, скажи куда, и я подвезу мешок пшеничной сортовой. Идёт? Токмо во имя тебя! Настюха, не журишь! Всё перемелем и пирогов настряпаем, а что не перемелется, отправим в отвал и забудем. У нас, татар, только так.

– Слушай, Ренатик, а маслица...

– Для тебя что угодно. Масла надо, будет масло. Нам татарам всё равно: копейка больше, копейка меньше. Давай копейка больше...

...Валерий Петров, а по-дружески просто Валера, выпил кружку пустого чая и «закусил» сигаретой, благо никто не заругается на дым и чад. В длинной, как вагон, комнате Валера один. Диван с изящными, резными подлокотниками – оазис шикарности среди пустыни убогости. В убогости, помимо дивана, мрачный холод, зелёные тени от упаковочной бумаги, заменяющей абажур, а ещё железный табурет и

пятиногий стол. Стол имел изначально шесть ног, но одна нога, в отчаянной схватке Валеры с бывшим деверем, сломалась. Пускай! И так сойдёт.

Валера разволновался. Закурил новую сигарету. «И так сойдёт» любимая фраза. Но жену она не убеждала. И после очередной пьянки жена объявила:

– Не сойдёт!

И судья согласился, развод «оформил» без проволочек. А диван милость жены. Как шуба с барского плеча.

А женщины... Да... А куда без них? Валера подошёл к столу, закурил ещё одну сигарету (третья сигарета подряд – перебор, но сойдёт!) вытянул из беспорядочной кучи бумаг, сразу и безошибочно, скрепку нескольких машинописных листов. На титульном листе красным шрифтом – «ЛЮДМИЛЕ». Валера углубился в чтение, а в комнате стало и светлей, и теплее.

Может, показалось?

Николай Сергеевич Братиша, на аллейке возле магазина «Пятёрочка» энергично управляется с метлой, с самой настоящей, из синтетических прутьев. А что такого? Дворнику и положено командовать метлой. С советских времён, каждый труд почётен. Братиша усмехнулся. В дворники он подался из-за жилплощади, служебной. Так вышло, «однушка» в районе «906 базы» отдана дочери, временно, а сам...

– За меня, дочь, не волнуйся, я всегда найду, где перекантоваться.

И нашёл. Стал дворником при магазине. А что? Работа не сложная, на воздухе, а комнатка подходящая и для рукописей, и для гостей. Рукописей скопилось изрядно. Блокноты, тетради и перевязанные шпагатом кипы отдельных листиков образовали неряшливую пирамиду на разрозненных томах «Брокгауза и Ефрона». Пирамида – главная достопримечательность комнаты. Но рукописи – нормально! А вот приколотые канцелярскими кнопками газетные развороты на окне заместо занавесок – непорядок. Заменить, и срочно заменить. Ну, как приглашать гостя? Конечно, гость гостю рознь. А вот Людмилу Валерьевну ну никак не пригласишь!

Николай Сергеевич, вспомнив о сегодняшнем визите в Собрание, остановился, постучал метлой по массивным фетровым ботам, вытер вспотевшие щёки тылом рукавицы и задумался:

...Да! Людмила шикарная баба! Рядом с такой постоишь, и ты ошастливлен и красотой, и обаянием. И умница. А с другой стороны, как-то с ней трудно.

...А вот Иришка – совсем другое! Миленький пупсик. Пухляшечка! Контур чуть расплывчат. Но тоже умничка. А милые, грассированные «Боромир», «по морю ковелей» расслабляют, притягивают. Очарование... Ась?

...Ну, допустим, случится... А разница в годах огого! И что? А разница актуальна днём...

...Стоп! Стоп! Да что же со мной происходит? Не только чёртик на левом плече, а целая стая чертей в комнате мастерят своей логикой ковёр-самолёт. Эх, друг сердечный, и полетишь ты в самое пекло. Э, нет! Чур-чур, меня! Лучше править метлой и писать вирши о погоде, ибо *fac quod debes, fiat quod fiet*, делай, что должно и будь что будет!..

Так-то оно так. И всё-таки, как-то не так...

В больнице, бывшей Хлюстинской богадельне, мест не было. Володю поместили на жёстком, узком топчане в коридоре, напротив процедурной. Сразу «поставили» капельницу.

Голова – чугунная гиря, не поднять; грудь – испорченный музыкальный ящик, и свистит, и хрипит, и стонет. Так плохо никогда не было. При взгляде на стоящую на венском стуле тарелку с пшённой кашей и рыжей котлетой Володю стошнило. Хотелось пить, но воды не было.

Невольно подумалось о жене, о забияках-мальчишках. Подумалось и о том, что в «кацапии» и он сам, и его семья не нужны никому. Подумалось, что зря «они рванули сюда». Если бы не война, то... Голова закружилась, и Володя провалился в беспамятство.

Очнулся он не скоро. Но когда очнулся, увидел себя в большой палате. На тумбочке кувшин с золотистым напитком и белая цилиндрическая керамика с розой, алой и пушистой. Тут же записка:

Володя!

Поправляйся, дома у тебя порядок. Завтра мальчишки с мамой придут.

Анастасия

И отец Епифаний добрался до своего коттеджика.

Пропустив с устатку рюмку спотыкача, он принялся с аппетитом за щавельные щи. Щи прекрасные, но матушка Александра подпортила аппетит мужу:

– А откуда на рясе мерзопакостные пятна?

Не хотелось, но пришлось поведать о скандальном перезвоне.

– Слушай-ка, Фанечка, мой ненаглядный Фанечка, почему допускаешь хулу? Тебя скоро и крутым дерьмом начнут того... самого...

– Шурик, ну дай спокойно поесть.

– Не дам. Ты непутёвый. Ты пустил под Божью крышу каких-то поэтов-стрекулистов. А я знаю, тебя охмуряет Людка, которая литераторша. А её среди стрекулистов и не оказалось. Да-с! Вместо неё Господь подсунул пузатого... Как его?.. Поэта Триумфа Братишкина! А теперь тебя удела-ли с колокольни! Уж не литераторша ли?

Отец Епифаний, не доев шей, ушёл, молча ушёл, к себе, в кабинет.

А как В. Лопатов?

Можете смеяться, но, вспомнив студента В. Лопатова, я почему-то вспомнил наш салон, дебаты, похожие на «бой в Крыму», когда «всё в дыму» и «не видно... ничего!» Уф! Привет, Валентин!

А Людмила...

О, Людмила Валерьевна!

Я не знаю, и не узнаю, о чём думалось ей. Да и надо ли? Мне, замшелому пенсиону, и так известно: она давно, и не только для меня, а и для нашего бесшабашного Собрания, стала весенним светом и теплом. И неважно, что улицы заполонил октябрь, и неважно, что завтра придут снежные морозы – мы всё равно в апреле! И это хорошо!

Нехорошо, что мои житейские флаги давным-давно превратились в тряпье. И замка нет, даже воздушного. А что есть? А есть апрель, Людмила и стихи, её стихи:

*...и не налаживая быт,
который погран и низложен,
мы ждём движения судьбы:
вдруг, да поможет*

*и жизнь поправит заодно –
большую кошку апреля,
не помышлявшую давно
о новоселье...*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

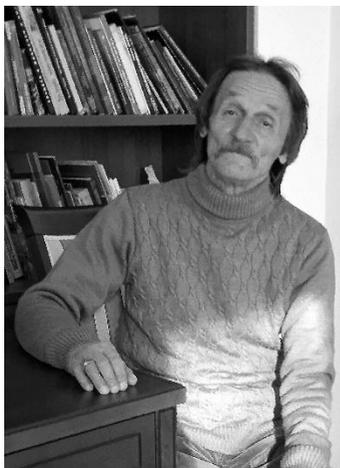
Собственно, дальше говорить особо не о чем. Как и обещано, в повести один день нашего Собрания. Просто хочется добавить: день правдив и реален, хотя, наверно, есть и неточности. Простите, если что не так. Давность есть давность.

Ну, вот и всё.

Ах, да, стихи, звучащие в повести, не мои, а стихи поэтов литературного клуба «Галерея».

Есть такой клуб в нашем Городе, есть, и, кстати, тоже в Белинке. Заходите. Смею заверить, не пожалеете.

А вот теперь всё, окончательно всё!

Валерий ИВАНОВ

Я – Иванов Валерий (служители литературы и культуры не признают отчеств, вполне резонно). Родился в 1958 году в Южно-Сахалинске, крещён в православную веру в 1989 году в Великом Новгороде в храме Покрова пресвятой Богородицы (если б не Она...). Вот и всё, достойная публика, что я хочу поведать о себе. До крещения своего был примитивным замкнутым пространством в созвездии Рыб, которое шло в разнос, пока в нём во всей своей изумительной славе и силе не загорелась Вифлеемская звезда. Моё

*Иванов Валерий Витальевич.
1958 г.р. Кадровый военный.
Автор трёх книг поэзии и ряда
сценариев Рождественских
спектаклей.*

разнесчастное пространство разомкнулось. А когда мне был подарен белоснежный пасхальный букетик вербы, который и есть – ВСЕ ВЫ, до меня дошло, что можно реально быть счастливым здесь и сейчас, но только с вами и среди вас, дорогие мои братья и сёстры во Христе и Творчестве. «И Церковь Свою оставляю вам и врата ада не одолеют её», – сказал Господь.

Церковь Христова – это мы! Да исполнится в нас апостольская проповедь Веры, Надежды и Любви. В добрый путь!

ПОМЯНИ...

Помяни нас, Господь, в Царстве Божьем Своём

Святое Таинство крещения –
Рождён от Духа и воды,
Но в лоне Божьего прощенья
Тернов твой нимб на очищенье,
Из лопуха и лебеды.

Ну как, не тяжек крест на плечи?
Ты ждал чудес и занемог,
А пандемия гасит свечи,
В помин надежды человечьи,
Расстрелян ты, так хочет Бог.

Чудны дела, ты в состраданье
К тем смертным спискам на стене,
Ты был крещён на поле брани,
Больным распластан на диване
Руками в крест и на спине.

Откуда голос – неизвестно,
Душа, он льётся из неё:
«Ты сострадал, а это честно,
Вот потому в тебе воскресну,
В тебе ведь Царствие Моё.

Иди, скажи, пусть люди знают,
В них недомыслие сотри,
Меня попросят, поминаю
Ушедших там, во Царстве Рая,
А вас, болящих, здесь, внутри».

БОЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Странное время, больное,
Замерли чьи-то часы,
В «трубке» звонки непокоя,
Смерть в человеческом море,
Жуткий улов на весы.

Время глубокой молитвы,
Речку бездонную вброд.
Тот заболел, та разбита,
Тот – под могильные плиты,
Та – под живой кислород.

С каждым и каждой болею,
С каждым и каждой умру,
Промысел Божий не смею
С чем-то своим соразмерить,
Тот листопад на ветру.

Господи, тяжело! Как тяжело
В тяжбе последних времён!
Кухня – моя замарашка,
Снова кофейная чашка
И за поклоном поклон.

Верую в Царство иное,
Это погибнет в огне,
Верю, врачуются болью
Званные нынче с Тобою,
Дай им пожить на земле.

Дай им вернуться к домашним,
Спрячь их до нужной поры,
Недолюбивших, вчерашних,
Ближних, молитвенно наших,
В русские наши дворы,

В эту зеркальную осень,
Где в октябре снегири
В алых рябиновых гроздьях,
Утром на лёгком морозе
Слышат молитвы мои.

НАША КАЛУГА

За святые, за труды
Устоит сей град российский,
Здесь кресты иobelisks,
Здесь не требуют прописки
Птицы, белки и коты.

Молодые ходят в Храм,
Старики благообразны,
В попечениях неспрaздны,
Пообщаются о разном
И на ужин по домам.

Здесь на Каменном мосту
Женихи невест на руки,
Будут дети, будут внуки
В укрепление Калуге,
В радость Господу Христу.

Не в новинку Крестный ход,
Ветер свежий, воздух пряный,
Богу вышнему осанна,
Жизнь светла и многогранна,
Ну а мы – Его народ.

НАКАНУНЕ РОЖДЕСТВА – 2022

Пока я жив, мой мир ещё не сдался,
Нательный крест отлит из серебра,
Седьмой десяток вещим оказался
Отсутствием Адамова ребра.

Ох, Ева, Ева, в комнате зеркальной
Стоп-кадрами на несколько имён,
Во всей своей той правде нескандальной
Растерзанных слезящихся времён.

Такая вот, в одном из отражений,
Во благо мне спасению служа,
«Она в тюрьме», – кричат с пренебреженьем,
В где ж ещё отмоется душа?

И это ты, цыганка из детдома,
Пошла по всем святым монастырям,
Когда закон цыганский злее грома –
Твоя душа и вдруг из хрусталя.

И здесь ты тоже, та что с Украины,
Всю боль твою я принял как свою,
И хоть меня Бог вылепил из глины,
Тебе ребро алмазное дарю.

Эх, Ева, Ева, мне не до покоя,
Седьмой десяток Богу на поклон,
Зажгу свечу послушною рукою
Зеркальных комнат, судеб и имён.

НА ВЕЧЕРНИЙ ЗВОНОК

Ирине Задорожной

Смирненное дитя в осенней круговерти,
Тебе пишу стихи, молитвенны они,
А осень и стихи – как маленькие дети,
Когда на целый день останутся одни.

Крадётся рыжий кот за листиком кленовым,
Собака во дворе сорвалась с поводка,
Движение как жизнь – оно рождает слово,
И слово это ждёт вечернего звонка.

Не знаю ничего и в то же время знаю
Твой каждый взгляд в окно на страждущие дни,
Я в осени всегда немножко умираю,
Но тысяча причин кричать тебе: «Живи!»

Кому-то невдомёк секреты настроений,
Спокойной ночи всем, я их не обвиню,
Молюсь на твой звонок, на кухне тени, тени...
Ну, здравствуй навсегда, я завтра позвоню.

СРОК

С безысходки исход, сорок лет по пустыне, но вместе,
Хороня стариков и рожая младенцев в пути,
Моисей свой народ уводил от духовной болезни,
Фараоновой власти над душами и во плоти.

Сорок лет – это срок, очищающий память от рабства,
Быть рождённым в песках – это лучше клейма напоказ,
Я в России рождён в богоборное время упрямства,
В сорок лет я крещён, но в песках сколько кануло нас...

На Синайской горе Моисею скрижали навеки,
А пока он ходил, вознесли Золотого Тельца,
Эх, вы люди мои, беспросветно рабы и калеки,
От войны до войны за растленные ваши сердца.

Сорок лет, сорок дней, день за год, но какую ценою,
Иисусе Христе, Ты в пустыне стоял пред Отцом...
На Голгофе горе, на скрижалях, написанных кровью,
Моисею вручил Русь Святую с терновым венцом.

Не пророк я, но вам, православные, снова в дорогу
По зыбучим пескам сорок лет на последний исход,
Хороня стариков, припадая к распятому Богу,
Если надо отдать свою душу за русский народ.

*Караулан Артём Александрович.
1978 г.р.*

Артём КАРАУЛАН

Родился 19 марта 1978 года в г. Волжском Волгоградской обл. В Волжском ходил в шахматную студию. Сейчас я просто любитель. В Калугу переехал со своей семьёй в десять лет.

С 15 лет стал учиться рисовать. Рисунки не сохранил, о чём сейчас жалею. Постепенно начал переходить на стихи.

Поверил в Бога в возрасте 25 лет. Нательный крестик стал носить год спустя.

Ездил: в Оптину, Бутовский полигон, Спас на Угре. Не сразу стал православным.

В литературном клубе «Галерея» познакомился с поэтами Калуги. Они научили меня писать стихи.

Сейчас хожу в литературный клуб «Шляпа».

Я рад, что познакомился с поэтами Александром Зорькиным, Валерием Ивановым, Людмилой Филатовой и Маргаритой Бендрышевой.

Валера Иванов, человек-камень, православный поэт, стал моим братом во Христе.

Читайте хорошие стихи и прозу.

ФЕВРАЛЬ

Последний месяц зимы,
Встреча холода с теплом.
Весна наполнит дом.
Это будет не скоро, потом,
От снега отдохнём и мы!

Пока забудем о весне.
Снег идёт, не переставая,
Все дороги заметая,
Снегу нет конца и края,
Снег внизу и в вышине.

Сколько в мире судеб
Горьких и не очень!
Снег идёт днём и ночью.
Я видел воочию,
Как голуби клюют хлеб!

Глядел на чёрную бездну,
Где не видать не зги!
Где друзья, где враги?
К Господу делаю шаги;
Без Господа не воскресну!

ПЛЕМЯННИЦЕ

Мир не вмешается в окошко:
Мама, бабушка – семья.
Ты четырёхмесячная крошка,
Ты человечек от А до Я!
У тебя всё маленькое вокруг,
Ещё полгодика нет.
Семья – спасательный круг,
Твой маленький свет.
Будет у тебя всё:
Ранец, книжка!
Снятся тебе Ангелочки-облака,
Наша любимая малышка.

МЕДСЕСТРЕ ЕЛЕНЕ

Храни всех Господь от болезни!

В палате, как в зале опустелом,
Где грусть-печаль и стены.
Казалась, она была в белом,
Работала в две смены!

Сегодня – день, завтра ночь,
Долгая капельница до обеда.
Она спешила всем помочь,
Болезни нет – в этом вся победа!

Грустный свет жёлтых окон,
Больным нечего сказать.
Помню чёрный, тонкий локон,
Светлые чёрные глаза!

В палате, как в зале опустелом
Лежал в бреду, иль наяву.
Казалась, она была в белом,
Благодаря ей дышу, живу!

ПОЭТ

Светлая память Виктору Ларееву

Он был настоящим человеком.
Он был настоящим поэтом.
Он был тихим, скромным, богобоязненным.
Он боялся говорить грубо.
Мудрость приходит с опытом.
Он оставил много следов на Земле.
Его белая крылатая душа находится на Земле!
Она вернулась в Рай!
Да, наступает момент, когда люди уходят.
Душа стала плотью!
Она превратилась в нежные стихи о любви.
Поэт иногда говорит стихами.
Они душа поэта!
Они свет от общего Света.
Они остаются на белых листах бумаги.
Они остаются на могильных камнях.
Мы их читаем, вспоминая с грустью не об авторе,
о Человеке!
Поэт живёт в двух мирах!

Владимир КАРПЕНКО

Карпенко Владимир Николаевич родился в посёлке Знобь-Новгородское Середино-Будского района Сумской области. До восьмого класса учился в местной школе, позднее там же закончил СПТУ. После службы в армии закончил Трубчевский политехнический техникум, переехал жить в Калугу, где и проживает сейчас. Женат на Карпенко Анжеле Валериевне, два сына. Получил премию им. Марины Цветаевой для молодых ав-

*Карпенко Владимир Николаевич.
1968 г.р. Работник РЖД. Автор
книги поэзии.*

торов в Тарусе за сборник стихов «Птица в рукаве».

ИЛЛЮЗИЯ

Без иллюзий, что нужен кому-то
Со стихами в упрямой башке,
Человечек чуть-чуть долбанутый
Шёл и мыслил о дырах в мешке.

Через кои вливается воздух
В этот душный, зашоренный быт.
А с земли людям видятся звёзды
Даже тем, кто уснул и храпит.

ЗВЕЗДА

В зазеркалье, там, за амальгамой
В сумрачном и ветреном саду
Одинокий мальчик ждёт упрямо
В небе несказанную звезду.

Высоко, в разрыве тёмно-синем,
Разрушая тьму и холода,
Загорится так невыносимо
И такой пребудет навсегда.

НОЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Ноябрьский ветер выдувает все мысли,
Все надежды, радости, смыслы.
Проникает за воротник и в клетку грудную,
В сердце и душу неизлечимо земную.
А свыше дар непостижимого снега.
Господи, отражение, эхо, эхо, эхо...

ЛЕТНЕЕ СОЛНЕЧНОЕ

Солнце играет в жмурки
С котятами нашей Мурки,
Асфальт пятки печёт,
Все дождики – наперечёт.
По озеру плавают утки,
Коровы едят незабудки.
Небо бледней молока,
Купайся, валяй дурака...

НЕНОВОГОДНЕЕ

Ходить в пушистом, белом облаке,
Забыв фонарик, налегке,
В совсем нечеловечьем облике,
Но со стихами в узелке.

И улыбаться без причины,
Лицо забавно запрокинув,
И острый месяц перочинный
Из облака тихонько вынув...

СОЧЕЛЬНИК

Рождество – это праздник непраздных
Заглядевшихся в небо людей,
Так похожих, но, всё-таки разных,
Открывающих души звезде.

В непогоду, бураны и стужу
Светлым чудом приходит она,
Чтоб проникнуть в открытую душу,
Как в колодец, до самого дна...

ЯНВАРСКОЕ СНЕГОТВОРЕНИЕ

Январское снеготворение,
Шестикрылое, зимнее чудо,
Созданное в парении,
Летающее из ниоткуда.

Ветер, музыка высшая
Процесса кристаллизации,
Кружит капелька бывшая
Под ангельские овации.

Кира КОВРОВА

Как узнать, какие Встречи были самыми важными и насущными для того, чтобы я... ну скажем так, писала стихи? Может быть, начну сейчас писать – и узнаю, пойму? Могу сказать пока, вслед за Мариной Цветаевой, только это: «Мои стихи – дневник, моя поэзия – поэзия собственных имён...» И добавить её же словами: «... и написать о них – мой любовный долг».

*Коврова Кира Александровна.
1971 г.р. Педагог-психолог,
социальный педагог. Член редак-
ции литературного журна-
ла «ЛиФфт». Автор четы-
рёх книг поэзии.*

«СПОРИМ, НЕ ЗАХЛЕБНУСЬ ТИШИНОЙ?..» (встреча со Светланой Львовой и её творчеством)

Светлана Львова (Светлана Михайловна Трунина) (1951–2005) родилась в Саратове. В течение жизни сменила много мест жительства и профессий. Стихи публиковались в журнале «Волга», «Дружба народов», «Новый мир», «Истина и жизнь», в сборнике «У четырёх ветров». Автор книг «Сквозь водоросли времени», «Elle s'appelle...» («Её имя»), «Беспечный сад». В последние годы жила в Калуге. Несмотря на тяжёлую болезнь, активно занималась литературно-общественной деятельностью, возглавляла Калужское региональное отделение Союза российских писателей, была составителем и редактором альманаха «Продолжение» (вышли два номера).

(из аннотации-биографии в четвёртом выпуске альманаха «Облака»)

Мы познакомились со Светланой Львовой вскоре после того, как я в самом конце прошлого уже тысячелетия (1999 год?) начала ходить в литературную студию, тогда ещё даже не «Дар» и уж тем более не «ЛСД». Студия собиралась тогда в маленькой комнатке на втором этаже Дома Учителя, вечером по четвергам. Её руководителем был Александр Васильевич Трунин, который и сообщил мне о желании Светланы Михайловны, тогда его жены, познакомиться со мной.

Первая встреча помнится очень смутно: зимняя темнота, самый обычный пятиэтажный дом совсем недалеко от того корпуса Университета, где я училась в своё время... Двухкомнатная съёмная квартира на втором или третьем этаже, узкая прихожая...

И – волшебный мир с картинами на стенах, редкостными книгами, которых больше не было ни у кого, – Мережковский! Маленькая Тереза из Лизье! Борис Рыжий! Инна Кабыш! Мир, где отмечали необычные праздники – например, День моря! Мир зелёного чая, рыжего тогда совсем юного кота Митьки, чего-то такого неуловимого, но дающего ощущение, о котором рассказала Марина Улыбышева на вечере-презентации посмертной книги Светланы «Беспечный сад» в галерее Л. Климентовской: не успела Светлана переехать в Калугу, вот тут-то и показалось, что начнётся, начинается какая-то совсем новая жизнь, полная, яркая, общая, с праздниками и свершениями, публикациями, приездами поэтов и писателей из Москвы – однажды приехала вообще целая редакция журнала «Дружба народов» – включая Инну Кабыш!

Да, это было и моим ощущением – хотя я, конечно, и не чувствовала себя на равных с Александром Васильевичем и Светланой Михайловной – я и поэтом-то тогда себя, кажется, не считала – мне чрезвычайно хотелось во всём участвовать, помогать... и даже заботиться... потому что.... что греха таить, все мы, добровольные подданные этого маленького королевства, знали, что Светлана тяжело больна и ей очень трудно: она сама первым делом сказала, сидя на тахте, кутаясь в плед: «Я тётка нездоровая».

К тому времени Светлана перенесла уже по меньшей мере одну операцию и непростое восстановление:

опыт души, прошедшей испытания, отражён прежде всего в удивительном стихотворении «Возвращение», где «полёту вместе с потолком» сопутствуют «мальчишки-ангелы, чудо-друзжки», «вылечить СТРУПЬЯ» соседствует с «выправить СТРУНЫ», и возвращение происходит не только к жизни как таковой, но к творчеству, понимаемому как «прохожему щедро платить кровью и плотью».

Так оно и было. Полностью вылечиться и восстановиться не удалось, но сколько же энергии было у Светланы – энергии творческой и вообще жизненной, энергии накала чувств, планов, мечтаний, телефонных разговоров – помню, например, один разговор о «Лёгком дыхании» Бунина – настоящее маленькое эссе в формате телефонного разговора (его даже удалось записать и кусочек из него переложить в стихи) – и другой разговор, в котором Светлана мечтала о построении некоего домика для клуба «КалитКа» – вот, если каждый посетитель её дома, желающий, чтобы этот клуб был, будет приносить с собой хотя бы один кирпич...

И это было не просто такое ни к чему не ведущее «парение в облаках» – ещё один рассказ на том самом мемориальном вечере-презентации был о том, как однажды один из чиновников, по бесконечному множеству которых Светлана ходила, чтобы альманах «Продолжение» – был, сказал Светлане чуть ли не возмущённо: «Что это Вы со мной как с другом разговариваете?..» – на что Светлана ответила: «Так ведь разве Вы мне враг?»

И альманах – был, СБЫЛСЯ, целых два раза.

Это мы нередко уходили в сторону, иногда не выдерживая этого накала, иногда – просто в свои проблемы, накрывающие нас с головой. Так я сказала маме, вернувшейся домой после второй операции за четыре месяца – знаешь, а ведь Светлана умерла 6-го марта...

Но всё же, всё же – что в нас осталось? Разве это вычислишь? Светлана – поэт поздне-мандельштамовского типа – с глубоко индивидуализированной системой образов и их значений, а это не передается по наследству, ни научением. Ко мне ещё когда пришли строки: «Привыкай, город, к новости – мандельштамовой львовости!»

Можно и нужно спрашивать себя: «А почему именно так? А что именно значит образный строй того или иного стихотворения или цикла?» – но это уже творчество. Некоторые переключки с её образами беззащитного, разоряемого уюта, странствия бродячих комедиантов, маскарада есть у Юлии Горбачевской, которую Светлана Михайловна и Александр Васильевич, мне кажется, и «открыли», и подтолкнули к поступлению в Литинститут. Но там другая судьба, иной поэтический и чувственный ландшафт, да и время иное...

Это «иным» и «новым» в творчестве «молодых» Светлана интересовалась, по моему внутреннему ощущению сейчас, едва ли не больше, чем Александр Васильевич, ведущий литстудию. Во всяком случае, она более явно этому интересу открывалась, более экспансивно вовлекала новых людей в свою орбиту, делала их свидетелями и соучастниками своей жизни – газетной работы, маленькой бури из-за заартачившегося компьютера, мечты о кочане салата (не знаю, могла ли она ходить по магазинам), воспоминаний о нестандартной истории своей семьи (легенда о родстве с поэтом – «демоном» и «денди», отец, с рождения и до 25 лет живший вне Родины)...

Кто из «младших», бывавших в том самом доме и привлеченных или хотя бы прочитанных Светланой, был «разыскан» ею по своим каналам, кто сперва просто пришёл в студию? Не могу сказать точно. Сама я встречалась в их доме с Александром Мызниковым и Юлей Горбачевской. Из выступления Татьяны Груздевой на той самой презентации узнала о том, как Светлана поощрила её дочь Асю Черникову, не уверенную в своих первых попытках: «Скажите, это – бред?» – «Нет, ты, девочка, пиши!» Знаю или предполагаю, что внимательно присматривалась к стихам Павла Тришкина, Игоря Красовского, Натальи Головатюк, Александра Пелевина... Во всяком случае, стихи Юлии представлены в обоих «Продолжениях», Александра Мызникова – в первом выпуске, а Натальи и Александра Пелевина – во втором...

Что она сама от этого получала? Ей действительно, по-настоящему было интересно? Я пыталась тогда что-то писать «специально» для неё...

Мои наброски о «метасюжете» цикла, вошедшего во второе «Продолжение», кажется, не сохранились.

Ничего не исправить. Разве что написать заново.

«Вторая уже Львова» (как второй уже Шмидт в российской истории и второй уже Иванов в поэзии) ушла в 2005 году, не успев состариться, как и первая...

Но книги Светланы пробрались «сквозь водоросли времени» – для нас. Маленькое, долгожданное (именно так) чудо – подборка её ранее не изданных стихотворений в четвёртом выпуске альманаха «Облака». Переписывая их для себя, вспоминала Светлану – пришли стихи про тот самый эпизод её жизни, когда артачился компьютер...

Есть ли, будут ли – ещё её ранее неизвестные стихи, воспоминания о ней? Мне кажется, что да. Уже – вот.

ПЕРЕПИСЫВАЮ СТИХИ СВЕТЛАНЫ ЛЬВОВОЙ

Сейчас – стихи переписать...

Да вы сдурели –

Не в интернетах их искать...

Что, в самом деле?

Вот книга, вот бумаги лист –

Труду осанна!

Ведь только так путь будет чист,

В твой мир, Светлана.

Тебе самой не привыкать

К мученьям гордым –

Не получилось в срок послать

Статью про йогурт.

Завис компьютер – почему? –

Но ты ж успела! –

Но вот улыбка в кутерьму

Вдруг полетела...

И наших нищих трапез круг,

И хлеб хрустящий –

Всё было подлинным вокруг

И настоящим.

Целебных чайных трав пучки,
Всё без обмана.
Чужие и твои стихи,
И боль, Светлана.

* * *

Вот, наконец-то Рыжего читаю –
Тому назад лет двадцать – не пошло.
Но со Светланой Львовой обсуждали:
Ну почему с ним так произошло?

Она сказала: «На велосипеде,
Когда весь мир огромен и всё ж мал,
Представь? Несёшься в музыке и свете...
А он – упал».

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

*Хванчкара чуть качается...
Из недавно опубликованных Ваших стихов*

*Светка Денисенко умерла...
Стихи из сборника «На четырех ветрах»*

Как Вы писали – плещется,
Плещется Хванчкара?
Нет, я не Ваша сменщица...
И было всё – не вчера.

Вам уже было б семьдесят –
Немыслимые дела!
Но не одна Денисенко –
Света ещё умерла.

И пролетело уж двадцать
Разным наполненных лет –
Как нам пришлось расстаться.
Вас в этой жизни нет.

Где молодое племя
Пылко шумит до утра? –
Мне уж как Вам в то время...
Плещется Хванчкара...

Что рассказать Вам? – Сами
Знаете всё небось –
Да, и моей вот маме
Выжить не удалось...

Наши стихи, за нас встаньте
На четырёх ветрах.
Льётся в бокалы кьянти,
Плещется Хванчкара.

«ЧТОБЫ МЫ ЗДЕСЬ НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ...»
(дневниковая запись и немного комментариев вокруг)

Интересно получилось с Наталией Ванханен...

Наталья Юрьевна Ванханен (1931) – российский поэт и переводчик. Работала редактором в издательстве «Художественная литература». Участник литературной студии «Луч» Игоря Волгина и поэтической группы «Московское время». Автор четырёх сборников стихотворений. В основном переводит испанскую и латиноамериканскую поэзию, начиная с эпохи Возрождения до наших дней (в числе тех, кого Наталья Юрьевна переводила, Тереса Авильская, Лопе де Вега, Кальдерон, Хуан Рамон Хименес, Федерико Гарсия Лорка, Хорхе Гильен, Габриела Мистраль). Также перевела стихотворения поэтов Аттилы Йожефа (Венгрия), Егише Чаренца (Армения), роман в стихах поэта Мушни Ласурия (Абхазия). Лауреат Премии журнала «Иностранная литература» Инолиттл (2000). Великий офицер ордена Габриелы Мистраль (Чили, 2002). Офицер ордена Гражданских заслуг (Испания, 2018). Орден «Честь и слава» III степени (Абхазия, 2020).
(Материал из Википедии)

НАТАЛЬЯ ВАНХАНЕН В БИБЛИОТЕКЕ БЕЛИНСКОГО
(дневниковая запись декабря 2012 года)

Наталья Ванханен (раньше, кстати, я думала, что Ванханен, то есть Ван-Ханен) стала для меня Именем лет 12 назад, в период моего интенсивного хождения в поэтическую студию, тогда ещё не «Дар» и уж тем более не «ЛСД»... Александр Васильевич Трунин дал почитать её книжечку, кое-что очень тронуло...

Когда вчера Наталья начала читать стихи из той самой первой своей книжечки («Дневной месяц») – одно из тех, с «прямым попаданием» в сердце, шло одним из первых:

* * *

Вздувайся, занавеска.

Старайся, радиола.

– Всё кончено, Франческа!

– Всё кончено, Паоло!

Что было, что осталось?

Не письма и не дети.

*Уж лучше сразу старость,
чем просто добродетель...*

Как это совпадает во мне с тем, насколько теперь помню, ощущением острого и вместе с тем многолетнего моего молодого горя, когда не знаешь, правда не знаешь, куда «загнать», как потратить жизнь, которая не нужна одному-единственному человеку... и когда таким ужасом наполняет чувство, что «ничего не осталось», что должны были или погибнуть вместе, или я родить и умереть, а теперь вот эта такая долгая, такая ненужная жизнь... «уж лучше сразу старость, чем просто добродетель»...

Тогда – первой ступенькой ПРЕОДОЛЕНИЯ и ПРЕОБРАЖЕНИЯ стали стихи – и свои, и некоторые другие, вот такие, как эта самая «Вечеринка», откуда строчки...

Но это, в общем-то, не главное, хотя я и пишу об этом прежде всего... Главное ВСЁ – как Наталья, такая милая и элегантная, вся в розоватом-сиреневатом-пепельном (гамма «пепел розы») читала на фоне сильно-сильно заснеженных, густо скрещенных веток, видных в окна, на фоне моего зимнего букета на рояле... О том, как

*...цикада пела
На не имеющем предела,
На недоступном языке...*

О «тотемной» мышке –
*...ходит мышь по плитусам,
коготки-подковочки,
не сошьёшь обновку сам –
будешь без обновочки!*

О Страстном Четверге, когда
*...а ты из своего небытия
несёшь свой грех, и грех твой – это я...*

О том, как Моцарт и Сальери встретились в подземном переходе... О человеке, «Несущем щенка» сквозь все века – а у самой Натальи 3 собаки и 2 кошки! (*Я её об этом спросила, когда можно было задавать вопросы*)

О ласточке, которая «сизой змейкою небесной» выполняет свое служение, носит тайные вести, сшивает землю и небо,

*...и не скажет: Я стара,
Извините, дорогая!
На одном крыле гора,
На другом крыле – другая...*

Об «Ангеле дураков», который всячески охранит, всячески послужит нам-дуракам, а потом, улетая ввысь,
*...кинет нас в объятия друг другу,
Чтобы мы здесь не перевелись...*

Вот так вот привёл Господь свидеться...

*Р. С. А эти строки из стихотворения «LA BELLE
EPOQUE (ДЕКАДАНС)» «о них и о нас», «о времени и се-
бе», я не привела в той записи, но они – из главных для ме-
ня...*

** * **

*У скрипок – ведущая тема,
Такая, что грусть – на виду.
Японский цветок хризантема
В апухтинском сохнет саду...*

*Ни слова, о друг мой, ни вздоха!
Красиво садится на мель
Красивая эта эпоха
С французским эпитетом belle...*

*Что пользы? Не видно в ней прока.
Излишнее – в этом успех!
Здесь святость с оттенком порока...
Но как привлекателен грех!*

*Горят аметисты на вдовах,
Томленье в сердцах разлитО.
Закатов настолько лиловых
Не сыщешь ни после, ни до...*

ТВОРЧЕСТВО ЖИЗНИ (ПАМЯТИ МОЕЙ ПОДРУГИ)

*Инесса Владимировна В. (1974-2022) – талантли-
вый учитель русского языка и литературы, социальный
педагог.*

Юрий Убогий однажды сказал, что можно не написать ни одной строки и всё равно быть поэтом. Эта фраза, может быть, случайная для него, стала одной из «сюжетообразующих» для меня.

Раба Божия Мария – только недавно узнала её имя во Святом Крещении – была именно такой.

Человеком, зримо, сильно, ярко творящим жизнь – свою, своей семьи, тех детей и подростков, с которыми ей приходилось работать.

Судьба отпустила нам меньше десяти лет знакомства и меньше пяти лет дружбы. Мы работали в одной школе: она преподавала русский язык и литературу, была социальным педагогом, я – педагогом-психологом. Мы вместе ходили «по адресам», занимались судьбами «трудных» подростков, «неблагополучными» семьями... Неоднократно я присутствовала на её уроках, как правило, всегда талантливых в своей «доходчивости», умении донести до учеников смысл и нравственный посыл классики – а ведь ей обычно давали самые сложные классы – знали, что она, совсем молодая, с ними умеет!

Помню, как анализируя «Капитанскую дочку», она обратилась к девчонкам своего седьмого класса: «А вам как кажется, какого парня выбрать – того, что стихи написал, или того, который серёжки подарил, но за эти серёжки вас просто купить хочет?»

Её жизненный выбор, его красоту и силу я постаралась без прикрас, по возможности документально описать в «рассказе-очерке» «Честь испытания».

Наша дружба пришлась на годы, уже более спокойные и стабильные для моей подруги, но трудные для меня. Моя жизнь ещё только «устанавливалась», находила свои берега.

Именно она была одной из трёх подруг, что были со мной рядом, когда в 2005 году я хоронила свою маму.

В 2008 году моей подруге пришлось уехать из города. О дальнейшей её жизни я знаю совсем мало. Знаю, что она была очень трудной.

В январе 2022 я узнала о её смерти «от последствий коронавирусной инфекции».

Да, ведь у неё всегда было больное сердце... Сердце, которое болело за других. Сердце, теплом которого она щедро поделилась со мной.

* * *

Солнца лучик, единственный за день,
Когда солнце легло на закат...
Лютой смертью был свет твой украден,
Милый друг... У небесных ты врат.

Шла с работы, где только узнала,
Что от нас вдали ты умерла...
И приветом твоим ощущала...
Нет, точнее: твоя сущность была –

В этом проблеске – ласка и сила,
Без пустого, в словах лишь, тепла.
Просто жизнью быть сильной учила,
Просто рядом со мной ты была.

Солнца лучик, единственный за день,
Из-под плотных, как плед, мягких туч...
Пусть тебе Кто-то руку протянет,
Как ты мне, – у заоблачных круч...

* * *

Абрикосовые дворики
На окраинах страны...
Там девчонки веткам вторили –
Силой нежною полны.

Стык кровей, как рек слияние,
Вольной их поил красой –
Глаз с раскосинкой сияние,
Косы – в руку толщиной!

А кругом – колючих веточек
Прямо на стеблях цветы...
Полстолетья спустя – девочек
Вряд ли этих встретишь ты...

Больше нет таких – те выросли,
И айда! –
Словно от грядущих выстрелов –
Убежали
Навсегда.

ЧЕСТЬ ИСПЫТАНИЯ

(документальный рассказ из цикла «Наш Универ»)

Сидим в пустом классе, между праздниками ученики класса коррекции, числом всего десять человек, увезены по деревням. Завуч не поймает, благодать, май. Туфли сброшены, у меня ноют не только мои больные колени, но и всё что может, и всё же – благодать. Как у меня всё произошло? Да обыкновенно.

В одиннадцатом классе я три раза в неделю ездила на подготовительные курсы при универе из Боровска в Калугу и обратно – в тот же день. Была влюблена в тренера по самбо, он, кажется, об этом и не догадывался. Меня перестали дразнить «два метра сухостоя». Даже начали приставать. Одного ударила – тренер чуть по стенке не размазал: «Я тебя этому учил? Если он инвалидом без детей останется, я тебя не только из секции, я тебя из школы выгоню»!

Отец сказал: «Поступай на физмат». Я впервые сделала не по его, когда поступила на филфак. Хотя раньше и пикнуть не могла. Отец грузин, красавец, блеск, эффект, масштаб. И на это купилась беденькая моя мама. Вот на этой фотке у меня в кошельке она со мной двухме-

сячной, в платице в горошек, за которое отец зверски избил её, мол, оно развратное. А когда мне было четыре года, отец вообще украл меня у матери, с которой разошёлся, и увёз в Боровск, сказав, что, если мама попытается меня вернуть, он убьёт её или меня. Ни у отца с мачехой, ни у мамы во втором браке детей больше не было.

Мачеху я боялась – не то слово. Грызла ногти до восемнадцати лет. До морозов ходила в прозрачных чулках, когда все выпендривались, у кого какие колготки. Поэтому что просить у мачехи было бесполезно. Отцу всё же сказала. Он: «А разве у тебя колготок нет»? Я пролепетала, что нет, конечно. Отец бросил Зэсу: «Ладно, купи ей». И она купила – самые дешёвые, в рубчик. Я надевала под них старые детские рейтузы, а придя в школу, запиралась в туалете и снимала их, потому что у нас считалось западло, если кто ещё носил рейтузы. И всё же я честно пыталась полюбить Зэсу. Лет до четырнадцати пыталась. А потом... однажды, когда я... да нет, наверно, я не могла полезть на мачеху с кулаками... но отец отшвырнул меня к двери так, что у меня до сих пор болит спина от удара о косяк.

Когда мы уже были вместе с Васькой, поехали раз к моим... Васька только зашёл в мою комнату, сел без сил, не может подняться: «До чего же тут СТРАШНО». Понимал, откуда я вышла.

А я была такая – чуть что могла дать пощёчину, ляпнуть что угодно. Боль была невыносимая, ничего не соображала, что делаю. Помню, идём мы с Васей и ещё одной девчонкой, вдруг мне кажется, что он всё внимание уделяет ей, а не мне. Я ему пощёчину – раз! – и пошла. Назавтра на лекциях садимся вместе и потихоньку начинаем мириться... Всегда, что бы дальше ни было, буду помнить, как он меня тогда простил...

Он меня сразу из всего курса выделил. Я у него единственная женщина, он у меня – единственный мужчина, это навсегда.

На втором курсе приехал отец смотреть, как я живу. Сказал, чтобы мы или женились, или Васька меня больше никогда не увидит, потому что меня увезут в другой город, переведут в другой институт.

Васька сразу: женюсь. Его родственники ах, ох, как можно, в девятнадцать-то лет! Васька ушёл из семьи, стали жить с ним в общаге.

Через две недели после свадьбы оказалось, что я беременна. Все опять: ох, ах! А я стала ходить по консультациям, тянуть время: мол, здесь нельзя на этой неделе, там на следующей. А потом сказала, что уже поздно и мне нельзя вообще.

Когда родилась Наташка, вся общага приходила её смотреть, одна всё приставала с вопросами: «Что нужно делать, чтобы родить такого красивого ребёнка?» А когда её вытащили, у меня живот на моих глазах как воздушный шарик – пух! – я же голодная ходила всю беременность...

А через пару месяцев в общагу стала заглядывать свекровь. Потом свёкор, умирая, сделал нам квартиру. Всё равно, конечно, было тяжело. Начали с Васькой работать оба с девятым разрядом, ты помнишь тот год? – зарплату не платили, девяносто шестой, кажется? Ели только хлеб, картошку и квашеную капусту. Я ходила вся чёрная, выглядела старше, чем сейчас, лет на десять. Ещё Васька заболел воспалением лёгких, делала уколы всю зиму.

Но ни разу, ты понимаешь, ни разу я не усомнилась ни в нём, ни в себе! Ни в том, стоит ли нам быть вместе.

...Хотя, конечно, после двадцати пяти мужчина, если его только заводишь, это ещё какая обуза!

Как нарочно, звенит звонок, и рассказ заканчивается.

*Макеев Алексей Владимирович.
1959 г.р. Менеджер, электрик.
Автор книги поэм.*

Алексей МАКЕЕВ

Макеев Алексей Владимирович, родился в 1959 году в г. Томске. С 1967 года жил в Узбекистане. Окончил электро-механический техникум, служил в Советской армии, учился в Томском радиотехническом институте (заочно). В 1994 году в связи с развалом Союза переехал в Калугу. С 1995 года в течение 15 лет работал в Московском книжном издательстве «Цитадель» менеджером по продажам. Параллельно работал в калужском издательстве «Золотая аллея». С 2012 года работает электриком в Калужском колледже культуры. Смолоду увлекается литературной деятельностью. В 90-х печатал рассказы в московских журналах (в детективном жанре). Поэзией увлёкся с 2019 года. За это время выпустил сборник поэм «Социальная поэзия».

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ДУМКИ

Однажды, в доме хлам старинный разбирая,
Магнитофонную кассету отыскал,
От любопытства вдруг наплывшего сгорая,
В магнитофоне я ту ленту проиграл.

И сладостный «Дым сигарет с ментолом»
Напомнил сразу мне далёкие те дни.
За ним из скрытого нутра магнитофона
Усладил слух «Гранитный камушек в груди».

Конечно – это середина девяностых
И молодыми нас нельзя было назвать.
Но как мы жили тогда весело и просто!
Пройдя срединный возраст – тридцать пять.

Казалось бы – страна была в разрухе,
И не найти – чему народ наш был бы рад.
Имелось поводов немало быть не в духе:
Развал и бедность, и невыплаты зарплат.

Но почему-то мы тогда не унывали,
В желудках пусто, но горел огонь в груди.
На улучшение надежды не теряли
И больше думали, что ждёт нас впереди.

Причину можно в том найти, я полагаю:
С большим Союзом распрощались мы как раз.
Ему взамен пришла Россия молодая
Где было многое в диковинку для нас.

И к нам как будто снова молодость вернулась
Вместе с рождавшейся по-новому страной.
Мы к новым веяниям смело потянулись,
Расставшись нехотя с советской стариной.

Испытывают люди те же чувства
В любой заново созданной стране.
Сменился строй, а значит – станет лучше!
И заживём мы обеспеченно вполне.

Распространённое по миру заблужденье
Бывает чаще всё как раз наоборот.
Но люди верят в государства возрожденье
И оживает с переменами народ.

Мы были целиком открыты для общения,
Советский дух коллективизма не угас.
Доступны были нам простые развлечения,
Попойки скопом были нормою для нас.

Сотовой связи мы тогда ещё не знали,
И интернет в квартиры не был проведён.
Живьём общаться мы предпочитали
И знал соседей ближних каждый дом.

И как легко общий язык мы находили
Ну хоть с коллегами, соседями, роднёй.
Любые поводы встречаться вместе были
Народ в разгул пускался целою страной.

Всегда для песен, плясок находился повод
И вдохновляли нас на то тех лет хиты:
Нежный медляк – «Дым сигарет с ментолом»,
Резвый быстраяк – «Гранитный камушек в груди».

ЭТЮД В СЕРЫХ ТОНАХ

Вот и осень пришла, и багряные листья с деревьев опали,
Стылый ветер подул, в серых тучах затянут вокруг небосвод!
Стылый дождь моросит, и окрашены серым безбрежные дали!
Серый цвет на душе, серой осени мрачный кружит хоровод!

И на сером асфальте опавшие жёлтые, красные листья,
Осень знак подала, и природа сняла облачение своё.
Буйной зелени лета придётся на срок затаиться,
Осень править пришла, и никак не отменишь её!

А за нею зима, и снега, и морозы, метели и вьюги,
Снежным пластом укрыта земля, водоёмы во льдах!
И морозов боясь, в шмотки зимние плотно укутаны люди,
Только этот этюд уже цвета другого, он в белых тонах.

Татьяна САВКИНА

Татьяна Валериевна Савкина – корреспондент ИД «Калужские губернские ведомости».

В юности мы все чем-то увлечены. Для меня таким увлечением стала журналистика. Работе со словом я училась в детско-юношеском пресс-центре «Звёздный», действующем в 1980-е годы в калужском Дворце пионеров. Секретами мастерства со старшеклассниками в то время делилась журналист газеты «Знамя» Татьяна Сергеевна Груздева. Однако талантом я не отличалась, особых надежд тоже не подавала,

*Савкина Татьяна Валериевна.
1968 г.р. Журналист. Член РСЖЛ
с 2014г. Член Союза журналистов
с 2015г. Автор трёх книг прозы.*

поэтому дальнейшая моя жизнь протекала вне творчества. Пришлось «переквалифицироваться» в сборщика на одном из предприятий города. Но это уже совсем другая история...

В 2007 году в Калуге появился литературный клуб «Галерея», куда я пришла со своими писательскими опытами. Не сразу всё получалось: до этого я писала чисто для себя. И в том, что смогла осуществить мечту детства, стала журналистом – большая заслуга руководителя клуба, члена Союза писателей России Маргариты Бендрышевой. Именно она помогала мне в профессиональном развитии, направляла, давала советы. Наверное, это стало одним из определяющих моментов жизни.

Думаю, не только я, но и все, кто посещал эти литературные встречи сначала под крышей картинной галереи заслуженного художника России Людмилы Климентовской, а затем в библиотеке имени В. Г. Белинского, получали удовольствие от общения, первых публикаций и возможности делиться творчеством.

Вскоре была первая книга прозы, поступление на факультет журналистики КФ МГЭИ, работа в редакции газеты «Весть» (сегодня «Весть» входит в холдинг «Издательский дом «Калужские губернские ведомости»). Затем в моём творческом багаже появились ещё две книги. Одна из них – «Жажда своего пути», посвящённая легендарному мото клубу «Ночные Волки», вышла в финал германского Международного конкурса «Лучшая книга 2018 года», в номинации «Публицистика». В этом конкурсе приняли участие 37 стран. Сейчас кажется, что я семимильными шагами шла вперёд.

Вообще в жизни было много событий, встреч, знакомств. Одним из самых ярких её моментов стала встреча с Александром Хирургом – президентом Всероссийского мото клуба «Ночные Волки». Это произошло на военно-историческом фестивале в Бородине, который проводится в честь Бородинской битвы. Самое дорогое для меня то, что мы вместе много лет – знакомство переросло в дружбу, и я очень её ценю! Ещё в юности мне было интересно всё, что связано с байкерским движением – техника, скорость, рок-музыка... В дальнейшем парни на мотоциклах стали для меня практически родными людьми. По возможности я стараюсь бывать на проводимых ими мероприятиях, с азартом пишу об их деятельности – патриотических, культурно-исторических, волонтерских, духовных и детских проектах. Каждая история «Ночных Волков» – это история победы. Клуб во главе со своим лидером проделывает огромную работу, на что нужны силы и немалая смелость.

Детские сказки в Байк-центре, как и любой проект «Волков», это повод прикоснуться к чему-то очень значимому. Они являются своего рода квинтэссенцией устного народного творчества, его сутью и уникальным произведением искусства. Сейчас в обществе есть запрос заглянуть в своё, родное. Так сложилось, что вот это, исконное, у нас в огромном дефиците – не хватает своего, русского звучания, а молодёжь нужно воспитывать на традициях. Байк-центр стал тем очагом воспитания подрастающего поколения, где работают над душами юных граждан нашей страны, и это самая почётная миссия, самая высокая ответственность, которую с честью несут «Ночные

Волки», поэтому здесь погружаешься в чарующую атмосферу новогоднего праздника. На Новый год здесь всегда дети, всегда сказка и волшебство!

СКАЗКА ЗА РУКУ ВЕДЁТ В НОВЫЙ ДЕНЬ И В НОВЫЙ ГОД

Новогодние спектакли в байк-центре давно стали одним из ярких событий зимней Москвы – в этом году показы проходили с 4 по 18 января. В логове «Волков» на Нижних Мневниках можно окунуться в атмосферу волшебства и получить заряд адреналина. Постановки в брутальном байкерском стиле всегда востребованы у зрителей, и не только юных. Каждая – смелый эксперимент и... священнодействие. Это больше, чем сказка – это история о нас, о России, история, в которой всем своим существом проникаешься любовью к Родине.

А начинается всё с самой настоящей классики – со вступления к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Поэтому на импровизированной сцене под открытым небом и знаменитый дуб, и золотая цепь, и Кот учёный, что «ходит по цепи кругом» и рассказывает дивные истории из сказочного мира о Тридевятом царстве, о чудесах, там происходящих.

А ещё есть русалки, облюбовавшие ветви дуба, и избушка на куриных ножках – жилище Бабы Яги...

Есть и народ русский, который, если дело делает, то добротю, со старанием, а уж если гуляет, то со всей широтой души. С песнями и плясками, с... каскадом ярких пиротехнических эффектов. А рядом жарким пламенем пылает печка, «управляемая» Емелей. Это своего рода образ матушки-России. В отечественном фольклоре печь как основа всего, она была и спасительницей, и кормилицей, став самым настоящим символом русской жизни.

– Россия – душа мира. Она есть печь планеты, которая греет и спасает всё человечество. Затуши эту печь, горящую в наших сердцах, сердцах наших детей, всё, мира не будет. Зачем нам такой мир, если в нём не будет России? – прокомментировал вожак «Ночных Волков» Александр Хирург.

Королева сил Зла – Русалка и её подручные Змея, Дракон и Таракан чем-то новым на этой территории не стали, но в этот раз они получились ещё более фактурные – удивительные и пугающие. Понятно, что это образ Зла, стремящегося захватить всё вокруг, символический. Но ситуация в мире остается очень хрупкой, как известно, западные государства практически во все времена стремились на Восток. И всё ближе подбираются они к нашим границам... Над байк-центром пронеслись обдающие холодом звуки – смех заокеанской нечисти, которую, кстати, представлял и житель дна – обитатель морских глубин. Этот монстр – новый сказочный персонаж, и выглядит он довольно жутко, под стать всей злой силе:

– На печке греются Емели. Не в этом дело, дело в том, что печь стоит на параллели, как раз в сеченье золотом. Но печка эта мировая нам надоела вкривь и вкось. Она от края и до края мешает нам, как в горле кость. И печку эту, в самом деле, войной, изменой как-нибудь с полсотни пятой параллели давно нам хочется спихнуть, – злорадствует нечисть. – Железной волею Дракона мы печку русскую столкнём. И крематорий Вавилона на этом месте разожжём...

И вот Добро и Зло сошлись в поединке. Зло наполнило всё вокруг ненавистью, желая затушить живой огонь печи.

– Давно мы ждём, и всё готово, чтоб вас «обнять» и в виртуальные оковы для пользы дела заковать, чтоб вы

забыли про свободу. Иная светит вам судьба: из непокорного народа мечтаем сделать мы раба, – шипит Змея.

Вдруг из туманной дали тысячелетий в сказке появляются Баба Яга, кикиморы, Кощей и Соловей-Разбойник. Разворачивается настоящая борьба характеров. Отрицательные персонажи русского фольклора у «Волков» становятся искреннее и человечнее, у этих героев собственная сюжетная линия. По велению сердца они объединяются и помогают мотоциклистам-«Волкам» одолеть тёмные силы и разжечь потухшее пламя очага.

– Печь, она в любой избе сердцем будет! Невиданный огонь горит в ней – дух наш там, русский. Сила в ней и спасение! – молвит Баба Яга.

Примечательно, что Соловушка, явив миру лихой повист, освободил Тридевятое царство от чужеземного ворага. Через время эти герои народных сказаний пронесли русский дух. «Волки» органично подошли к воплощению сказочных образов, которые получились очень живыми. И вот он, момент истины: Злу не удастся установить свою власть, оно склоняется перед Добром.

И верой озарились человеческие души – вновь гуляет-радуется народ русский!

Эмоции здесь зашкаливают! Зрители жадно ловят каждый момент, каждое слово, интонацию – глаза ребятшек горят. И невозможно стереть интерес с детских лиц! В сказке заново оживают события ушедших веков, героика эпох, духовная высота народа – её идейный посыл огромен! Это возвращает новые поколения к истокам, они учатся постигать прошлое. Человека с маленького возраста, с младших классов, нужно знакомить с историей своей страны. Говорить о вере отцов, чтобы он открыл своё сердце, почувствовал духовные ценности, которые несут добро, любовь, честность, способность понимать и сочувствовать.

В «волчьей» сказке всё подчинено слову. Глубокому, сопредельному с философией, заставляющему проникать в тексты, над которыми работают известные литераторы и поэты. Наверное, потому все шоу «Волков», в том числе и детские, остаются вне времени – эти парни меняют наше представление о театрализованном действе.

Постановка, её герои, сюжет, декорации, спецэффекты – всё захватывает дух! «Ночные Волки» переворачивают представление о том, каким должен быть детский спектакль. Хотя мотоциклисты и раньше поражали своими суперкрутыми программами с калейдоскопом сюжетных поворотов и интригующими литературными текстами. С тяжёлой музыкой, элементами трюкового шоу и фейерверками во всё небо.

Приключений здесь было сполна! Постановка очень интересна по своей экспрессии. Она сочетает в себе мастерство живых актёров и появление сложных механизмов – движущихся машин, которые умеют говорить, выражают эмоции, извергают языки пламени. Сказочные объекты впечатляют своими размерами. И артисты здесь не играют, они создают миры. Тут даже не угадаешь, чьи роли важнее.

Величественную силу сказки дополняет мотоциклетная тема – это детский праздник с острыми ощущениями! И мечтами о скорости. Да, тут всё по-взрослому, «Волки» всегда всё делают с размахом! «Шар смелости» – уникальный по сложности номер мотокаскадеров. Три мотоциклиста на огромной скорости бесстрашно «катали» по кругу, синхронно меняя траекторию. Для того, чтобы всё прошло успешно, требуется немалое мастерство! Дали жару и отважные спортсмены, штурмовавшие на мотоциклах припорошенный снегом трамплин. Они показывали трюки, от которых захватывало дух. Кажется, и этот номер заставлял зрителей замирать от восторга.

Не обошлось на празднике «Ночных Волков» без Деда Мороза и Снегурочки. Произнеся заветные слова, вместе с мальчишками и девчонками, они зажгли огни на ёлочке. И новогодняя красавица из металла засияла в нарядном убранстве.

Смысл русской сказки попытался уловить гость Москвы из французского Лиона Николя Вассель. Он немало знает наш язык и говорит по-русски.

– Я никогда не видел ничего подобного. Здесь много русской истории, сказки, песен, огня, а ещё любви к своей стране. Мне очень понравилась печка. Во всём этом чувствуется мощный русский дух. «Ночные Волки» – не-

обычные ребята, они бережно хранят нечто своё, национальное, – поделился Николая Вассель.

Вся эта магия – дело рук Александра Хирурга. Здесь мир сказочный и мир реальный пересекаются силой его мысли. К созданию своих спектаклей лидер мотоклуба подходит особенно внимательно – это его слова, его отношение к миру. У него много опыта, который взят из жизни и личных переживаний. В этих постановках Хирург делится своей болью – в

этом чувствуется его безмерная любовь к России. Александр принадлежит к дерзновенным, изменяющим день сегодняшний людям, верящим в Россию, её будущее. Стоит отметить, что не каждый человек так будет рассказывать о происходящем вокруг, о событиях, захлестнувших сегодняшний мир, понятными детям образами. Это нежелание примириться с тем, что происходит вокруг, имеет ценность в глобальном смысле.

И можно только представить, как билось его сердце на премьере!

*Сулимова Ирина Васильевна.
1959 г.р. Инженер-технолог.
Актриса. Автор книги поэзии.*

Ирина СУЛИМОВА

Ирина Сулимова принадлежит к известному старинному роду Дурново. Родилась Ирина в городке Макарове на восточном побережье острова Сахалин в семье моряка Рыболовецкого флота, старшего помощника капитана. Через восемь лет, после гибели отца в море Ирина с матерью отправились в Калугу на родину своих предков. Ирина Сулимова закончила Загорский художественно-промышленный техникум игрушки и Московский лесотехнический институт, получив специальность инженера-технолога по автоматизации и

комплексной механизации процессов деревообработки. До 2002 года Ирина Сулимова проработала на знаменитом калужском спичечно-мебельном комбинате «Гигант», затем 13 лет – в компании «РУС».

В 2011 году Ирина с блеском дебютировала в спектакле Экспериментального театра под руководством А.Ф. Сотника «Меценат» по рассказу В. Наговицына и с тех пор с неизменным успехом участвует в спектаклях театра. В творческой биографии Ирины Сулимовой были и съёмки в художественных фильмах: «Ищу мою судьбу» (1974), «Чужие письма» (1975) режиссёра И.А. Авербаха и «Привидение» (2016, режиссёр Мих. Андросов).

В 2016 году Ирина закончила школу церковных звонарей Калужской епархии (преподаватель Владимир Пайчадзе) и стала звонарём храма Петра и Павла. С 2015 года – постоянный участник Калужского областного фестиваля колокольного звона «Медный ветер», в 2021 году приняла участие в XIV фестивале колокольного звона в рамках Всероссийской Спасской ярмарки (г. Елабуга).

* * *

Встаёт над землёю багровый закат,
И клонится солнце к закату.
И снова мы лучших теряем ребят
Со званием гордым – Солдаты.

Душа Новороссии, плоть её, кровь,
Надёжные руки Донбасса,
Сердца, что с Отчиной звучат в унисон
В борьбе до последнего часа.

* * *

Океан между двух континентов,
И короткий свидания час.
Мы бы больше ценили моменты
Те, что связывали нас.

Непонятности и обиды
Повернуть не получится вспять.
Как заранее всё предвидеть,
Срок, отпущенный нам, познать?

Встречный ветер своей ладонью
Бросит прядь волос на глаза.
Где заканчиваются дороги
С бегом бешеным колеса?

Где с размаху врезается, с болью,
Неотвратимое остриё –
Я сегодня к губам прижимаю
Замолчавшее сердце твоё.

* * *

Выросло деревце
От корня старой сосны
В дупле времени.

* * *

Мы ведём себя, как медведи,
Оттого, что настала зима.
Как они залегают в берлоги –
Так и мы залегаем в дома.

Мы всё реже идём на контакты,
Да и меньше гуляем уже.
Нам зимой остаётся для счастья
Рай, построенный в шалаше.

* * *

Ветрам Тартарии
Ещё подвластно время,
Оно послушно
Сильным их крылам.
Но где теперь
Таинственное племя,
Куда ушли те,
Равные Богам?

* * *

Мне снятся иные деревья,
Равнины, затянутые в дым.
Где нам непривычные боги
Владеют сознанием моим.

Под их надзирающим оком
В мерцании тайных глубин
Тот мир перестал быть жестоким
С любовью своею един.

Людмила ФИЛАТОВА

Филатова Людмила Николаевна. 1950 г.р. Инженер-конструктор. Член Союза писателей России с 1994г.

Людмила Николаевна Филатова живёт и работает в Калуге, член Союза писателей России, лауреат всероссийских литературных премий «Звезда полей» им. Николая Рубцова и «Отчий дом» им. братьев И.В. и П.В. Киреевских, а также ряда калужских областных литературных премий, автор одиннадцати книг поэзии и двух сборников избранных, книг прозы и драматургии, публиковалась в антологии русской женской поэзии «Вечерний альбом» изд. «Современник», в сборнике «Современная русская лирика» изд. «Советская Россия», в «Антологии русского лиризма XX век и др. На стихи Филатовой написано немало музыкальных композиций и романсов. В литературно-поэтическом театре поставлена пьеса в стихах «Мена» и три поэтических спектакля. Калужским телевидением по книге «Позднее свидание» был снят художественный фильм «Свидание».

АФОРИЗМЫ

Примером бесконечности в первую очередь может служить сама мысль о ней.

Признак гениальности – это, играючи, посягать на невозможное.

Беспощадность – скорее всего уродец воинствующей любви.

Все предыдущие мужчины лишь для того, чтобы научиться всё прощать последнему.

Бессмертие – это лишь стимул-миф для суетного тщеславия.

Призывает смерть тот, кто ничему не научился у жизни.

Любя всех, вряд ли любишь хоть кого-то.

Благоразумие – блаженство слепого отказа от неведомого.

В Бога верит не разум, а бессмертная душа. Она его видела.

Борьба – это столкновение неуверенных в себе истин.

Боязнь – дитя неведения.

Бравада – отрывка неосуществимого превосходства.

Большинство – это опасное скопление противоречащих друг другу меньшинств.

Будущее это результат самопожертвования настоящего.

Скопище наших желаний – это тренажёр познания мира.

Беспринципность – хаос сознания.

Любое творение Божье, осознавшее понятие «совесть» – уже Человек.

Возводящий крепость, заведомо не уверен в себе, а значит уже готов к её сдаче.

Долг – верига совести.

Вера – полная самоотдача идеалу.

У полного счастья совершенно нет совести!

Что может знать о страсти голова? Одни слова. И те чужие.

Долубите друг друга здесь. Там не дадут.

На обочине жизни душа отдыхает.

Зачастую бывает стыдно, насытившись одной мыслью, изменить ей с последующей.

Чтоб стать властителем высот, иным высоты не хватает.

Если жизнь хорошенько разбавить, она вряд ли покажется полной.

Больше всего мы надоедаем себе. Слишком много общения.

Человек со стороны – это возможность попробовать себя на вкус чужими глазами.

Постоянное ожидание чего-то – это и есть молодость?

От злого радения добра не бывает.

Хуже непрошеного гостя только доморощенный хам.

Нет ничего страшнее сломанной игрушки. Ведь перестав быть чем-то, она может стать чем угодно!

Опасность бродит подле красоты.

Боль, это и есть дорога в мир иной?..

Старость – это крепко сколоченная клетка для молодости.

Разрушая настоящее, мы делаем бессмысленным прошлое и теряем надежду на будущее.

Прав не тот, кто прав, а тот, кто счастлив!

Иногда, чтобы обрести крылья, приходится сломать ноги.

Благословенна глупость, ведь она – признак молодости.

Ум в женщине – это дурь.

Размышление – это доверительная беседа с самим собой.

Счастье – это ощущать здоровье, силу, сладкое утомленье от труда в охотку и вполне заслуженное право на рай безделья и свободных размышлений.

*Чеботарёва Лидия Викторовна.
1949 г.р. Преподаватель.*

Лидия ЧЕБОТАРЁВА

Родилась и всю жизнь прожила в Калуге. Мои детство и юность пришлись на 1950-60-годы. Это было время созидания, радости, энтузиазма и дружбы. Таковы мои корни из детства, и всё это присутствует во мне по сей день.

Стихи писала ещё в юности, пробовала себя и в журналистике. Получалось. Однако, случайно столкнувшись с экономикой, увидела её многогранность и бесконечность.

Это было захватывающе. После окончания планового отделения Калужского кооперативного техникума закончила ВЗФЭИ. Работала экономистом, в затем с конца 1980-х г.г. преподавателем экономических дисциплин (экономика, бухгалтерский учёт, экономика региона, государственное регулирование экономики, аудит) в калужском технологическом колледже.

Колледж для меня оказался мощным университетом, развившим моё мышление, психологию, общение, творчество и здоровый авантюризм. Ситуация 90-х годов заставляла крутиться, как белку в колесе. Смогу или нет – думать было некогда. Помогал девиз: «Должен – значит могу!» (гравировка на старинном клинке, XVII век).

В середине 90-х организовала студенческий клуб «Голос молодых» (большие тематические стенгазеты, меропрятия колледжа, авторские песни и стихи студентов). При поддержке инициативной группы преподавателей мной в 2006 году было положено начало общественной некоммерческой организации «Сапфир» социально-творческого направления (расшифровывается как Созидание, Альтруизм, Патриотизм, Фантазия, Интеллект, Разум), которая занималась выпуском тематической газеты «Сапфир», организацией фотовыставок, литературно-художественным творчеством, авторской песней. Финан-

совую поддержку оказывало КОО международного общественного фонда «Российский Фонд Мира».

В 2014 году получила Диплом за участие в городском конкурсе на лучшую песню о Калуге «Мой любимый город». Имею Благодарность Губернатора, Почётную грамоту КОО Международного общественного фонда «Российский Фонд Мира».

Стихи, эссе и небольшие рассказы печатались в периодических изданиях и в литературном альманахе «Галерея». Составлены подборки стихов «Калуга – город мой», «Унылая пора...», «Я и ты», «Восходит солнце на востоке», «Шансон!». Возможно, некоторые из них я объединю и напечатаю вместе с фотографиями.

Коллекционирую цитаты, девизы, пословицы.

ГОРОД МОЙ

Ты на холме стоишь в просторе синем,
Сродни тебе все русские края,
Зелёная жемчужина России,
Родная подмосковная земля.

Издалека кресты на церквях видны,
В лазурной синеве блестят они...
Твой возраст – шесть веков – такой солидный,
Калуга – город милой старины.

Калуга – город космоса и света,
С далёкой Циолковского поры
Здесь зарождались первые ракеты
И изучались звёздные миры.

А у подножья города Калуги
Течёт неторопливая Ока...
И обвивая лентой город с юга,
Ласкает взоры русская река.

Ты процветай в веках под небом синим,
Корнями крепни на родной земле –
Один из лучших городов России
Калуга – город на большом холме.

МОЛИТВОЮ БЛАГОСЛОВЛЯЯ

Весь в мраморе, жить продолжая,
Глядит на мир Кукша святой,
Молитвою благословляя,
Он держит крест перед собой.

И сила есть от той молитвы,
И от креста, и от лица...
Стояла я, слегка склонившись,
Творя молитву до конца.

Но холод гнал, и я в соборе,
Дрожа, как лист, нашла приют.
В святых местах уходит горе,
Рождаются надежды тут.

И я зажгла свечу под сводом...
Там, наверху, снаружи – крест
Уходит в небо, где свобода,
Где Высший Разум – Бог ведь есть!

Перед иконой я просила
У Бога главного – ума,
Здоровья, мудрости и силы,
Прощения просила я.

И благодарность в сердце зрела,
И мир светлел в моих глазах...
Прощение... Святое дело
Вершит Господь на небесах.

ГУЛЯЕМ ПОД ДОЖДЁМ!

Октябрьским понурим днём
Печально-сиротливы дали...
Почти все листья уж опали
С ветвей, поникших под дождём.
В мы с тобой гулять идём!

А мы с тобой гулять идём
По этой слякотной погоде...
Да, мы гуляем под дождём, –
Мы любим это время года

За красоту, за эту грусть,
Пронизанную восхищеньем,
За тихое души томленье...
А непогода...

Ну и пусть!
И мы гуляем под зонтом!

АУРА ОСОБЕННОГО МИРА

На моём высоком этаже –
Аура особенного мира –
В синем небе вся моя квартира,
Да и я не на земле уже.

Здесь совсем другая тишина,
Яркие герани на окошках,
В ласковом покое мои кошки –
Стало быть, живу я не одна.

Рыжий шмель, огромный и пушистый,
Совершил по комнате полёт.
Он гудел, как будто самолёт –
Звук был низкий, медленный и чистый.

Залетают бабочки ко мне,
Крылышками яркими махая,
Майский жук влетел в начале мая –
Свет его привлёк в моём окне.

На моём высоком этаже
Я привыкла к небу и покою...
Жизнь здесь ощущается другою –
На моём высоком этаже.

Виктор ЧЕРНЯВСКИЙ

Родился в 1959г. Родной город – Северодонецк, почти полжизни там пролетело. Тридцатилетие встретил в Калуге. Работал на различных предприятиях, более 20 лет в системе РЖД. Женат, подрастают внуки.

Все ранее опубликованные стихотворные тексты написаны мною, начиная с 2017г., по вдохновению свыше.

*Чернявский Виктор Анатольевич. 1959 г.р. Химик-технолог.
Автор двух книг поэзии.*

* * *

Поэзия в чистом виде –
Природная красота
Розовых контуров рта
Дошедшая от родителей,
Зрелая и спасительная,
Многими не замечаемая,
Кольцевыми трамвайными линиями
Стальных раскалённых нитей
Вплетённая в жаркий май
Натянутыми лонжами,
Жаль, никогда не лопнувшими,
Даже на полном галопе
Жизни, послушной лошадыю
В свою великую пропасть
Летящую, ржущую, – Adieu,
Я не принимаю июнь,
Добавляющий новые лета
Тяжелеющим веточкам-ветлам
В уголках прекрасного рта!..

* * *

На первое была весна,
День с памятной великой датой
И вид на площадь из окна
На победителей-солдат.
Почти и не осталось их –
По одному на миллионы
Из брошенных в сороковые
Пехотных сводных батальонов.
Припоминаю — был салат
(Остались в памяти маслины),
Горящие поля и хаты,
И поперечные морщины
Из кинохроники на лицах,
Осколок от разрыва мины,
Вагонный госпиталь-больница
И мясо нежное, куриное
Вы подавали на второе,
И полусладкое вино,
И небо помню голубое...
Или привиделось в окно...

* * *

Я искал пропавшее эго –
Где это эго бегаёт?
Куда же оно спряталось,
В море Эгейском что ли?
Молчало эго,
Притворялось эхом
В дальних заброшенных штольнях,
Криками – э-ге-гей! –
На просторах сухих степей.
Потом вдруг объявилось,
Будто с луны свалилось.
Поздно! – сказал. – Забей...

* * *

Серая мостовая
Из прямоугольных кирпичиков
На улице Театральной
Выглядит мозаично.
Её уложили узбеки,
Так дети собрали бы кубики
Бульонные, из бомж-пакетов,
Прессованных вредных продуктов
Типа Gallina Blanca,
Когда сидишь на мели.
Дворники спозаранок
Чистоту навели.
Серебристого цвета
Осенняя кружится пыль,
Попутные сильные ветры
В бездну несут Пересильд.
Известный в округе учитель,
Отставив велосипед,
Разглядывает орбиту
Острой бородкой вверх.
Свежекрашенной бронзой
Велик на солнце блестит,
В блаженных, сбывшихся грёзах
Спутник к звёздам летит.
Тихо парят в невесомости
Церкви, жилые дома,
Старый тополь без кроны,
Вывеска «Шаурма»,
Дамы с тату, подростки,
Подпившие мужики –
Застыла над городом осень,
Стынет вода у реки.

* * *

Мои стихи доступны математикам –
С переизбытком сложных уравнений,
Со множеством предписывающих знаков,
Проблемами при извлечении корней.
Они просты для декламации астматиками
Где не приветствуются придыхания,
Так быстро отнимающие силы
При чтении произведений мэтров,
Понятны выходцам из снежной Аттики –
В них есть своё очарование
С привычной слуху школьной геометрией.

* * *

Это было – может, во сне,
Может, ещё где-то,
Глубоко-глубоко во мне.
Надбитые статуэтки
Держали раскрытые зонтики,
Как на картинах Моне.
Звёзды раскрасили город
В холодный неоновый цвет.
Невидимые боги
Бросали медленный снег.
Влажно блеснули глаза
Сквозь радужные линзы.
Мне выпало три туза
В кармане потёртых джинсов.

* * *

Наш пекинес со мной выходит в лес
Пометить придорожные деревья.
Ровесник мой, хотя ему лишь девять,
Он знает все природные явления.

Его отцы видали Лао Цзы,
Я помню Чан Кай Ши и Мао.
Воспоминания с собой мы пронесли,
Их набралось уже немало.

Он глух, подслеповат и молчалив,
С ушей свисают шерстяные ости.
Бездонные глаза блестят маслинами
И вечно влажен чёрный плоский нос.

Мы проникаемся ученьем дзен
И наблюдаем наш суетный мир.
Мой друг всегда спокоен и смирен,
Его взволнуют лишь желток и сыр.

Философ и к тому ж натуралист
Он метит придорожные деревья,
Ровесник мой, хотя ему лишь девять –
Короткая она, собачья жизнь...

* * *

Февральский снег несёт покой больниц,
Окутывает раны белой марлей
Подобно милосердию сестриц.
А в марте, запоздалом марте
Бинты разрежут. Ласковый апрель
Подсушит солнцем мокнущие швы,
Готова бриллиантовую зелень –
Лечебные ростки живой травы.

Виктор ШАБРОВ

Шабров Виктор Валентинович родился в г. Касимове Рязанской области. Пионерские, комсомольские годы в средней школе №4. Училище водного транспорта, автошкола ДОСААФ, служба в Советской Армии в Прибалтике, Тульский педагогический институт им. Л.Н. Толстого. С 1997 года проживает в Калуге. Работал в разных сферах.

*Шабров Виктор Валентинович.
1966 г.р. Педагог.*

* * *

Мне б теперь заняться прозой,
Только что-то скучно мне,
И душа зашепчет слёзно:
Где та ночка при луне?

Где же годы, что умчались
Словно кони быстро вскачь,
Где с любимой мы встречались?
Ты, душа моя, не плачь.

Эх, душа, довольно, хватит,
Что скулить и горевать?
Ведь луна на водной глади
Нам не будет уж сверкать.

Там, где окские просторы
Счастье было и беда.
Мы не встретим вместе зори,
Мы расстались навсегда!

* * *

Да, я, конечно, проиграл,
И мне уже не отыграться,
Ведь жизни срок, он очень мал,
Года назад не возвратятся.

Недавно бегал пацаном,
А вот уже совсем жених,
И от друзей своих тайком
Уже написан первый стих

О чувствах вспыхнувшей любви
К девчонке нежной, озорной,
И как запели соловьи
Той романтической весной.

Но шли года, прочь уходили,
Девчонка расцвела красоткой,
Любовь мы с ней не сохранили,
Не до вина мне, выпью водку.

За то, что я теперь один
И в небо вглядываюсь часто
Осенний журавлиный клин
Мне не накличет, знаю, счастье.

Да, я, конечно, проиграл,
И козырь мне помочь не сможет,
Ведь жизни срок – он очень мал.
Кто в этом мире я? Да так, прохожий.

* * *

В чём проблемы в твоей жизни?
Слышал я порой:
– Ты смотри, давай не кисни,
Ты же парень молодой.

И светил на небе месяц,
Он был с нами заодно.
Я же пел девчонкам песни,
Хорошо гулять весной!

Отзвучавшие аккорды
Напоследок с песней грустной,
И летят стрелою годы,
В роще нашей стало пусто.

От иных уж нет известий,
А других пропал и след.
Вот проблема, не ровесник
Юным я, тут спору нет.

Но всё так же светит месяц
Точкой тёмной озорной.
И спою ещё я песни,
Ведь в душе я молодой!

* * *

Я давно в тех местах уже не был,
И забыть я о них не сумел,
Где синело так ласково небо,
Да и туч грозowych не робел.

Там за логом широкое поле,
Добежать я спешил поскорей
В этот рай и, пьянея от воли,
Я знакомых встречал лошадей.

Оседлать я был в силах любую,
Не боялся упасть на скаку.
Так о чём же теперь я тоскую?
Может быть, по тому рысаку?

Нам навстречу и ветер, и счастье,
Вскачь к берёзкам, что пляшут в дали.
А теперь на ходу не упасть бы,
Сам не знаешь уж, где заболит.

Встреч не будет уж с хлебом и солью,
Что жалеть и о чём мне грустить?
Где за логом широкое поле,
Как же трудно к нему мне дойти.

Я не знаю, какой там порядок,
Есть ли выпас, как встарь, лошадей?
Не один уж промчался десяток
Скоротечной жизни моей!

Геннадий ЭЙКИН

Что можно сказать о себе? В целом немного. Я родился в октябре 1951 года, первое место жительства – это Гостиные ряды на площади Ленина.

Мне повезло жить там аж до трёх лет, потом их расселили.

Моя школа, знаменитая школа, ныне гимназия им. К.Э. Циолковского. Ей я премного благодарен. Потом армия, два года в пограничных войсках, затем институт МАИ и... Потом свободное плавание по жизни. Начал писать в институте, это была проба пера, но иногда что-то получалось. Довольно поздно, ближе к 50, открылся источник, и это было жизненно необходимым для меня. На сегодня на скромную книгу моей фантазии хватает.

*Эйкин Геннадий Георгиевич.
1951 г.р. Инженер.*

* * *

В далёкие страны желаем уехать,
Хотим разобраться в природе успеха,
Заботит всех нас счастья частица,
Познаем всё это и будем молиться.

Любви, Доброте колени преклоним,
Надежде и Вере мы стелу построим,
А Дружбу и Верность вернём в осязанье
Всё это непросто, но в этом призванье.

Обнять невозможное будет возможно,
Простить не прощённое, как это сложно,
И как же всё это вложить в человека?
В душе пустота, то влияние века.

И всё же Душа вдруг поднимет восстанье
Сметёт с пьедестала ложь, деньги и званья,
Постелет ковер из добра и доверья,
И будет примета, и будет поверье.

* * *

Я потревожил Вас строкой,
И вас прошу, меня простите,
Вновь погружаясь в свой покой,
Меня за это не корите.

Покой, где блещут эполеты,
Веков ушедших аромат,
Где утончённые поэты
Вас славят, балуют, манят.

Вас превозносят, обожают,
В надежде в вас найти приют,
Ах, как прекрасно, вас все знают
И дифирамбы вам поют.

Сопровождать Вас все желают,
Пленяясь юной красотой,
И вдруг сердца огнём пылают
Сжигая душу и покой.

Но жест Любви нас безрассудней,
Во веки вечен он и свят.
Найдешь её среди всех будней.
И ею будешь ты распят.

Но этот крест не зрим и нежен,
Он полон жизни и чудес
И горизонт опять безбрежен,
И к жизни ты опять воскрес.

*Эйкина Наталья Георгиевна.
1963 г.р. Педагог-музыкант.
Автор сборника поэзии и прозы
и трёх CD-альбомов песен.*

Наталья ЭЙКИНА

МОИ МЕЛОДИИ

Наверное, в любом возрасте происходит осознание самого себя. В разное время и по-разному.

Сию и думаю – о чём написать сегодня, когда уже большая часть жизни позади?!

Подумала о музыке, она прочно со мной связана с детства, и до сих пор я нахожу в ней и отдохновение для души, и счастье от занятий любимым делом. И пришла мысль – поведать о себе через то, что рождает

музыка во мне – это самые различные мелодии!

Для удобства буду писать сокращённо: ММ.

ММ – это моя вера, надежда, любовь, они все звучат на свой лад.

Вера звучит тихо и глубоко. Как водопад омывает и очищает всё, что мне выпало прожить. Она есть та сила духа, без которой не смогла бы звучать ни одна часть музыкальной мозаики.

Сама жизнь наполняет смыслом и раздаёт свои партитуры разным инструментам души. По ним легко бегать и считывать мелодии каждого дня. Звучать в согласии с чужими оркестрами – это уже о надежде.

ММ – это сердце, которое стучит и наполняет силами весь организм, помогает быть созвучной с природой, погодой, и со всем, что меня окружает:

- с каплей весенней,
- с шумом морского прибоя в ярком преломлении воды и солнечного света,
- со снежной кутерьмой,
- и с горящими разноцветьем, листьями осени.

Мелодии складываются из всех душевных и сердечных чувств, переживаний, отношений между людьми. Они несут в себе больше мажорных звучаний. Минорные – светлые мелодии дают возможность ещё ярче услышать радостные созвучия! Они в свою очередь, обогащают всё моё внутреннее пространство, где гармония чувств и мыслей, созвучие сердце и ума, успокаивают все боли, неправильности, какофонию и диссонансы мира. Это о любви.

ММ – это моя память, которая хранит прошлое, даёт возможность сегодня жить полноценно, а завтрашний день наполнит её ещё одним файлом, и сделает меня богаче.

Мои Мелодии – это сама жизнь во всех её проявлениях, богатая на добро и радость.

Я ЛЮБЛЮ СУМЕРКИ

Я люблю сумерки, когда они на стенах всеми оттенками теней рисуют вечер. А он тихо перетекает из окна в комнату и ложится мелко дрожащим узором.

Легко и приятно наблюдать, как молочно-вечерняя гуща лепит своих героев, а они, в свою очередь, расходятся по всей комнате самыми невероятными композициями. Где-то больше тени, где-то больше сливок, а кое-где пролиты капли вечернего света, липкого, как ликёр...

Одурманивает эта лёгкая, предвечерняя, предночная музыка... Тихо, тихо... Нотка за ноткой... И уже звучит сумеречный блюз, и на душе так хорошо и спокойно, что и в самом деле легко отпускаешь прошедший день и разрешаешь ночному гостю войти в комнату.

Разводами горького шоколада он цепляется за занавески длинными серпантинными завитушками.

Сумерки... Это что-то уже законченное, прожитое, когда чувствуешь свободу от ушедших напряжений и дел, запятая дна...

За ней наступает свой черёд для обновления, в комнате что-то меняется: это либо робкое колебание огонька свечей, либо неяркий отсвет лампы, или игра света и тени. Ну, тут уже видишь, как молчаливо устроившийся за окном закат мерно разбрасывает по стенам по-

лоски догорающих и расцветающих именно в ночи цветочных аллюзий.

Чудесное время суток сумерки. Люблю и очарована, очарована и счастлива, а на самом деле это просто моё отношение к жизни!

Р. С. День ушёл, а меня коснулось что-то мягкое, нежное, пушистое и тёплое, замурчало и... Я уснула.

ПРО БАБОЧКУ...

Она не была его любимой женщиной. Она просто была рядом, с ней было удобно, приятно, хорошо и всё. Во сне она приходила в разных образах – то привидится птицей, но он понимал, что это она. Иногда собачкой лънёт к нему, во сне, и вроде погладишь, и хватает ласки ей, ведь он понимал, что вот опять приснилась...

А в жизни они виделись редко, даже когда он заходил в гости, то часть времени с ней пробегала в дремоте, вроде забылся, а она рядышком, ну, прямо, как во сне кошечкой уляжется рядом и не понятно ему было: сон это или правда? Да только придя в себя, он отправлялся домой, оставляя после себя тонкий аромат мужской нежности вперемишку с перегаром, и туалетной воды остаток она вдыхала с его подушки, провожая мысленно до двери... Непонятно что это были за отношения, но его любимой женщиной она не была ни во сне, ни наяву.

Хотя всякий раз он чувствовал к ней такую привязанность, такую щемящую душу сердечность, нежность, что трудно было понять: кто она ему?! Да, в общем-то и не требовалось никаких объяснений. Ей, как женщине, хотелось услышать в свой адрес тёплые слова, но он редко грел словами, больше заботой говорил.

Придёт, вроде и сил нет, и денег немного, а он возьми да купи огромную коробку зефира, помнит, что просила. То арбуз 10-килограммовый еле на второй этаж подымет, или просто даст денег, и купи сама себе что хочешь!!! Ведь что-то признать, да ещё и высказать, выпустить на белый свет свои сомнения, чувства, как джинна из бутылки, он просто боялся.

Себе не доверяя, её странность принимая во внимание, он не мог или не хотел придать этим отношениям какой-либо статус определённости. Прошлые браки, отношения с женщинами, он тяжело переживал разводы, и ни в какие новые отношения не желал впрягаться и терять свою свободу.

Иллюзии, миражи счастья, да зачем?! Живу без этого очага страстей и выяснения – кто чего кому обязан, вот и славно! О какой любви могла идти речь, когда в душе всё было выжжено и прошлыми отношениями, и сопровождающей всю его жизнь болезнью чисто русского человека. Нельзя было сказать, что на нём следовало поставить точку. Но не видеть, как ему мешает жить эта зараза, было трудно. Она в начале пыталась чем-то помочь, но все попытки заканчивались на пороге его судьбы! Не было причины, почему он заболел, не было и желания выздороветь! Ни ради неё, ни ради родителей, ни ради ребенка, ни ради самой жизни. Его надёжный транквилизатор, привычный уклад жизни, где что хочу, то ворочу, устраивали, и заменить эту иллюзию не подымались руки. Поэтому она просто любила и жалела его, не пытаясь ни лечить, ни вразумлять, ни менять. Друзья любили его так, и она была его другом.

Вроде бы выписалось всё то, что нужно было сказать, но поставить точку хочется с перспективой надежды и тихой радости о том, что они всё же вместе, вдвоём, рядышком.

А этого по нашим временам уже не мало. Может, этот не яркий огонек отношений будет согревать долгие годы их общения, а сказать или не высказать не так уж и важно. «Слова иногда мешают понимать друг друга», – это Экзюпери. «Как много доброты в молчаньи», – это слова Окуджавы. «Совсем не знак бездушья молчаливость, гремит лишь то, что пусто изнутри», – сказал Шекспир. Вот и выбирай на чём или ком поставить точку. Самое главное – они вместе, огонёк горит, остальное в их руках. Ведь бабочка уже присела на ступеньку их встречи...

Зубарева (Эсса) Людмила Григорьевна. Член Союза художников Украины. Член творческого актива Союза художников России в Калуге. Педагог. Автор двух книг поэзии.

Людмила ЭССА

АНГЕЛ ПРИЛЕТЕЛ

Когда мы должны были завершить роспись и немного не успевали к сроку, я подключила к работе своего отца и пятилетнего сына. Раздав им кисти и вручив по баночке краски, я показала, где нужно закрасить этим цветом.

Они с удовольствием взялись за столь интересное для них дело.

Отец красил, высунув кончик языка, сын вывозился до макушки, но самозабвенно втирал краску в стену.

Вдруг стало необычайно тихо, исчезли все звуки, доносившиеся с улицы, блики уже заходящего солнца

диагоналями легли на стену, на которой были изображены птицы и цветы, и солнце, и весь цветущий мир. И тогда я старательно обрисовала эти блики, в точности повторив даже чудесный цвет абрикосового закатного светила, дополнив роспись таким необычным эффектом.

Это удивительным образом оживило и завершило нашу работу. На душе сделалось радостно и как-то спокойно.

И отец вдруг сказал,

– Ангел прилетел, – и тут же пояснил, – так обычно говорят, когда что-то делаешь, и наступают такие замечательные минуты тишины, как сейчас.

Я поглядела на них, они, казалось, испытывали то же, что и я – ощущение счастья и радости переполняло их души. И мы, закончив работу и вымыв кисти, с лёгким сердцем ушли оттуда, а потом и вовсе уехали из этого го-

рода, а потом и из страны. Отца давно уже нет, а сын вырос, и сам делает свои росписи и проекты.

Но мы всегда говорим – это ангел прилетел, когда вдруг в какие-то моменты работы, наступает тишина, ощущение присутствия чего-то непонятного, прекрасного, высшего, пробуждающего все лучшие чувства.

Наступает то особое состояние души, когда кажется, что рядом происходит некое чудо, наверное, тогда и прилетает он, тот самый Ангел.

ДЫШАТЬ И ЖИТЬ

Как будто тихо, некуда спешить,
Только дышать и жить, дышать и жить...

И снова дождь и некуда идти,
И никуда спешить уже не надо,
Прольются, шелестя, дожди,
Прорвутся небеса – до листопада,

Когда сыреет осени туман,
Дуреющею влагой укрывая
Пожухлость предосеннюю полян,
Последним соком лета истекая,

Когда ненастьем ливни принесло,
И вымпелы былых побед забыты,
Разорван парус, сломано весло –
Всё, что надёжно нам казалось – смыто.

Щемит на сердце, прошлое – прошло?
Но память светлой тенью притаилась,
По стёклам капли – время... истекло?
И вдруг душа к дождю окном открылась,

А там озон, по листьям шелестит,
И жить так хочется, дышать и только жить...
Только дышать и жить,
Дышать и жить...

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Стройность клина храним
В синеве тишины,
Сквозь пространства летим
От зимы до весны.

В преломленье миров –
Блеск святого огня,
Среди таинства снов
Ты узнаешь меня.

Среди света вершин
И в сиянье зари,
Перелётный наш клин,
Исчезаем – смотри.

*

Воздух алых закатов
Ароматен и густ –
Как рябины объятый
Полыханием куст.

Нас носили потоки
Всех времён и пространств –
Там открылись истоки
Неизвестные нам.

Лишь полоска заката
Возле края земли,
Будет точкой возврата...
Но там встретимся ли?

МОТЫЛЁК

Мой легкокрылый, светлый мотылёк,
Опять ты, весело смеясь, летишь ко мне,
Размах прозрачных крыльев неширок,
Летишь, в счастливом детском полусне.

Полузабота, полуявь, полупечаль,
Очерчен круг пока всех радостей твоих,
Но что это?! Летишь к огню, к свече... как жаль,
И мне так хочется тебя, мой друг, спасти,

Ведь тёплый солнца свет – не тот, что свет огня –
Лучами благодати сердце освети,
И у открытого в цветущий сад окна
Шепчу тебе, лети, мой мотылёк, лети, лети...

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Гложет ветер жёсть на крыше,
Стёкла окон прогибает,
Будто кто-то хрипло дышит,
Тот, кто всё на свете знает.

Ну, а может быть не ветер
Оторвал кусок железный,
Может, кто-то ждёт на свете...
В дверь стучаться – бесполезно.

И надрывно с ветром в душу –
Из забвенья проникает,
Может, ветер всё ж разрушит,
То, что кто-то там скрывает.

Лижет дождь мне с окон копоть –
След земных цивилизаций,
Крышу рвёт осенний коготь,
Металлическим форзацем.

ИЗ ФОНДОВ

26 октября 2019г. Картинная галерея Л. Климентовской

Виктор ЛАРЕЕВ

НАШ ПОЭТ ИЗ ТОВАРКОВО

Виктор Лареев присоединился к нашему литклубу 26 октября 2019 года – в тот день мы проводили в картинной галерее Людмилы Климентовской одну из наших «Копилок» – периодических сборных литературно-музыкальных программ. После того, как все заявленные участники выступили, из зала прозвучал вопрос: «А можно поэт из Товарково почи-

тает?» И мы неожиданно для себя услышали настоящую глубокую и красивую лирику.

Так Виктор стал нашим «галерейцем». Жаль, что пробыли вместе мы недолго, всего два с небольшим года, но совместное это литературное пребывание не было пустым и формальным, и Виктор оставил следы в истории «Галереи»: участвовал в «Копилках» и Дне поэзии 2021 года, выступал на православной выставке-ярмарке «Мир и Клир» в 2019 году и выставке-ярмарке «Активный отдых-2020», в марте 2020 года провёл в галерее Климентовской свой творческий вечер-презентацию книги «Между временным и вечным», помог с изданием сборника стихотворений Валерия Иванова и участвовал в его презентации в библиотеке Белинского в октябре 2021 года, печатался в альманахах «Галерея» и «Облака»; во время пандемии охотно подключался к онлайн-проектам галереи Климентовской и с помощью сына Николая записывал для них видео со своими стихотворениями.

*Выставка-ярмарка «Мир и Клик», ноябрь 2019г.
Выставочный комплекс «Анненки». Слева направо: Николай Лареев,
Виктор Лареев, Маргарита Бендрышева.*

Вообще если говорить о писательской судьбе Виктора Лареева, нужно признать, что успел сделать он много, хотя пришёл в литературу поздно. «Никакой установки стать поэтом у Виктора никогда не было», – вспоминает в предисловии к первой книге Лареева его институтский товарищ, поэт и краевед Юрий Холопов.

Виктор Лареев родился 12 января 1957 года в д. Ульшино Дзержинского района Калужской области. После службы в армии поступил на литфак Калужского государственного педагогического института, а окончив его, обзавёлся семьёй и отработал три года учителем русского языка и литературы в Манинской средней школе Людиновского района.

В 1985 году Виктор Лареев переехал в п. Товарково и до своего ухода на пенсию в 2000 году работал сначала в органах Дзержинского РОВД, а затем и в УВД Калужской области. Все эти годы поэзия дремала в его душе, выплёскиваясь иногда редкими стихотворениями, и лишь на шестом десятке Виктор серьёзно обратился к творчеству. В 2016 году в калужском издательстве «СерНа» вы-

шел в свет первый стихотворный сборник Виктора Ларева «Я иду прозрачным коридором...». А дальше – лавина. В 2017 году появился сборник «Своей любви я строю этажи...», в 2018 – «Основа души», в 2020 – «Между временным и вечным», в 2021 – большая книга «В кольце судьбы». Впереди были планы, например, выпуск с православным поэтом Валерием Ивановым совместного сборника, который стал бы своеобразной переключкой двух разных голосов...

*Выставка-ярмарка «Активный отдых» 25 октября 2020г.
Выставочный комплекс «Анненки». Слева направо: Александр Хмелевский, Валерий Иванов, Ирина Сулимова, Илья Алексеев, Маргарита Бендрышева, Вячеслав Ботук, Виктор Ларев.*

И пусть сам Виктор сомневался в себе: «До сих пор не могу привыкнуть к слову «поэт». Поэт ли я? Когда меня так называют, я могу сильно покраснеть, испытываю дискомфорт», его чистая и высокая поэзия говорит за него вернее его самого. Вдохновение не покидало Виктора почти до конца, до непродолжительной, но беспощадной болезни. У меня сохранилась наша с ним рабочая переписка в WhatsApp, в которой мы обсуждали свежие стихи.

Мне думается, это дорогое свидетельство творческого процесса, поэтому не сомневаюсь в необходимости поделиться ею со всеми читателями. Мы сможем понять, какие темы волновали Виктора Лареева в последний декабрь его жизни, какие настроения сменяли друг друга и, самое ценное, в скромных авторских ремарках ещё чуть-чуть напоследок послушаем его голос.

Маргарита Бендрышева

СТИХИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕКАБРЯ

01.12.2021. Я узнал о планах «Облаков» принимать в альманах стихи об Оке. Ну и написал...

ОКА

Я над Окой на берегу
Смотрел течение вод
И леса зимнего в снегу
Рассматривал штрих-код.

И видел, как мрачнеет лес,
А кто-то с ним играл:
То сыпал манною с небес,
То вновь дождём смывал.

Я зиму жду, а в ней покой,
Необходимый мне,
Не тот, что с играми, лесной,
А тот, что в глубине

Остановившейся реки,
Где омут, толстый лёд,
Официальные звонки
Сам водяной берёт.

Когда усну, зимы приход
Увижу я во сне:
Из серых туч на зелень вод
Слетает белый снег.

НА ОКЕ С ВНУКОМ

...я говорю ему: «Ока»,
А внук мне говорит «пока»,
Глаза прищурил и смеётся,
И тянет деда за рукав.

«Нет, не "пока", а на века:
То – пограничная река,
На ней великие события
Запоминали облака.

И эти помнят берега,
Как злые полчища врага,
К тебе пытаясь, внук, пробиться,
Теряли крылья и рога.

Внук наклонился над водой:
«Какой же был бы я смешной»...
«Всё было хуже бы, родимый –
Нас просто не было б с тобой».

03.12.2021.

ОСЕНЬ НА ОКЕ

Кто-то щедрый много солнца бросил
В белизну обветренных берёст.
Это осень, золотая осень
Строит к сердцу свой воздушный мост.

По нему летят ко мне неспешно
Паутинки, запахи грибов...
Мир тебе, с орехами орешник,
Мир тебе, литая медь дубов.

Слушает река молчанье леса –
Весь багряно-жёлтый над водой.
Это осень – властная принцесса
Навестила храм свой золотой.

В шубе пёстрой, созерцая царство,
Знает то, о чём пока молчит:
Сбросит шубу, кинет всё богатство
И нагая к югу полетит.

04.12.2021. Так естественно и незаметно отпочковалось. Само собой:

Я любви изучаю каноны,
Этим я оправдать себя тщусь,
И хожу постоянно влюблённый,
Наслаждаясь мелодией чувств.

Без любви ни стихов и ни песен,
Так без света всё тает во мгле,
Этот мир только тем интересен,
Что живёт ярким светом во мне.

А с тобой может стать нашей песней,
Коль преграды тебе нипочём,
Ведь идём в этой жизни мы вместе,
Освещённые ярким лучом.

07.12.2021. Поспешил. Не доделал:

А в словах моих нежность и ласка.
Говорю их тебе от души.
Не внимай доброте их с опаской
И с упрёком смотреть не спеши.

Не ищи в этом умысла злого,
А почувствуй в них всю благодать.
Отчего просто доброе слово
Мы боимся друг другу сказать?

Вместе радуйся чувству такому,
Огрублением его не губи,
И даря свою радость другому,
Как себя ты его возлюби.

08.12.2021.

* * *

Ночью спят, а я пишу стихи ей.
Вьётся та верёвка, как вилась...
Чувств смятенье – мощная стихия,
Надо мной всегда имела власть.

В юности во снах ждала истома,
Словно в чувствах нежных я плыву.
Голос твой далёкий, но знакомый,
Я теперь услышал наяву.

Опыт сердца мучает и учит,
А когда экзамен этот сдам,
Стану снова приходить, как лучик,
Ищущий тебя по всем мирам.

09.12.2021. Мыслеформы бродят:

«Будто бы и не было в помине», –
Так обычно говорят, когда
Жизнь или событие отныне
В памяти исчезло навсегда.

Ну, а мне в помине, как в камине,
Рукописью жжёной пребывать:
В ней стихами нежными, простыми
О любви пытался рассказать.

* * *

Время кончается
Жизни, любви.
Да что угодно
Ещё назови...

Только у нас
Интересный момент:
Кончиться времени –
Времени нет.

10.12.2021. Так захотелось написать что-то простое, без наших заумных талантливых находок. Он взял и сам написался, без помарок:

ДЕД МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

Солнечный зайчик, ко мне заглянувший в окошко,
Странно, декабрь на дворе, и едва рассвело,
Может, хотел подбодрить меня чем-то немножко,
Может, последний проведаль и прыгнул в окно.

Будем отдельно мы в долгие зимние сутки
Солнце весеннее ждать и об играх мечтать,
Буду писать я смешные для них прибаутки,
Может, их станут стихами потом называть.

Спят мои зайцы, укрытые облачным пледом.
Спят мои чувства, а я охраняю их сон.
Снится во сне им горячее яркое лето,
Только Мазай озадачен – проснётся ли он...

18.12.2021.

ТВОРЧЕСТВО

Тишина. До полночи полшага.
В доме спят, и я сажусь писать.
Вот перо. Вот чистая бумага.
Вот он Бог. А вот родная мать.

Кто-то то смешливый, а то строгий
Говорит мне мой полночный стих,
Наполняет смыслом мои строки,
Я лишь переписываю их.

Эта связь то явственной, то глуше,
Я её не смею прерывать.
И ложатся мне стихи на душу,
Как их сам хотел бы написать.

Каждый стих мой – искреннее чувство,
Я дарю их близким и чужим...
Я делюсь дарованным искусством
Вместе с вдохновением моим.

22.12.2021.

УХОЖУ

Решено. Ухожу
Из игры этой грубо и резко.
Да и жизнь-то моя,
Что держал – выпадает из рук.
На вопросы свои
Не единожды слышал я веско:
«Мне ответить тебе
Нету лишней секунды, мой друг».

И самим же собой
Совершенно я не узнаваем
Оттого и другим
Не хочу быть задержкой во всём.
Жизнь свою всё равно
В прежнем виде не переиграем,
И какой в этом смысл
Проживать её прежним умом.

Уступаю другим.
Пусть резвится весёлая молодь.
Из-под пепла углём
Не разжечь больше зори мои.
Одиночество – старт,
К переходу готовящий холод,
Он поможет и мне
Одолеть притяженье земли.

30.12.2021.

* * *

Уходит день за тёмный бор,
На синий снег бросаю тени
Едва заметных с этих пор
Увявших соприкосновений.

Сиявших глаз и слов цветы
Поднимут звёздочки лучами
И станут сыпать с высоты
Их лепестки ночными снами.

Всю ночь виденья у окна,
А утром в чистые страницы,
В очарованье сказкой сна
Вернётся день... И жизнь продлится.

Александр ХМЕЛЕВСКИЙ

«Я – БРОДЯГА...»

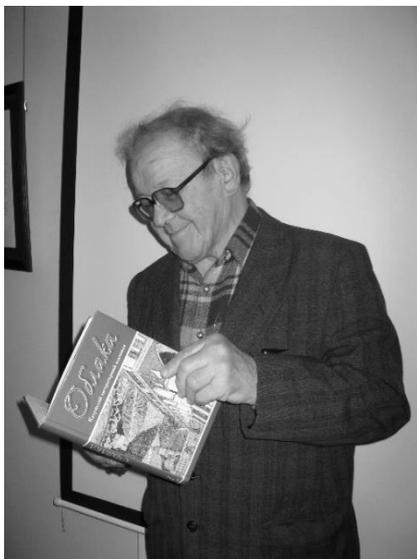
Первая половина жизни известного калужского прозаика, драматурга и литературоведа Александра Хмелевского прошла в Приморском крае. Родился Александр Сергеевич в 1947 году в городе Уссурийске. Закончил среднюю школу в 1966 году. Три года работал, затем в 1969 году поступил в

Дальневосточный государственный университет. По окончании ВУЗа жил и работал в Уссурийске.

После смерти горячо любимой матери Александр Хмелевский решил перебраться поближе к родине своих предков по материнской линии – белорусов. Сначала он попробовал жить в Москве, но потом надумал переехать в один из ближайших к столице областных центров и остановил свой выбор на Калуге. Так, в 1981 году у Александра Хмелевского началась новая – с нуля – жизнь.

Семьи Александр Сергеевич никогда не создавал, ценя свободу, независимость и творческое уединение.

«По натуре своей я – бродяга, космополит», – писал о себе Александр Хмелевский. Постепенно на новом месте он обзавёлся знакомствами и нашёл в некотором роде нетипичную работу... машинисткой в филиале «Всероссийского проектно-технологического института транспортного строительства». Сам он так рассказывал об этом периоде: «Дело в том, что к тому времени я умел работать на любых системах пишущих машин. И меня взяли. А через месяц мне предоставили даже отдельный кабинет». Девять лет во «ВПТИтрансстрой», шесть лет на аналогичной должности в машинописном бюро прокуратуры области...

*На презентации альманаха «Облака»
5 ноября 2019г.
Библиотека им. В.Г. Белинского*

В 2000 году в калужской «Приокской газете» Александром Хмелевским была напечатана новелла «Любви смертельное дыхание». С этого момента началась литературная судьба Александра Сергеевича, хотя писать он пробовал, и небезуспешно, ещё в юности – в авантюрно-приключенческом стиле: видимо, сказывалось историческое образование. Александр Хмелевский стал регулярно печататься не только в этой газете, но и в «Деловой провинции», а потом и в областной «Вести», «Калужских страницах», альманахах «Галерея», «Созвездие» и «Облака», в калужских краеведческих сборниках «Краеведение в сфере культуры и искусства», в московских изданиях – альманахе «Истоки» и журнале «Москва». Многочисленные публикации отличались разнообразием – это были историко-краеведческие очерки, художественные рассказы, мемуарные новеллы, литературоведческие статьи, статьи к юбилеям и мелкие заметки по случаю.

С 2007 года Александр Хмелевский написал несколько инсценировок и пьес для калужского Экспериментального театра Анатолия Сотника, на сцене которого с успехом прошли спектакли по пьесам «Очень хочу Вас видеть» (2010 год) и «Злодейка души моей» (2011 год), созданные к юбилею А. П. Чехова. На областном фестивале любительских театров «Дети Станиславского», состоявшемся в апреле 2018 года в ДК «Силикатный», спектакль «Что есть истина?», представляющий собой создан-

ную Хмелевским инсценировку главы романа Чингиза Айтматова «Плаха», стал лауреатом.

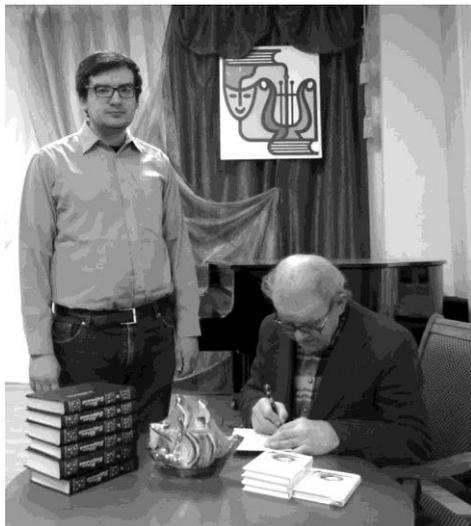

С актёрами и режиссёром Экспериментального театра после спектакля «Что есть истина?», апрель 2018г., ДК «Силикатный»

Своими приоритетными интересами Александр Хмелевский считал историю и литературоведение, посвящал много времени изучению любимого исторического периода – античности, собрав прекрасную библиотеку античных авторов.

Одним из своих любимых писателей Хмелевский называл А. Грина. В конце 2018 года в калужском издательстве «Политоп» вышла книга Александра Хмелевского «Эхо Александра Грина (Творчество. Судьба. Поэзия)», где он исследовал влияние творчества писателя на русскую литературу двадцатого столетия. В интервью Кириллу Гизетдинову Александр Хмелевский рассказывал: «В этой книге впервые в русской литературе собрана

русская поэзия, посвящённая Александру Грину. Впервые обрисовано влияние его творчества на русскую литературу XX века. Грин показан не только как прозаик, но и как поэт. Рассказано о судьбе творчества Грина как при его жизни, так и после смерти писателя. В «Эхе» впервые

*На презентации «Эха» в библиотеке
им. В.Г. Белинского 2 марта 2019г.
с Кириллом Гизетдиновым*

сформулировано литературоведческое определение термина «фантазмагория», в том числе и в применении к произведениям Грина. Также впервые собрана и исследована вся фильмография по творчеству Грина». Не зря Александр Сергеевич гордился этой книгой. Летом 2021 года он побывал в Феодосии на XXVI Международной научной конференции «Гриновские чтения-2021», где предста-

вил «Эхо» и выступил с докладом. Исполнил мечту...

Вскоре после возвращения Александр Хмелевский заболел, боролся, но не справился с недугом. А были планы... Я не знаю людей, которые так искренне и глубоко интересовались бы литературной жизнью Калуги, как Хмелевский. Он готовил сборник статей о творчестве калужских писателей и поэтов прошлого и настоящего: мне думается, это был бы прекрасный подарок краеведам и библиофилам города. Остался обширный архив, в котором мы нашли неопубликованную небольшую автобиографическую повесть о времени работы Александра Хмелевского в прокуратуре области. Пускай же она будет напечатана здесь.

Маргарита Бендрышева

СЕРПЕНТАРИЙ

Медитативно-элегическая повесть

По определению энциклопедического словаря, медитативно-элегическая (от лат. и греч. слов *meditation* и *elegos* – углублённо-целенаправленное размышление и жалоба) повесть – печально-раздумчивое повествование (часто в стихах), где осмысливается жестокость, лживость и равнодушие окружающего мира. Именно этот литературно-художественный жанр показался мне наиболее подходящим для написания этой новеллы.

Работа в правоохранительных органах в воображении обывателя окружена романтическим флёром, поддерживаемым книгами и фильмами, но мало кто из простых смертных представляет порядки, процветающие в стенах этих учреждений. Мне же выпало счастье – сомнительное, прямо скажу – увидеть деятельность подобной конторы изнутри. И у меня надолго сохранилось чувство бездельности, будто в серпентарий попал.

Однажды, когда я третий месяц бездельничал, мне сообщили, что меня разыскивает Алишина, хорошо знавшая меня по прежнему месту работы. Когда я ей позвонил, она объяснила, что в канцелярию требуется человек, чтобы заменить женщину, уходящую в отпуск.

Немного подумав, я решил попробовать. Канцелярия оказалась в здании прокуратуры. Алишина меня встретила, провела к начальнице канцелярии Билякиной, а потом я попал и к одному из заместителей главного прокурора. Меня разглядывали как диковинного зверя, но в общем-то благосклонно: мужчина! в канцелярии! надо же! После смотра меня решили взять – временно, на месяц.

Три недели я сидел в одном из кабинетов совершенно один: только бумаги приносили и уносили. К счастью, объём работы оказался не слишком большим.

Моя старательность произвела должное впечатление, и я стал штатным сотрудником канцелярии прокуратуры, где и проработал ряд лет, увидев изнутри всю эту систему.

К концу первого года работать мне здесь разонравилось. Прокуратура оказалась просто бюрократической конторой, где все отношения строились по законам чиновничества: профсоюза не было, подчинённые перед начальником любого уровня должны были стоять навытяжку и время от времени попрыгивать на задних лапках, а главный прокурор и его три (четыре?) заместителя вообще чувствовали себя небожителями, никого не видящими в упор.

Главный прокурор Стивалов (высокий, жирный и кривоногий) мог облагодетельствовать, а мог и жуткий разнос устроить – в какую сторону, как говорится, вожжа пойдёт. За примерами далеко ходить не надо. Ралецкая, работавшая тогда секретарём в приёмной, его приказом была переведена в бухгалтерию. Главбухша пыталась возражать, говоря, что у неё нет соответствующего образования, но Стивалов и слушать не захотел, рявкнув: «Хозяин здесь я! И всё будет по-моему».

Чванливо-пренебрежительное отношение к подчинённым практиковал и первый заместитель главного прокурора Серяк (маленький, тощенький, с вонючей сигаретой всегда в зубах или в руке). Когда к нему обращались с какой-либо просьбой, он всегда отвечал по-хамски: «Не нравится? Пиши заявление об увольнении! За воротами желающих много». Надо сказать, был один случай, когда Серяк расхвастался, рекламируя себя в отношениях с подчинёнными доброжелательным и покладистым гуманистом. От такой показухи люди только плевались.

Невнимание к людям всегда оборачивалось волюнтаризмом. И вот характерный пример. Начальник канцелярии Билякина, под руководством которой я работал, не обладая не только юридическим, но и каким-либо другим высшим образованием, имела – пожалованный ей начальством – чин юриста (юрист 3-го класса), получала при этом прокурорскую зарплату, пользуясь всеми льготами и, само собой, разбираясь в юриспруденции так же, как свинья в апельсинах. Нонсенс!

Игнорирование в прокуратуре моральных критериев приводило к ситуациям, близким к абсурду. С некоторых пор каждый – подчеркну: каждый! – уходящий на пенсию прокурор получал двадцать (!!!) полновесных окладов в виде поощрения. За какие заслуги? Может, показатели преступности резко шли вниз? А началось это – стоит вспомнить – на фоне повсеместной не только задержки, но и просто невыплаты заработной платы. И продолжается, насколько можно судить, и до сих пор.

В прокуратуре всегда много говорили о строжайшем соблюдении прокурорской этики, но это было лишь фигуральным выражением. Мне запомнился эпизод прямо-таки наплевательского отношения к человеку. Понадобилось срочно напечатать обвинительное заключение по делу объёмом более 700 машинописных страниц. Со стороны была приглашена высокопрофессиональная машинистка Деврикова. Даже по официальным, существовавшим тогда расценкам ей должны были выплатить не менее 1400 рублей и ещё выдать надбавку за срочность (как минимум, половину этой суммы). Получила же она на руки... 300 (триста!!!) рублей. Фактически эта сумма была ещё

меньше. Во время работы сломалась пишущая машинка, а так как у прокуратуры денег на её ремонт якобы не было, Деврикова выложила сотню из собственного кармана. Зато в приказе по прокуратуре ей вынесли горячую благодарность, пригодную лишь для гвоздика в туалете. Вот это и есть прокурорская лицемерно-подлая этика.

Впрочем, я не был удивлён таким отношением, потому что на своей шкуре испытал нечто подобное. На исходе второго года моей работы Билякина предложила мне выполнить, кроме моих собственных обязанностей, ещё работу двух машинисток, ушедших в отпуск, клятвенно заверив от имени руководства, что всё будет оплачено (я хорошо владел профессией машинистки высшей категории). И что же? Когда пришло время расчёта, мне оплатили работу только одной машинистки и сказали, что замещение второй оплате не подлежит – якобы по какому-то положению. Трижды я обращался к начальнице с просьбой оплатить всю проделанную работу, но она в раздражении отмахивалась от этих пустяков. Билякина вполне намеренно меня обманула.

Атмосфера, царившая в прокуратуре, как в капле воды была видна в таком, например, случае. Когда у одной сотрудницы умер сын, коллеги собрали ей на похороны значительную сумму денег. Оставив её на столе, она отлучилась куда-то на минутку, и этого времени хватило, чтобы деньги исчезли: кто-то из сослуживцев её обворовал. Вора, разумеется, не нашли. И какие могут быть после этого разговоры о борьбе с преступностью?

Была ещё одна неприятная сторона социального свойства – зарплата. Работники канцелярии получали – со всеми надбавками! – от 300 до 400 рублей. Это вполне было сопоставимо с зарплатой тогдашнего дворника, которую он получал без надбавок. Прокуроры получали в районе двух с половиной тысяч, а главный прокурор и его заместители – по 10-12 тысяч. Просто вопиющая несправедливость!

На свои тысячи прокуроры жили ой как припеваючи, но они при этом всё время плакались: какие мы бедные! Особенно в этом отношении отличались две прокурорши. В очереди за зарплатой первая жалобным голоском скулила: «Ах, мы получаем грошики!», вторая в тон ей поддывала: «Денег на жизнь катастрофически не хватает!». Прокуроры, стоящие рядом, старательно поддакивали. Все эти лицемерные стоны слушать было пренеприятно. Если прокурору мало двух с половиной тысяч, как же прожить на всего лишь 350?

На мою зарплату можно было прожить в то время, конечно, впроголодь. Левая работа была редкостью, но через не-

которое время я нашёл источник постоянного дохода, хотя и небольшого.

Всё в прокуратуре делалось в экстренно-спешном порядке – даже тогда, когда торопиться не было необходимости. Вот это-то я и использовал. Приносила какая-нибудь прокурорша (или прокурор) бумагу и просила сделать всё побыстрее. Я стряхивал дремоту (труд у меня не был пыльным) и недовольно заявлял:

– Насчёт быстроты, как получится. Ставлю вас в очередь.

Само собой, очереди, как таковой, не существовало, да и занятия у меня никакого не было. Более того! Я изнывал от безделья.

– У меня бумага срочная, – поясняла прокурорша. – Очень срочная. – Голос её звучал просительно и жалобно.

– А вы знаете, что я очень занят? – говорил я совершенно непреклонно.

– Пожалуйста, – голосок был тоненький и умоляющий. – Очень прошу.

Всё! Плод созрел, и теперь можно его сорвать.

– В принципе, – тянул я медленно и раздумчиво, как будто взвешивая свои возможности, – я могу пропустить вас без очереди. Но что я за это буду иметь?

– Я вас отблагодарю (вариант: «Договоримся»).

Тариф за «срочность» составлял от трёх до пяти рублей за каждую бумагу. В конце отчётного периода (полгода, год) мне отстёгивали, бывало, и по двадцать-сорок рублей. То есть к своей зарплате я добавлял ежемесячно ещё от 180 до 230 рублей! Маленький, но очень ощутимый привесок.

Несомненно, я прекрасно понимал, что эти мини-взятки абсолютно незаконны, но ни угрызений совести, ни даже страха не испытывал. Единственное, что меня удивляло, та лёгкость, с которой прокуроры шли на эти противозаконные сделки. Осечки у меня не было ни разу!

Ещё одна особенность в работе конторы меня поразила с самого начала – абсолютная безграмотность прокуроров. Правила русского языка игнорировались, а словарями не только не умели пользоваться, но и элементарно не хотели. А зачем? И так сойдёт! Я даже собрал коллекцию прокурорских «перлов».

«Наибольший рост прироста преступлений» вместо «Наибольший прирост преступлений».

«Исполнял должности» вместо «Исполнял обязанности».

«Данное дело как пример считаю не может использоваться как следственную ошибку» (абсолютно невразумительная фраза).

«Было установлено ряд нарушений» вместо «Был установлен ряд нарушений».

Повсеместно в прокуратуре произносили слово «осуждённый» с ударением на «у»: «осУжденный».

Продолжать можно и дальше...

Может ли такой, с позволения сказать, юрист, не умеющий двух слов связать и спотыкающийся в элементарном правописании и произношении, чётко и ёмко (или хотя бы просто и ясно) выразить свою мысль? Нет ничего более жалкого, чем косноязычный прокурор.

Стоит добавить для общей характеристики прокуроров ещё несколько слов. В их деятельности всегда присутствовал обвинительный уклон. И это не удивительно! Неоднократно я слышал цинично-весёленькую сентенцию. Часто – к месту и не к месту – кто-нибудь из прокуроров, хитро улыбаясь, говорил: «Вор должен сидеть в тюрьме! Даже...» Другой, хихикая, тут же подхватывал: «Даже если он не вор и ничего ни у кого не украл!» Дальше следовал залиvistый смех... Мороз по коже продирает от такого веселья!

В канцелярии все годы я проработал в паре с Бедокуровой, сидя с ней в одном кабинете, при этом мы и ссорились, и дружили, и вспоминается это время сейчас с приятным чувством.

Наша комната была чем-то вроде клуба, где собирались работницы канцелярии почесать языком и посплетничать. Говорили обо всём, что волновало: как прожить на крохотную зарплату; как вытерпеть хамство и заносчивость прокуроров; о лицемерии руководства... Обсуждали и другое: художественные фильмы; как одеваются, что говорят политики, певцы и актёры и кто из них «голубой»... Поначалу это было интересно, но довольно скоро мне надоело, и я стал всё чаще игнорировать эти разговоры или просто уходил.

Люди, собиравшиеся на этих посиделках, были совсем непохожими друг на друга.

Танайда, работавшая инспектором отдела кадров, приходила к Бедокуровой просто пообщаться, была искренней, чистосердечной и бесхитростной; её немного наивные вопросы приводили иногда к комичным ситуациям.

Вяхлова, женщина полная, умная и бесконечно добрая, работала кем-то вроде снабженца и заходила к Бедокуровой поболтать и отдохнуть душой от прокурорской глупости и от

своего начальника, человека пустого, ничёмного и недалёкого. Меня она всегда отличала (говорили, что я – её любимчик) и помогала чем могла: однажды снабдила меня мешком картошки; баловала шоколадом (покупая, например, «Пикник», отдавала мне треть); на втором году моей работы она специально ходила к главному прокурору, требуя повысить мне – одному мне! – зарплату. И ещё целый ряд больших и маленьких благодеяний. Как я могу забыть об этом?

Тяржина, работавшая неподалёку, время от времени меня поругивала (по-доброму, конечно) и, понимая, что я живу практически впроголодь, часто меня подкармливала тем, что оставалось от обедов, в которых принимала участие. Когда мне пришлось трудно, она дважды накормила меня полноценным обедом. Добрая, разумная, но, похоже, не очень счастливая...

Алишину я знал и раньше, но не очень хорошо. В прокуратуре я к ней пригляделся. Жизнь она проводила пресесело: любила вкусно поесть и – особенно – сладко выпить. Не раз и не два она появлялась на работе «под мухой» после бурно проведённой ночи. Однажды с моего стола пропали две книги, а потом за их нашёл (и купил) в букинистическом магазине. Проследив их путь, я понял, что к их исчезновению приложила руку Алишина, но скандалить с ней не стал (по-настоящему весомых доказательств не было). Бывало, она шокировала окружающих своими нарядами, сверхмодно-откровенными. Серяк, редкостный ретроград очень недалёкого ума, курировавший канцелярию, выговаривал по этому поводу Билякиной, а та шпыняла уже Алишину. После одного такого распекания, воспользовавшись тем, что Билякина уехала в командировку, Алишина пришла – назло всем! – в спортивном трико... Погорела она на какой-то бюрократической мелочи и вынуждена была уйти.

Нравилась мне Хадорищенко, работавшая где-то на другом этаже. Билякина её недолюбливала, считала чуть ли не запойной пьяницей, наговаривала на неё, пытаясь очернить её перед руководством. Трудилась она нормально, училась на юриста и после получения высшего образования надеялась остаться в прокуратуре, но... Не сложилось – во многом из-за того, что не заискивала перед прокурорами, да и подленький язычок Билякиной на славу поработал. Потом Хадорищенко стала адвокатом и даже работала в Москве.

Меченкова была иной: маленькая, кругленькая, производила впечатление переваренной сардельки и выглядела внешне довольно вульгарно, при этом щеголяла лексиконом шаромыжников, употребляя тривиальные сентенции («поникли лютики...») и пр.) и приправляя речь помойными словечками. Она сразу невзлюбила меня (очевидно, просто метила на моё

место) и стала оговаривать меня перед Билякиной и делать мелкие пакости. Однажды, когда мы встретились в пустом коридоре, выматерила меня ни с того, ни с сего (я презрительно промолчал), потом придумала, что от меня жутко воняет... Не хочется вспоминать о дурацких её выдумках и фантазиях.

С течением времени мне всё меньше нравилось работать в прокуратуре. Раздражали высокомерие, чванливость, бестолковость и вопиющая безграмотность прокуроров. С некоторых пор на меня косо стала посматривать и Билякина: началось это после одного анекдотично-драматичного происшествия.

Я не боялся ничего и мог, в отличие от других, постоять за себя. Как-то я исправил несколько прямо-таки бьющих в глаза ошибок-ляпов в бумаге Дебимовой. Она жутко разоралась: «Я – советник юстиции! Я никогда не ошибаюсь! Как ты смеешь?» Я её высмеял: с каких пор грамотность определяется чином?

Кстати говоря, в прокуратуре всегда присутствовала смехотворная – иначе не скажешь! – традиция. Прокуроры очень гордились своими чинами, постоянно соотносили их с армейскими званиями и даже называли себя «офицерами», хотя правильнее и точнее было бы именоваться чиновниками.

Дебимова, повздорив со мной и не сумев ничего доказать, свой гнев обрушила на Билякину, начальницу канцелярии, робко-боязливую до беспамьятства, требуя от неё, чтобы бумаги на моём столе лежали не в беспорядке, а красивыми стопочками. Вот так мелко Дебимова решила мне отомстить. Перечить Билякина не посмела и каждый день с утра бегала наводить у меня на столе порядок. С брезгливостью я наблюдал за наглым бесстыдством одной и угодливой заискивающей трусостью другой. Дебимова успокоилась через неделю (сообразила, что сделала дурость?). Именно с тех пор Билякина и невзлюбила меня.

Примерно через полгода после моей ссоры с Дебимовой неожиданно уволилась Бедокурова. Она всегда старалась меня защищать, что очень не нравилось Билякиной, однажды даже заявившей ей со злобой: «Я вас обоих уволю». Действуя исподтишка, угрозами, а отчасти и угрозами она добилась, чтобы Бедокурова, которая трудилась и одновременно получала пенсию, покинула прокуратуру, а мне пришлось работать в паре с Меченковой, постоянно говорившей обо мне гадости начальнице. Тут я впервые всерьёз задумался: стоит ли и дальше тянуть лямку в этой занюханной конторе? Зарплата ниже, чем у дворника, да и отношение наплевательское...

Билякина тем временем стала рассказывать Серяку про меня небылицы, а тот только уши развешивал. А источником её

рассказов послужила моя старая шутка шокирующего свойства. Года за два до этого на одной из посидело возник разговор обо мне. Узнав, что я жил в частном доме без всяких удобств, Танайда простодушно поинтересовалась:

– А как же ты моешься? И где?

Естественно, я мылся один-два раза в неделю в обычной бане. Но у меня с ранней молодости сохранилась привычка удивлять окружающих абсурдными утверждениями:

– Мыться? А зачем? Я моюсь раз в полгода. Да и то не всегда.

Вяхлова и Бедокурова только улыбнулись, а Танайда недоверчиво спросила:

– Правда, что ли?

Вот эти мои речи и использовала Билякина. По её словам, я хожу в совершенно рваной одежде (раз как-то у меня на джинсах шов разошёлся...) и от меня невыносимо воняет из-за того, что я моюсь только раз в полгода. Всю эту галиматью она старательно вдвала в уши Серяку, а тот слушал... Об этом совершенно по-простецки проговорилась прокурорша из отдела кадров (кого-то временно замещала).

В одно утро некая добрая душа (как ни странно, и среди прокуроров такие встречались) шепнула мне, чтобы я был осторожен: за мной стали бдительно наблюдать. На следующий день я решил проверить и выскочил на несколько минут в магазин неподалёку. Через пять минут после моего возвращения прибежала прокурорша (та самая, временная) из отдела кадров и приказала писать объяснительную. Написал – отнёс. Действительно, с подачи Билякиной и с благословения Серяка за мной установили слежку. Часа через полтора меня вызвал Серяк, встретивший меня злобной тирадой: «Если ты в следующий раз выйдешь на улицу, то больше можешь и не возвращаться». Его, видимо, взбесила моя объяснительная, написанная так, что и прицепиться было не к чему. После паузы Серяк, уткнув нос в бумажку, прочёл свою резолюцию: «Если работаешь тра-та-та... Ты должен тра-та-та...» Это было не то указание, не то замечание, не то порицание, а может и выговор... Пока он что-то бубнил себе под нос, я смотрел в окно и думал: стоил ли и дальше терпеть унижения от таких ничтожеств, как Билякина и Серяк? Когда этот чиновный крючок добрался до конца своейговорильни, я твёрдо сказал: увольняюсь с такого-то числа. Серяк скороговоркой, будто боясь, что я передумаю, брякнул: «Я подпишу!» Ни в этот раз, ни потом, когда я написал заявление об увольнении, он так и не поинтересовался причиной моего ухода. Невольно вспомнилось, как Серяк однажды вполне лицемерно

расписывал свои чуткость и отзывчивость в отношениях с подчинёнными. Подлость всегда любит принарядиться...

Последние дни пролетели незаметно. Радость переполняла меня: я покидаю прокуратуру с её мертвящей атмосферой! Мне даже хотелось петь! Ни разу потом мне не пришлось пожалеть об этом.

Я видел вблизи работу прокуроров. Они старательно изображали бурную деятельность и бесконечно ныли о своей перезагруженности, но при этом я ни разу не видел, чтобы кто-то из них задержался на службе после окончания рабочего дня или пришёл в выходные. Что-то, конечно, эти чиновные крючки делали, но все их старания проходили мимо людей («граждан» на их казённо-будничном лексиконе), ради которых они вроде бы и должны трудиться...

Спустя много лет у меня состоялось в библиотеке знакомство – весьма мимолётное! – с относительно молодым человеком, отрекомендовавшимся прокурором Володей. Стоял он на площадке между маршами лестницы и попивал некую жидкость из бутылки, сказав с усмешкой: «Ты думаешь, это квас?» Он опохмелялся самодельным коктейлем из коньяка и пива, хвастливо заявив: «Я вчера с тремя полковниками пил!» Оказывается, он работал в той же прокуратуре, где и я когда-то. После оживлённого разговора с этим «прокурором Володей» я с сожалением констатировал, что в конторе этой не изменилось ничего...

Вот и окончена моя история, моя медитативно-элегическая повесть. Скоро после увольнения из прокуратуры в одной из городских газет появилась моя первая публикация. Для меня будто распахнулась дверь в новую жизнь.

Июль 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОСНОВНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ

Алексеев Илья.....	6
Асфатуллин Салават.....	11
Бабина Жанна.....	26
Барут-Фишер Сергей.....	32
Бендрышева Маргарита.....	38
Ботук Вячеслав.....	44
Вербицкий Павел.....	49
Груздева Татьяна.....	55
Донских Анастасия.....	64
Журавлёва Наталья.....	69
Замалаев Вадим.....	73
Зорькин Александр.....	79
Иванов Валерий.....	103
Караулан Артём.....	110
Карпенко Владимир.....	114
Коврова Кира.....	117
Макеев Алексей.....	132
Савкина Татьяна.....	135
Сулимова Ирина.....	142
Филатова Людмила.....	146
Чеботарёва Лидия.....	149
Чернявский Виктор.....	153
Шабров Виктор.....	158
Эйкин Геннадий.....	162
Эйкина Наталья.....	164
Эсса Людмила.....	168
 ИЗ ФОНДОВ	
Лареев Виктор.....	173
Хмелевский Александр.....	183